

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

А. Я. Аврех

ЦАРИЗМ

И ТРЕТЬЕЙЮНЬСКАЯ СИСТЕМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1966

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

А. Л. СИДОРОВ

1-6-4
1-66

РЕАКЦИЯ*

Столыпинский террор. Когда сраженный буревестник революции упал на землю, на добычу вылетели совы реакции. Прогнивший насквозь царский режим, воплощение застоя и деспотизма, защищал свое существование свойственными ему подло-жестокими, варварскими средствами.

Повальному обыску была подвергнута вся страна. Обыскивали железнодорожные поезда, церкви, школы, университеты, земства и даже суды и психиатрические больницы¹. Никто не был застрахован от ареста и высылки. Заключенных подвергали жестоким истязаниям и пыткам.

В козловской тюрьме арестованных крестьян избивали нагайками и железными прутьями; приводили в сознание холодной водой и снова били. В харьковской тюрьме на арестантов надевали смирительные рубашки, а затем били кулаками, топтали ногами. Севастопольские тюремщики за малейшую провинность секли розгами. Акатуйская каторжная тюрьма прославилась избиениями политических заключенных. Начальник тюрьмы просил официального разрешения сечь политических розгами. В Риге аресто-

* В сокращенном виде настоящий очерк предназначается в качестве главы для VI тома 12-томной «Истории СССР», подготовляемой к изданию Институтом истории АН СССР.

¹ В. П. Обнинский. Новый строй, ч. 2. М., 1909, стр. 204.

ванных били плетью, посыпали раны солью, вырывали волосы, топтали ногами, тушили о тело папирсы, кормили селедкой и не давали пить. Пытали в Астрахани, Одессе, Кременчуге, Пинске, Казани, Вятке. Во время допроса одному из заключенных заткнули рот прокламациями, приговаривая при этом: «Почитай-ка теперь свои прокламаций»².

Суд повсеместно был низведен до уровня столыпинской военно-полевой юстиции. В судах разыгрывались такие драмы, что рыдала публика, ко всему привыкшие защитники падали в обморок. Приговоры объявлялись под нечеловеческие вопли невинно осужденных. Приговаривали к смерти несовершеннолетних, казнили беременных женщин. Один малолетний гимназист перед казнью лишился чувств, и петля была накинута на обморочного. Те, кто избегал пули или веревки, погибали в тюрьмах.

К началу 1908 г. в тюрьмах находилось более 200 тыс. человек — вдвое больше, чем было тюремных мест. Арестантов косил сыпной тиф³.

Смертные приговоры и смертные казни стали повседневностью — «бытовым явлением», по крылатому выражению В. Г. Короленко.

Действия царизма вызывали негодование широких народных масс Европы, передовой интеллигенции. Английскому и французскому правительствам приходилось оправдываться даже перед самыми умеренными кругами, шокированными открытым союзом респектабельных «демократий» с режимом средневекового палачества. Русский посол в Лондоне для ориентации и организации контрпропаганды, в связи с предстоявшим летом 1909 г. визитом в Англию царя и думской делегации, затребовал у Министерства иностранных дел сведения о количестве смертных приговоров и казней, которые и были ему незамедлительно высланы аккуратно размеченными по годам (начиная с 1904 г.) и под конец — даже по месяцам (за 1909 г.)⁴.

С июля 1904 г. по июль 1909 г. пострадавших от всякого рода репрессий, начиная от простого обыска и кончая намыленной веревкой, было не менее 1,5 млн. человек. Вместе с семьями эта цифра увеличивается до несколь-

² В. П. Обнинский. Указ. соч., ч. 2, стр. 207—208.

³ Там же, стр. 209, 212.

⁴ «Красный архив», 1925, т. 1 (8), стр. 242—243.

ких миллионов⁵. 1909 год был кульминационным. В последующие годы волна репрессий несколько спадает. Тем не менее тюрем по-прежнему не хватало, строили новые, очищали место от уголовной мелкоты для новых партий политических заключенных.

Подверглись разгрому многочисленные демократические организации и союзы, возникшие в годы революции. Полностью исчезли крестьянские организации. От студенческих и интеллигентских союзов остались жалкие обломки.

С особой яростью обрушился царизм на рабочий класс и его партию. Наступили тяжелые годы непрерывных провалов, недостатка сил, разрозненных действий. Немногие уцелевшие и вновь возникавшие профессиональные союзы преследовались и закрывались. С 1906 по 1912 г. было закрыто свыше 600 союзов и примерно столько же получили отказ в регистрации. За короткий срок были уничтожены 978 газет и журналов, 174 органа оштрафованы на общую сумму 112 тыс. руб. Свыше тысячи редакторов привлекались к судебной ответственности⁶.

Неистовствовала «черная сотня». Субсидируемые правительством черносотенно-монархические организации призывали к еврейским погромам, убивали революционеров, насаждали атмосферу страха и доносов. Десятки черносотенных газет и журналов вели бешеную антисемитскую кампанию, травили «инородца», требовали новых репрессий. Черносотенцам покровительствовали «сферы». Сам царь нацепил на себя и на наследника значки «Союза русского народа» и послал приветственную телеграмму его главарю А. И. Дубровину с выражением благодарности и признанием заслуг.

С черносотенцами сомкнулась господствующая православная церковь. Следуя приказам архиереев и консисторий, «батюшки» вступали в «Союз русского народа» и «Союз Михаила Архангела», возглавляли их местные отделы, произносили с церковных амвонов погромные проповеди. В огромных количествах стала издаваться «народная» церковная литература, где призывы к обскурантизму перемежались с псевдодемократической демагогией.

⁵ В. П. Обнинский. Указ. соч., ч. 2, стр. 353.

⁶ Там же, стр. 213.

Страна управлялась на основе Положения об усиленной и чрезвычайной охране, которое наделяло местную администрацию огромными правами, позволяя ей издавать обязательные постановления, имевшие фактически силу закона. В результате многие местности и губернии превратились в настоящие сатрапии и имена ряда губернаторов и градоначальников сделались нарицательными.

Ялтинский градоначальник генерал-майор Думбадзе издал приказ, требовавший выбирать во II Государственную думу только «истинно-русских людей» вместо «христопродавцев» — бывших депутатов I Думы. Он приказал сжечь дом некоего Новикова, с балкона которого, как ему показалось, была брошена в него бомба, не разрешив при этом квартирантам вынести свое имущество. Год спустя Думбадзе разразился новым приказом. В нем он обязал «беспощадно наказывать» хозяев, которые впускают к себе «злодеев-врагов», а их дома грозил, «наподобие дома Новикова, уничтожить без остатка»⁷.

Даже октябристы вынуждены были сделать в Думе запрос о Думбадзе. В запросе рассказывалось о том, как ялтинский правитель выслал 72-летнего тайного советника за отказ подписаться на черносотенные издания, избил психически больного арестанта, другого арестанта приказал пороть, «пока не сознается», в результате чего истязуемый, не выдержав мучений, облил себя керосином и сжег. Цитировались некоторые из выражений Думбадзе: «я тебя выпорю, мерзавец», «запру в тюрьму», «законов таких не потерплю» и т. д. На этот запрос Думбадзе ответил: «Поступать буду всегда и впредь, как поступаю теперь и поступал раньше»⁸. Газеты пестрели заголовками: «Времен думбадзевских и покоренья Крыма», «Из Думбадзии» и т. п. и одновременно сообщали о «высочайшей благодарности» генералу Думбадзе за «отличный порядок» в Ялте и окрестностях во время пребывания там царской семьи⁹.

Не менее прославился одесский градоначальник Толмачев. Одесса была отдана им во власть черносотенцев. Победа их на выборах в городскую думу была обеспечена

⁷ «Русь», 26 и 27 января 1906 г., 18 апреля 1907 г.; ЦГАОР СССР, ф. 539, оп. 1, д. 1284.

⁸ «Русь», 19 мая 1908 г.; ЦГАОР СССР, ф. 539, оп. 1, д. 1284.

⁹ «Русь», 10 июня 1908 г.; «Речь», 22 декабря 1909 г.

нанятыми крючниками. Доставленные на автомобилях к зданию думы, где происходили выборы, они силой заставляли избирателей отдавать свои голоса за черносотенных кандидатов. Банды «союзников» громили редакции неугодных газет, избивали сотрудников, в том числе и женщин. В наказание за сообщение об учиненных разгромах Толмачев заставил эти газеты восхвалять на своих страницах деятельность «Союза русского народа»¹⁰. О том, что творилось в Одессе, газеты сообщали под заголовками: «Толмачевская Одесса», «В толмачевском воеводстве», «Эдикты ген. Толмачева» и т. п. Два запроса о Толмачеве в Думе были так же безрезультатны, как и запрос о его ялтинском коллеге.

Наиболее мрачную картину представляла собой деятельность нижегородского губернатора А. Н. Хвостова. Особенно он отличился во время избирательной кампании в IV Думу. С помощью фиктивных цензов, священников и полиции от Нижегородской губернии прошли в Думу исключительно губернаторские ставленники. Один из друзей Хвостова позже дал ему следующую характеристику: «Бывший нижегородский сатрап. Ест людей живьем... 100 сантиметров в окружности, 8 пудов веса»¹¹.

Достойными соратниками Думбадзе, Толмачева и Хвостова были костромской губернатор Веретенников, тамбовский губернатор Муратов и многие другие.

Даже ко всему привыкший российский обыватель в изумлении восклицал: «Какое же сравнение! При Плеве много лучше было»¹².

«Вехи». Но одних репрессий, чтобы задуть революцию, было мало: спустя полгода после того, как Плеве был убит, в стране началась революция, которую он пытался задуть в зародыше самыми свирепыми полицейскими мерами. Под свинцовым дождем репрессий зреют только семена ненависти и становится нестерпимой жажда расплаты. Реакция могла прочно утвердиться лишь в том случае, если бы из сознания масс удалось вытравить память о революции и добиться их примирения с понесенным поражением. Требовалось, чтобы контрреволюция восторжеств-

¹⁰ «Новая Русь», 16 и 23 апреля 1909 г.; ЦГАОР СССР, ф. 539, оп. 1, д. 1416.

¹¹ «Речь», 26 и 27 октября 1912 г.

¹² В. П. Обнинский. Указ. соч., ч. 2, стр. 223.

вовала также идейно. Но идейный арсенал царизма, бедный и грубый, потерявший кредит в глазах народа за годы революции, не годился для идеологического обоснования реакции. За решение этой задачи взялись владельцы более тонких идейных средств — теоретики и вожди контрреволюционного либерализма.

В 1909 г. группой «известных,— по выражению В. И. Ленина,— депутатов, известных ренегатов, известных кадетов...»¹³ был выпущен сборник статей под общим названием «Вехи», который В. И. Ленин назвал *«энциклопедией либерального ренегатства»*¹⁴. Никогда еще до этого сущность русского либерализма не выявлялась так всесторонне и обнаженно, как это было сделано в «Вехах». Уклончивый и трусливый по самой своей природе, привыкший рядиться в одежды «демократизма» и «народной свободы», тщательно прятавший свои истинные цели и мысли от народа, к которому он все время апеллировал, русский либерализм в лице своих влиятельных представителей на этот раз решил поставить точку над «i». «Ценя выше всего развитие политического и классового сознания масс,— писал в связи с этим В. И. Ленин,— рабочая демократия должна приветствовать „Вехи“, как великолепное разоблачение идейными вождями кадетов сущности их политического направления»¹⁵.

Формально темой «Вех» были «грехи» русской интеллигенции; в действительности их авторы решили устроить суд над русской революцией, опорочить ее и доказать полную несостоятельность идей, целей, традиций русского освободительного движения.

Исходной посылкой «Вех» являлась мысль, что самый ошибочный путь — это путь революции. Он не только не ведет к достижению политической свободы и к социальным преобразованиям, но, наоборот, наносит им величайший вред. Суть дела не в том, писал П. Б. Струве, «как делали революцию, а в том, что ее вообще делали». «Обычно после революции и ее победы,— писал он в другом месте,— торжествует реакция в той или иной форме». В подтверждение он ссылаясь на историю. Низы, поднявшись в ожесточенном бунте против государства в начале XVII в.,

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 167.

¹⁴ Там же, стр. 168.

¹⁵ Там же, стр. 167.

«только увеличили свое собственное закрепощение и социальную силу „господ“». Пугачев своими «воровскими» методами борьбы против государства погубил «дело крестьянского освобождения». Наследником этих «воровских» методов стала русская революционная интеллигенция¹⁶.

«Вехи» яростно обрушиваются на марксистское учение о классовой борьбе, ясно отдавая себе отчет в том, что это краеугольный камень, на котором зиждется все здание демократической и социалистической идеологии и практики, источник всех бед и разочарований либерализма в его борьбе с рабочим классом за гегемонию в освободительном движении. С исключительной настойчивостью П. Б. Струве, Н. А. Бердяев, Б. А. Кистяковский и др. стремятся доказать несостоятельность тезиса о том, что изменение «внешних» условий жизни общества, под которым разумеется революционное ниспровержение общества, построенного на эксплуатации и угнетении, приводит к достижению поставленной цели — к всеобщему благу.

«Основная философия социализма, идейный стержень, на котором он держится как мировоззрение,— писал Струве,— есть положение о коренной зависимости добра и зла в человеке от внешних условий». Она объявляется им примитивной и ненаучной. Эта «примитивность» доказывается низкой клеветой на социализм, который выдается «Вехами» за мировоззрение, «где идея производства вытеснена идеей распределения». Из двух основных средств социального приобретения материальных и духовных благ — распределения и производства — интеллигенция якобы «признает исключительно первое». Сконструированная Струве несложная «религия социализма» сводится к идее перераспределения отнятых богатств. Социализм «стремится превратить всех людей в „рабочих“..., свести к минимуму высшие потребности личности и общества «во имя всеобщего равенства»¹⁷.

«Вехи» издеваются над «человеколюбием» революционной интеллигенции. Веховцев выводит из себя, что «символ веры русского интеллигента есть благо народа». Они бичуют интеллигента за то, что «его бог есть народ,

¹⁶ «Вехи». Сборник статей о русской интеллигенции. Изд. 5-е. М., 1910, стр. 170, 156—158.

¹⁷ Там же, стр. 162, 198, 197, 192, 188.

его единственная цель есть счастье большинства. Им ненавистен этот «культ материальной пользы большинства», «любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу...»¹⁸.

С. Н. Булгаков в статье, названной «Героизм и народничество», задался целью развенчать такие качества, которые всегда у всех народов служили образцом для подражания. Героизм революционной молодежи он объявляет лжегероизмом. Он осуждает «одержимость» революционеров, их «фанатизм», «пресловутую принципиальность», «экзальтированность», «авантюризм» и т. д. «...Пафос революции,— утверждает автор,— есть ненависть и разрушение». Революционеры, доказывал С. Л. Франк, оказались в «духовном родстве с грабителями, корыстными убийцами, хулиганами и разнузданными любителями полового разврата»¹⁹.

По мнению А. С. Изгоева, уход в революцию студенческой молодежи объясняется главным образом ее нежеланием серьезно работать и учиться. «Русская молодежь,— писал он,— мало и плохо учится», обладает слабой культурой, для нее характерны «нравственное разгильдяйство» и «привычка к фразерству»²⁰.

«„Вехи“ — по выражению В. И. Ленина, — сплошной поток реакционных помоев, вылитых на демократию»²¹.

«Задача реакции — писал В. И. Ленин еще за два года до выхода „Вех“, — заставить население забыть те формы борьбы, формы организации, те идеи, те лозунги, которые в таком богатстве и разнообразии рождала революционная эпоха». Так поступила английская реакция по отношению к чартизму, немецкая — к революции 1848 г., французская — к Великой французской революции. Для того чтобы отвратить народ и его передовые слои от революции, ее надо скомпрометировать. И именно поэтому «герои контрреволюции, особенно из вчерашних „демократов“ вроде Струве, Милюкова, Кизеветтера и tutti quanti соперничают друг с другом в подлом оплевывании революционных традиций русской революции... Создалось уже громадное течение, называющее себя *либеральным* (!!), куль-

¹⁸ «Вехи», стр. 8, 183, 188, 206.

¹⁹ Там же, стр. 39, 41—43, 207.

²⁰ Там же, стр. 107.

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 173.

тивлируемое в кадетской печати и посвященное сплошь тому, чтобы представлять нашу революцию, революционные способы борьбы, революционные лозунги, революционные традиции как нечто низменное, элементарное, наивное, стихийное, безумное и т. д. ... вплоть до преступного...»²².

«Вехи» показали всю меру либерального ренегатства, лицемерия и клеветы, выдавая политический и моральный распад мелкобуржуазных и либеральных попутчиков революции за несостоятельность революции вообще. Авторы сборника стремились утвердить у революционной интеллигенции чувство неполноценности и полной якобы оторванности ее от народа. Народ ненавидит интеллигенцию, она чужда ему, уверял М. О. Гершензон. В качестве вывода следовала ставшая геростратовски знаменитой фраза: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом,— бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»²³.

«Вехи» демонстративно отказываются учитывать программные и тактические различия революционных течений и партий, считая их несущественными по сравнению с тем, что их объединяет. Они все рассматриваются как «народничество». Даже марксизм объявляется полностью растворившимся в нем.

«Что для либерала,— писал В. И. Ленин,— стирается различие между народничеством и марксизмом,— это не случайно, а неизбежно, оно не „фортель“ литератора (прекрасно знающего эти различия), а закономерное выражение современной сущности либерализма. Ибо в данное время либеральной буржуазии в России страшно и ненавистно не столько социалистическое движение рабочего класса в России, сколько демократическое движение и рабочих и крестьян, т. е. страшно и ненавистно то, что есть общего у народничества и марксизма, их защита демократии путем обращения к массам. Для современной эпохи характерно то, что либерализм в России решительно повернул против демократии; совершенно естественно, что его не интересуют ни различия внутри демократии, ни

²² Там же, т. 16, стр. 25.

²³ «Вехи», стр. 89.

дальнейшие цели, виды и перспективы, открывающиеся на почве осуществленной демократии»²⁴.

Однако ненависть «Вех» к революционному марксизму была так велика, что принятый метод его третирования до конца не выдерживался. Революционному марксизму «Вехи» противопоставляют ревизионистские идеи Э. Бернштейна, соглашаясь, в частности, с его формулой «движение — все, конечная цель — ничто». Они восхваляют «экономистов» и ликвидаторов как «настоящих» социалистов, обвиняя большевиков в анархизме, мелкобуржуазности и отходе от марксизма. Резкое недовольство вызвали у «Вех» организационные принципы большевизма, царящая у большевиков дисциплина. Особенно восстают они против идеи диктатуры пролетариата и вооруженного восстания²⁵.

«Вехи» потребовали от демократической интеллигенции перехода к «новому сознанию», к которому можно «перейти лишь через покаяние и самообличение», отказа от материализма и атеизма на почве «синтеза знания и веры». Взамен героизма предлагалось «христианское подвижничество». Нести послушание должны были все: врач, инженер, профессор, политический деятель, фабрикант, рабочий. Призывы к «покаянию», возвращению к церкви, «религиозному оздоровлению» и «религиозному гуманизму» рассыпаны на страницах «Вех» в огромном количестве. Цель этих призывов не скрывалась. «Религиозность,— писал Франк,— несовместима с признанием абсолютного значения за земными, человеческими интересами, с нигилистическим и утилитаристическим поклонением внешним жизненным благам». «Религиозная идея,— доказывал в свою очередь Струве,— способна смягчить... жесткость и жестокость» крайнего политического радикализма²⁶.

Однако проповедь отвращения к «внешним жизненным благам» удивительным образом уживалась на страницах «Вех» с самым грубым, пошло-мещанским культом личного благополучия, волчьего эгоизма и наслаждения жизнью, который они противопоставили общественным идеалам. «Эгоизм, самоутверждение — великая сила,— вещали „Вехи“, — именно она делает западную буржуазию могучим бессознательным орудием божьего дела на зем-

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 172.

²⁵ «Вехи», стр. 41, 121, 144—146, 195.

²⁶ Там же, стр. 8, 21, 54, 168, 181.

ле». Высмеивался «странный аскетизм» революционной молодежи, ее нежелание «эгоистически» радоваться жизни, наслаждаться «свободно ее утехами». Выдвигалось требование покончить с «деспотическим» предрассудком, что «думать о своей личности — эгоизм, непристойность...»²⁷.

Обращение к «здоровому эгоизму» было не чем иным, как призывом к революционной молодежи отказаться от политики, которая должна являться уделом «взрослых», веховски-благоразумных, либеральных политиканов, знающих, что такое «политический реализм», «историческая терпеливость» и т. п. Пожалуй, самым ненавистным для «Вех» было то, что во главе революционного движения стояла преимущественно молодежь. «Духовная педократия, — писал Булгаков, придумавший этот термин, который означал у него господство детей, — есть величайшее зло нашего общества...» Его приводила в неистовство «протиестественная гегемония учащейся молодежи» в революции. Раньше, как более тонко и вкрадчиво писал Изгоев, студенты были чуть ли не единственной группой образованных людей, боровшихся с правительством. Но «теперь со студенчества эта непосильная для его молодых плеч задача снята, и общество требует от него другого: знаний, работоспособности, нравственной выдержки»²⁸.

В качестве исходного пункта политической программы и тактики контрреволюционного либерализма «Вехи» открыто провозгласили приспособление к царизму и реакции. Лозунг социал-демократов о свержении монархии, доказывал Струве, является «бездонным легкомыслием». Революционная интеллигенция «неделовита, легкомысленна в политике», не понимает, что политику нельзя сводить к борьбе классов. Сводить же ее надо к компромиссу — таков центральный лозунг «Вех». Современное конституционное государство, писал Кистяковский, основано на социальном, политическом и правовом компромиссе, устраивающем все классы и партии, в том числе и социалистов. Именно «это и позволяет социалистам, несмотря на принципиальное отрицание конституционного государства как буржуазного, сравнительно легко с ним уживаться и, участвуя в парламентской деятельности, пользоваться им как средством». Все прежние лозунги и средства борьбы рус-

²⁷ Там же, стр. 95, 71.

²⁸ Там же, стр. 43, 52, 116.

ской революционной интеллигенции после манифеста 17 октября, ставшего «порогом новой русской истории», должны быть оставлены²⁹.

С появлением «Вех» поворот либеральной буржуазии к контрреволюции, распад и развал среди попутчиков революции получили идейное обоснование и программу. Ренегатство было объявлено политическим прозрением, подлое и трусливое приспособление к реакции — подлинным мужеством. Веховцы, писал В. И. Ленин, не просто «*применялись к подлости...* Они сами по своему почину... построили *свою теорию „подлости“*»³⁰. Эту «теорию» восприняли и ликвидаторы. Таким образом, на деле создан единый фронт от Столыпина до ликвидаторов. Последние своей проповедью отказа от революции, борьбы с революционной партией пролетариата способствовали сохранению атмосферы реакции. «Независимец (ликвидатор. — А. А.)..., — указывал В. И. Ленин, — работает рука об руку со Столыпиным: Столыпин физически, полицейски, виселицей и каторгой разрушает нелегальную партию — либералы прямо делают то же открытой пропагандой веховских идей — независимцы среди социал-демократов косвенно содействуют разрушению нелегальной партии, крича об ее „омертвелости“, отказываясь помогать ей, оправдывая... уход из нее»³¹.

«Успокоение». Царизм и сплотившиеся вокруг него имущие классы, казалось, добились своей цели. В стране воцарилось «успокоение». Стачечное движение резко пошло на убыль, число стачечников в 1910 г. по сравнению с 1905 г. уменьшилось в десятки раз. Повсюду предприниматели пытались отнять у рабочих завоевания 1905 года. Крестьянство, обессиленное изъятиями «аграрников», лишившись своих организаций, молчало. В деревне хозяйничал земский начальник, туда проникала только черносотенная литература. Массы находились в состоянии уныния, подавленности, испытывали чувство собственного бессилия. Мелкобуржуазные партии и организации эсеров, народных социалистов, меньшевиков и др. пришли к полному развалу, распались на отдельные группы и течения. Большевики переживали тяжелый кризис, связанный с разгромом организаций, появлением таких антимарксист-

²⁹ «Вехи», стр. 120, 136, 166.

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 84, 85.

³¹ Там же, т. 19, стр. 292, 293.

ских течений, как «отзовизм», «богостроительство», эмпириокритицизм, разрушительной работой ликвидаторов. Процветала провокация. Пульс общественной жизни едва бился.

На этом фоне неистовствовала упадочническая литература. Смерть, распад, предательство, эротомания, индивидуализм стали ее ведущими темами. Либеральные публицисты издевались над тем, как в 1905 г. «ломали шапку перед его величеством пролетариатом». Д. С. Мережковский писал о «грядущем хаме», имея в виду победу революции. М. П. Арцыбашев в своих романах призывал к разврату и самоубийству во имя «свободы личности». Поэт Игорь Северянин воспевал ницшеанское «я». Проповедовался уход от действительности, мир символов объявлялся единственной заслуживающей внимания ценностью.

Почти все литературные «измы» того времени (символизм, акмеизм и пр.) сознательно или бессознательно делали одно дело: разрушали веру в человека, уничтожали исторический оптимизм, сеяли семена неверия и отчаяния. И это принесло свои плоды. Самоубийство среди молодежи стало модой. «Большая пресса» отводила много места вопросу о существовании «клуба самоубийц», задачей которого являлось содействие желающим отправиться на тот свет. Разложение принимало самые уродливые формы.

Могло показаться, что могильный «покой» воцарился в стране на долгие годы и контрреволюция восторжествовала. Но революция не была убита. Ее уроки глубоко запали в сознание масс и усваивались ими. Над обобщением ее опыта трудились идеологи пролетариата. Однако у революции, как известно, учатся не только революционные, но и контрреволюционные классы. Урок 1905—1907 гг. заставил царизм усвоить ту истину, что одних негативных средств для предотвращения новой революции недостаточно. Необходимо было попытаться решить задачи, поставленные революцией, и царизм встал на этот путь, добиваясь их решения «сверху», контрреволюционным, «бисмарковским» методом, в интересах крепостников-помещиков и верхов буржуазии. Орудием для этого он избрал политику аграрного и думского бонапартизма. Первый нашел выражение в знаменитом указе 9 ноября 1906 г., второй — в создании так называемой третьеиюньской системы, исходной предпосылкой которой стал государственный переворот 3 июня 1907 г.

ТРЕТЬЕИЮНЬСКИЙ БЛОК

Третьеиюньский государственный переворот. Суть третьеиюньского государственного переворота состояла в замене избирательного закона 11 декабря 1905 г. избирательным законом 3 июня 1907 г. Он был издан в нарушение манифеста 17 октября 1905 г. и Основных законов 1906 г., торжественно провозгласивших, что «никакой закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы...» В противовес этому в манифесте 3 июня утверждалось, что только царю принадлежит право изменять избирательный закон — «отменить оный и заменить его новым». Именно поэтому данный акт царизма, совершенный одновременно с роспуском II Думы, был расценен современниками и вошел в историю как государственный переворот.

Новый избирательный закон коренным образом перераспределял число выборщиков в пользу помещиков и крупной буржуазии за счет демократии — рабочего класса и крестьянства в первую очередь. Рабочие потеряли около половины выборщиков, крестьяне — больше половины (56%). На их долю приходилось около четверти всех выборщиков, в то время как помещики, составлявшие ничтожную часть населения страны, получили половину их общего числа (49,4%). Количество городов с прямым представительством сократилось с 26 до пяти (Петербург, Москва, Рига, Киев, Одесса). Только в шести губерниях (Пе-

тербургской, Московской, Владимирской, Костромской, Харьковской и Екатеринославской) рабочие получили право посылать в Думу по одному депутату. Число обязательных крестьянских депутатов равнялось 53 — по одному от каждой из 53 губерний европейской части России. Выбирались они, как и рабочие депутаты, губернскими собраниями выборщиков, в большинстве которых преобладали представители землевладельческой, т. е. помещичьей, и первой городской, т. е. крупнобуржуазной, курий. Резко сокращалось представительство национальных окраин. Все народы Средней Азии, Якутской области, кочевники Астраханской и Ставропольской губерний и нерусские народности Забайкалья вообще лишались представительства в Думу. Кавказу из 29 мест было оставлено 10, Польша вместо 37 теперь посылала 14 депутатов. В целом число депутатов Думы сокращалось с 524 до 442.

Все антидемократические черты старого закона — многостепенность выборов, лишение избирательных прав женщин, военнослужащих, имущественный и другие цензы — разумеется, сохранились. Всего избирательным правом пользовалось не более 15% населения. Даже царь и его министры окрестили новый избирательный закон «бесстыжим».

Поводом к разгону II Думы послужило обвинение социал-демократической фракции в подготовке вооруженного переворота. На основании этого обвинения Столыпин потребовал от Думы устранения 55 социал-демократических депутатов (всего с.-д. фракция насчитывала 65 человек) и санкции на немедленный арест 16 из них. Провокация была настолько грубой и явной, что тут же была разоблачена прессой. Не дожидаясь ответа от Думы, Столыпин разогнал ее и арестовал социал-демократическую фракцию.

Вдохновителем третьей Думы государственный переворот был Совет объединенного дворянства, который с самого начала своего возникновения в 1906 г. стал играть по отношению ко всем другим черносотенно-монархическим организациям и партиям роль руководящего идейного центра. По форме Совет представлял собой объединение 32 (позже 37) губернских дворянских обществ. На деле это была настоящая политическая партия крепостников-помещиков со своим центральным комитетом (Постоянный

совет объединенных дворянских обществ), регулярными съездами, программой, партийной кассой и т. д. Организация, благодаря тому, что в нее входили многие дворяне, занимавшие видные посты, имевшие обширные связи при дворе, в правительстве, Государственном совете и т. д., оказывала огромное влияние на всю политику правительства, особенно в критические для контрреволюции 1906—1907 гг. Первый председатель Постоянного совета (до 1912 г.) граф А. А. Бобринский, ярый реакционер, крупнейший землевладелец и сахарозаводчик, имел возможность излагать взгляды «объединенных дворян» непосредственно царю во время аудиенций, которые обычно испрашивались для преподнесения «трудов» очередного дворянского съезда «обожаемому монарху».

У Совет объединенного дворянства не только потребовал отмены закона 11 декабря 1905 г., но и разработал основные принципы нового избирательного закона, и именно они были реализованы правительством в законе 3 июня.

Характерно, что свой курс на государственный переворот Совет провозгласил одновременно с курсом на разрушение общины, ставя оба эти требования в неразрывную связь, рассматривая их как части единого целого. Позже, в секретном циркуляре, Постоянный совет отмечал, что и указ 9 ноября и закон 3 июня — дело его рук. «Проектированный на 2-ом съезде новый избирательный закон, — говорилось, в частности, в циркуляре, — в своих основаниях весьма близко подошел к тому, который объявлен 3-го июня 1907 года и дал нам третью Государственную Думу»¹.

Но реакция не смогла бы совершить государственный переворот, если бы ей не была обеспечена поддержка буржуазии. Октябристы эту поддержку оказывали прямо, требуя изменения избирательного права в духе закона 3 июня, предлагая свои проекты и схемы новой избирательной системы; кадеты, в силу своего положения партии «народной свободы», помогали реакции прикрито, но их помощь на деле было гораздо более эффективной и важной, чем октябристская. Весной 1906 г. кадеты помогли царизму получить во Франции двухмиллиардный заем, спасший его от финансового краха и пошедший на подавление революции. «...Кадеты, — указывал В. И. Ленин, — помогли правительству в прошлом году получить два миллиарда из Франции

¹ ЦГАОР СССР, ф. 584, оп. 1, д. 78, лл. 6—8.

на военно-полевые суды и расстрелы, ибо Клемансо прямо заявил кадетам: займа не будет, если партия кадетов официально выступит против займа»². «Кадеты *отказались это сделать* и тем помогли достать деньги на контрреволюцию»³. Кадеты во II Думе в принципе одобрили представленный правительством бюджет. И хотя Дума не успела принять его, это одобрение сыграло большую роль в укреплении веры в кредитоспособность царизма на европейских биржах.

Кадеты помогли царизму совершить государственный переворот своей трусливой политикой «бережения Думы», означавшей отказ от всяких конфликтов с властью. В частности, согласно этому лозунгу, кадеты решили отнестись к правительственной декларации молча, не выражая правительству ни доверия, ни недоверия. Им удалось протащить в Думе соответствующую формулу перехода (резолюцию). В связи с этим маневром В. И. Ленин писал: «Правительство безусловно вынуждено распустить Думу. Ему выгодно, чтобы она разошлась молча, покорно проделывая конституционную комедию, не открывая глаз народу на неизбежность государственного переворота. И трусливые кадеты своей бесподобной, несравненной „исторической“ формулой: „отнестись *молчаливо*“, вместо „выражаю недоверие“ сказать „не выражаю доверия“, — только помогают правительству совершить *молчаливый* государственный переворот»⁴.

В этом отношении весьма примечательно признание кадеты Ф. А. Головина, председателя II Думы, сделанное им позже в своих «Воспоминаниях». «Немедленно (утром 3 июня. — А. А.), — писал Головин, — я поехал в помещение к.-д. фракции. Там я застал спокойствие. На мой вопрос, не собираются ли в Выборг или еще куда (т. е. выступить с протестом на манер «Выборгского воззвания». — А. А.) и что вообще намереваются делать бывшие члены Думы, мне заявили, что решено принять совершившееся вполне спокойно и разъехаться по домам»⁵.

Третьеиюньский блок. Два большинства. Третьеиюньский государственный переворот обеспечил переход от Думы с кадетским «центром» к Думе с «центром» октяб-

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 32.

³ Там же, стр. 166.

⁴ Там же, стр. 72.

⁵ «Исторический архив», 1959, № 4, стр. 142.

ристским. 'Опыт кадетской конституции кончился крахом', — писал В. И. Ленин. Опыт этот «не удался... не потому, что у кадетов или у правительства не было доброго желания (сотрудничать. — А. А.), а потому, что объективные противоречия русской революции оказывались *слишком глубоко*»⁶. Кадеты не сумели выполнить свою основную миссию — договориться в Думе с левыми, прежде всего с трудовиками, и тем самым обеспечить путь «реформ». В связи с этим царизм встал перед необходимостью «обкарнать избирательные права „левых“ и отдать решение в руки октябристов»⁷. «Смена второй Думы третьей Думой, — писал В. И. Ленин еще до выборов, — есть смена кадета, действующего по-октябристски, октябристом, действующим при помощи кадета»⁸. Итоги выборов в III Думу полностью подтвердили эти слова. В 1907 г. численный состав фракций, который в последующие годы не претерпел сколько-нибудь существенных изменений, выглядел следующим образом: крайние правые — 50, умеренно-правые и националисты — 97, октябристы и примыкающие к ним — 154, прогрессисты — 28, кадеты — 54, мусульманская группа — 8, польское коло (вместе с литовско-белорусской группой) — 18, трудовики — 13, социал-демократы — 20 (затем 14 за счет отсева случайных элементов).

Бросается в глаза, что ни одна из помещичье-буржуазных партий, не говоря уже о левых, которых было ничтожно мало, не имела в Думе абсолютного большинства. Большинство зависело от октябристов. В случае, если они голосовали совместно с правыми, создавалось право-октябристское большинство, при голосовании с прогрессистами и кадетами — октябристско-кадетское. Таким образом, октябристы в III Думе становились тем же самым, чем были кадеты в первых двух думах — партией «центра», главной партией, решавшей судьбу думских голосований. Так октябристы и голосовали. Единый контрреволюционный помещичье-буржуазный думский блок попеременно делился на два большинства, и в этом заключалась главная особенность третьеиюньской системы. Здесь перед нами обнаруживается важнейшая черта третьеиюньского избиратель-

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 60.

⁷ Там же, стр. 61.

⁸ Там же, стр. 62.

ного закона — бонапартизм. Два большинства были не случайным, а рассчитанным результатом. «Избирательный закон в III Думу, — отмечал В. И. Ленин, — так и подстроен, чтобы получить эти два большинства»⁹. «...Третьеиюньская система, — писал он позже, — сознательно создала два думских большинства: правооктябристское и октябристско-кадетское»¹⁰.

«Бонапартизм, — писал В. И. Ленин, — есть лавирование монархии, потерявшей свою старую, патриархальную или феодальную, простую и сплошную, опору, — монархии, которая принуждена эквилибрировать, чтобы не упасть, — заигрывать, чтобы управлять, — подкупать, чтобы нравиться, — брататься с подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке. Бонапартизм есть объективно-неизбежная, прослеженная Марксом и Энгельсом на целом ряде фактов новейшей истории Европы, эволюция монархии во всякой буржуазной стране»¹¹.

Два большинства, по замыслу творцов третьеиюньского закона, были тем средством, которое позволяло царизму лавировать между помещиками и буржуазией и, играя на их противоречиях, оставаться хозяином положения. Поскольку Дума предназначалась в конечном итоге для того, чтобы осуществить известный минимум буржуазных реформ, большинство не могло быть отдано в руки правых партий. Но не годилось и либеральное большинство, так как в таком случае Дума отдавалась буржуазии, а царизм отнюдь не намеревался делиться с ней политической властью. Исходя из этого и определялись задачи первого и второго большинства. Право-октябристское большинство должно было осуществлять «охранительные» функции — проводить в жизнь карательно-полицейские законопроекты и умерять запросы октябристов и кадетов по части «реформ», а октябристско-кадетское большинство должно было обеспечить проведение «реформ». «Правительству, — писал В. И. Ленин, — необходимо либерально-октябристское большинство, чтобы пытаться вести Россию вперед при сохранении всевластия Пуришкевичей»¹².

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 374.

¹⁰ Там же, т. 23, стр. 227.

¹¹ Там же, т. 17, стр. 273—274.

¹² Там же, т. 22, стр. 324.

На чем же основывалась уверенность Столыпина, что партия, во главе которой стоял московский капиталист А. И. Гучков, будет блокироваться со своими соседями справа по меньшей мере с такой же готовностью, с какой она будет голосовать с прогрессистско-кадетскими либералами? Ответ лежит в классовой природе октябристов.

В статье «Опыт классификации русских политических партий», написанной еще в 1906 г., В. И. Ленин отметил одну характерную особенность в образовании русских партий, заключающуюся в том, что интересы класса помещиков и класса капиталистов выражали «не две, а три группы политических партий: кадеты, октябристы и черносотенцы». Эту особенность В. И. Ленин объяснял чрезвычайным обострением революционной борьбы в стране, «когда практически крайне трудно отделить защиту самодержавия от защиты во что бы то ни стало монархии, когда группировка по экономическому признаку (за прогрессивный и за реакционный капитализм) естественно перекрещивается политической группировкой (за теперешнее правительство и против него)»¹³. Октябристская партия исключительно наглядно иллюстрирует этот ленинский тезис.

По программе она была партией буржуазной, которая выражала интересы крупного капиталиста и крупного помещика, начавшего перестраивать свое хозяйство на капиталистический лад. Но в большинстве партия состояла из помещиков и чиновников, которые ничем не отличались от правых. Особенно это было заметно на фракции октябристов. Один думский обозреватель насчитал в ней собственно октябристов-буржуа всего 15 человек¹⁴. По уверению «Биржевых ведомостей», правый фланг «Союза 17 октября» совершенно смыкался по своим взглядам с «Союзом русского народа», а левый фланг только нюансами отличался от правых кадетов¹⁵. Другая газета, «Русское слово», предприняла даже специальное обследование, чтобы выяснить природу и численность октябристской партии, и пришла к выводу, что октябристов как подлинно буржуазной партии, собственно, нет: «Нет октябристов. Есть только А. И. Гучков»¹⁶. Сам Гучков считал, что во фракции

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 27.

¹⁴ «Голос Москвы», 30 декабря 1908 г.

¹⁵ «Биржевые ведомости», 15 июня 1907 г.

¹⁶ «Голос Москвы», 28 июня 1909 г.

«настоящих» октябристов только 100 человек, остальные — «примыкающие» (фракция так и называлась: «фракция Союза 17 октября и примыкающих»). В одном из интервью он заявил: «У нас вы едва ли можете добиться единообразного голосования; а заставить говорить в одном и том же направлении — об этом и думать нечего»¹⁷.

Газета П. П. Рябушинского «Утро России», выражавшая политические настроения той части московской буржуазии, которая, в отличие от ее другой — октябристской — части, стремилась к созданию чисто буржуазной партии, следующим образом характеризовала октябристов: «Октябристов многие считают буржуазной партией. В действительности это далеко не так, как свидетельствует составленный в Госуд. Думе официальный справочник». Из 124 членов фракции на 1910 г. было 80 землевладельцев и только 10 земледельцев. По званию фракция насчитывала: дворян — 72, купцов — 13, крестьян — 11, присяжных поверенных — 7, профессоров — 7, врачей — 3, землемеров — 1. «Преобладание в партии дворянского элемента придает партии тот феодальный облик, который совершенно исключает возможность возлагать на октябристов какие-либо надежды в смысле правильного усвоения интересов русской промышленности. Союз 17 октября — это, в сущности, союз аграриев. Неудивительно поэтому, что октябристов так влечет в сторону к правым и националистам — двум фракциям с громадным преобладанием дворянских и землевладельческих интересов»¹⁸.

О полном преобладании во фракции помещичьих элементов свидетельствует тот факт, что только 35 октябристов были избраны городскими куриями, а остальные, за исключением 10 избранных крестьянами, были посланы в Думу теми же помещиками, которые посылали в нее и правых. Октябристы, следовательно, были правой партией, которая защищала интересы не только помещиков, но и определенной части торгово-промышленной буржуазии. Из этого следует, что свое лидерство во фракции Гучков мог сохранить до тех пор и в той степени, в какой это устраивало большинство фракции. А большинство, верное своей природе, как правило, предпочитало голосовать с правыми и неохотно шло на голосование с кадетами. Помещичья

¹⁷ «Слово», 27 августа 1908 г.

¹⁸ «Утро России», 13 февраля 1910 г.

часть фракции допускала блок с кадетами лишь по тем вопросам, по которым считали нужным блокироваться она и ее соседи справа. Подлинным представителем фракции был не буржуа Гучков, а крупный екатеринославский помещик, настоящий правый по своим взглядам, М. В. Родзянко. Таким образом, Столыпин мог не беспокоиться, что октябристско-кадетское большинство вдруг начнет действовать самостоятельно, без его воли и согласия. В. И. Ленин называл октябристскую партию в III Думе правительственной в том смысле, что она являлась орудием политики Столыпина, партией правительства.

Такой характер октябристской партии был обусловлен прежде всего страхом буржуазии перед революцией, приведшим к расколу ранее единого либерально-буржуазного лагеря на три партии: октябристов, мирнообновленцев и кадетов. Московская буржуазия, которая в основном и составила либерально-буржуазное крыло октябристской партии, напуганная размахом революции, провалом тактики кадетов, устами Гучкова одобрила военно-полевые суды и решительно отказалась от игры в «парламентаризм» и «ответственное министерство», выдвинув взамен лозунг лояльного сотрудничества «общества» с «исторической властью» на базе третьей юньской «конституции». Московских тузов роднило с крепостниками-помещиками также то, что они во многом сохраняли черты буржуазии эпохи первоначального накопления, которая по приемам эксплуатации, отношению к казенному сундуку, политическим взглядам и т. п. недалеко еще ушла от своего союзника.

Тот же страх перед революцией обеспечил функционирование октябристско-кадетского большинства. После своего провала кадеты в третьей юньской период круто повернули к открыто «веховской» политике. «Партия кадетов, — писал В. И. Ленин, — есть партия „Вех“»¹⁹. Во время кампании по выборам в III Думу в конце октября 1907 г. кадеты на своем V съезде объявили, что они идут в Думу для «органической» законодательной работы в качестве «ответственной оппозиции», в отличие от оппозиции «безответственной», т. е. социал-демократов, которым Дума нужна только как трибуна. Еще раньше, в сентябре, лидер кадетов П. Н. Милюков, зарабатывая своей партии это местеч-

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 167.

ко «ответственной оппозиции» в будущей Думе перед правыми и октябристами, заявил, что у кадетов есть «враги слева» и что кадеты перестают таскать «левого осла» на своей спине²⁰. Чтобы было ясным, что речь идет только о большевиках, а не о меньшевиках, которые по-прежнему остаются друзьями, Милюков писал: «В лице самого г. Плеханова мы имеем дело не с врагом, а с другом... Вот когда победят все эти влияния (меньшевистские.— А. А.), мы скажем спокойно и решительно: у нас нет врагов на-лево»²¹.

Главный смысл решений V съезда состоял в том, что кадеты шли на блок с октябристами в качестве младшего партнера. Попытки нескольких «левых» кадетов воспротивиться этому закончились тем, что они были изгнаны из ЦК. Октябристы полностью одобрили резолюции кадетского съезда. Оценивая его итоги, В. И. Ленин в статье «Приготовление „отвратительной оргии“» писал: «Чтобы законодательствовать в III Думе, надо так или иначе, прямо или косвенно, соединиться с октябристами и встать всецело на почву контрреволюции и охраны ее побед... Практическая проводимость (кадетских законопроектов.— А. А.) зависит от октябристов. Выяснить проводимость — значит с заднего крыльца забежать к октябристам. Поставить свою инициативу в зависимость от этого выяснения — значит в *уюду* октябристам урезывать свои проекты, значит поставить свою политику в зависимость от „октябррей“»²².

Итак, соотношение сил в третьейиюньском блоке сложилось вполне определенно. Первое большинство господствовало над вторым; правые верховодили над октябристами, а те в свою очередь помыкали кадетами. Сам октябристский «центр» был очень непрочен и противоречив, поэтому всякие сколько-нибудь серьезные осложнения обостряли внутрифракционную обстановку, вызывая угрозу раскола. «Избирательный закон 3 июня 1907 года,— писал В. И. Ленин,— „строил“ государственную систему управления — да и не одного только управления — на блоке крепостников-помещиков с верхушками буржуазии, причем первый социальный элемент сохранял в этом блоке ги-

²⁰ «Речь», 22 сентября 1907 г.

²¹ Там же, 25 сентября 1907 г.

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 156.

гантский перевес, а над *обоими* элементами стояла фактически неурезанная старая власть» ²³.

Что же касается правых, то их взаимоотношения с официальным правительством в общих чертах соответствовали взаимоотношениям этого правительства с придворным окружением, которое В. И. Ленин называл вторым, неофициальным правительством. «Дело в том,— указывал В. И. Ленин,— что у нас, как и во всякой стране с самодержавным или полусамодержавным режимом, существует собственно два правительства: одно официальное — кабинет министров, другое закулисное — придворная камарилья. Эта последняя всегда и везде опирается на самые реакционные слои общества, на феодальное — по-нашему черносотенное — дворянство... Огромная масса „правых“ в III Думе будет, по крайней мере, в подавляющем большинстве своем, если не целиком, защищать интересы именно этой общественной плесени и ржавчины, этих „гробов по-вапленных“, завещанных нам темным прошлым. Сохранение крепостнического хозяйства, дворянских привилегий и самодержавно-дворянского режима — вопрос жизни и смерти для этих мастодонтов и ихтиозавров, ибо „зубры“ — для них слишком почетное название» ²⁴. Кабинет, писал В. И. Ленин, обычно в значительной части состоит из ставленников камарильи. Но в то же время зачастую «большинство кабинета по своему составу не вполне соответствует требованиям камарильи. Конкуренцию допотопному хищнику, хищнику крепостнической эпохи, составляет в данном случае хищник эпохи первоначального накопления,— тоже грубый, жадный, паразитический, но с некоторым культурным лоском и — главное — с желанием также ухватить добрый кусок казенного пирога в виде гарантий, субсидий, концессий, покровительственных тарифов и т. д. Этот слой землевладельческой и промышленной буржуазии, типичной для эпохи первоначального накопления, находит себе выражение в октябризме и примыкающих к нему течениях» ²⁵.

Таким образом, официальное правительство было вынуждено ходом экономического развития идти в какой-то мере против интересов камарильи, способствуя интересам

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 320.

²⁴ Там же, т. 16, стр. 140.

²⁵ Там же, стр. 141.

октябристского капитализма, помогая развитию капитализма прусского типа. Здесь оно должно было встречать не только противодействие, но и поддержку известной части правых, представлявших помещика, эволюционирующего в юнкера и поэтому выступавшего за бонапартистский путь приспособления абсолютистского государства к требованиям жизни. Деление правых в Думе на несколько фракций, несомненно, являлось отражением этого процесса.

Дирижировать нестройным третьейюньским оркестром намеревался П. А. Столыпин. Этот бывший предводитель дворянства и губернатор, претендент в российские Бисмарки, «новый человек», как его окрестила помещичье-буржуазная контрреволюция, подготовил себя к этой роли всей своей предшествующей деятельностью: крестьянскими экзекуциями, военно-полевыми судами, еврейскими погромами, «конституционными» переговорами с октябристско-кадетскими «либералами». Ярый реакционер, он любил прикрываться лощеной «европейской» фразой и позой.

Справа, на самом краю, расположились два черносотенных Аякса — В. М. Пуришкевич и Н. Е. Марков 2-й. Хрипло-визгливый голос «самого русского» дворянина молдавского происхождения сливался с зычным голосом курского «зубра» Маркова-Валяй. Их тактика сводилась к критике правительства справа, они стремились показать себя большими приверженцами самодержавия, чем сам «русский самодержец».

Роль первой скрипки в Думе не по праву взял на себя А. И. Гучков, типичный политикан московско-купеческого склада. Он корчил из себя смелого и решительного деятеля, но на деле был жалким политическим трусом, пресмыкавшимся перед Столыпиным и правыми. Капитуляция для него была так же характерна, как и победоносная поза, основным методом его политики был закулисный сговор, выпрашивание незначительных уступок ценой отказа от провозглашенных накануне категорических требований, беспринципное и мелкое торгашество.

П. Н. Милюков претендовал на ведущую роль в III Думе, но ему пришлось заняться трудным делом: проводить политику прямой поддержки третьейюньско-столыпинского режима, подкрашивая его «конституционным» лаком, и одновременно выдавать себя за его противника, борющегося за «настоящую» конституцию. Никто лучше

вождя российских либералов не был приспособлен к этой политике двуликого Януса. Умный и изворотливый политик, крупный историк, кое-чему научившийся, по выражению В. И. Ленина, у исторического материализма, Милюков был настоящим политическим иезуитом, исключительно ловким мастером политического гешефтмахерства, пытавшимся совместить линию «Вех» с показным демократизмом.

1 ноября 1907 г. III Дума начала свою работу. Последовал взмах дирижерской палочки. Оркестр заиграл, но дальше увертюры дело не пошло.

«МИНИСТЕРСКИЙ» КРИЗИС

Декларация. С первых же шагов обнаружилось бессилие октябристско-кадетского большинства. Все «преобразовательные» потуги либералов кончались самым плачевным образом, тогда как реакционные законопроекты один за другим принимались право-октябристским большинством. Уже правительственная декларация, изложенная Столыпиным с трибуны Думы 16 ноября 1907 г., и прения по ней отчетливо продемонстрировали полное засилье правых, бессилие и трусость либералов.

В качестве основной задачи правительства и Думы Столыпин выдвинул борьбу с революцией. «Противопоставить этому явлению (революции.— А. А.) можно только силу»,— заявил он. Этим путем шло правительство раньше, «этим путем пойдет и впредь». Затем следовало перечисление драконовских мер, которые правительство намеревалось осуществить для этой цели. Второй центральной задачей была объявлена новая аграрная политика, которую правительство расценивало как вопрос «бытия русской державы». Далее Столыпин провозгласил политику воинствующего национализма и необходимость проявить «особые заботы» по укреплению военной мощи империи. Из реформ были обещаны реформа местного самоуправления, страхование рабочих, улучшение просвещения и др. В заключение, под бурные аплодисменты и возгласы «браво!»

с правых скамей, Столыпин заявил, что, несмотря на существование Думы, власть царя остается по-прежнему самодержавной. «Историческая самодержавная власть и свободная воля монарха,— говорил „конституционный“ премьер,— являются драгоценнейшим достоянием русской государственности»¹.

Во второй своей речи 17 ноября Столыпин разъяснил, что «реформы» — дело будущего: лишь когда будет создан «мелкий земельный собственник», можно будет всерьез ставить вопрос о реформах, в том числе и о создании мелкой земской единицы — волостного земства, что являлось одним из главных требований либералов.

Правые полностью поддержали правительственный курс. Хотя революция и кончилась, говорил лидер умеренно-правых В. А. Бобринский, но «буря еще не вполне утихла, существует еще скверная мертвая зыбь, которая качает государственный корабль». Правительство одно «не может завершить дело умиротворения и успокоения страны». Оно ждет от нас содействия в этом деле, и «это давно желанное содействие, господа, ...мы его дадим правительству. Мы поможем подавить анархию». Еще более резко выразил эту мысль Марков 2-й. Либералы, заявил он, все время твердят о необходимости «права», «законности» и пр. «Мы тоже стоим за право, но когда... обстоятельства вынуждают к самозащите — стреляйте в упор»². Все это было превосходным комментарием к провозглашенной Столыпиным формуле: «Сначала успокоение, потом реформы».

Октябристы и кадеты в ходе обсуждения декларации проявили себя самым жалким образом. На заседании фракции октябрист Я. Г. Гололобов требовал выступать как можно осторожнее, обходить острые углы. А. И. Звезгинцев вообще призывал говорить поменьше. В. М. Петрово-Соловово предложил прямо одобрить акт 3 июня, оправдывая его «критическим положением страны». Большинство фракции решило избегать всякой критики политики правительства, делая упор на необходимость совместной работы с ним Думы³.

Точно такую же тактику избрали и кадеты. «Политического боя,— заявили А. И. Шингарев и И. И. Петрунке-

¹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты, сессия I, ч. 1, стб. 307—312 (далее — Ст. от.).

² Там же, стб. 315—316, 555.

³ ЦГИА СССР, ф. 669, оп. 1, д. 3, тетрадь 2, лл. 12—15.

вич,—завтра вести не можем». «Политическая критика невыгодна и небезопасна»,— вторил им А. М. Колубакин. «Мы не должны забывать,— говорил М. В. Челноков,— что ничего в Думе без октябристов сделать не можем. Мы политики в критике касаться не должны». Считавшийся «левым» среди кадетов Ф. И. Родичев решительно потребовал: «Надо воздержаться от бесполезных шагов и критики. Не будем неумелыми шагами отбрасывать Думу вправо». Резюмируя прения, Милюков констатировал: «Очевидно, никто не предлагает фракции открыть атаку»⁴.

Речи октябристских и кадетских ораторов по декларации в точности соответствовали намеченной линии поведения. Даже так называемый «родичевский инцидент», не предусмотренный программой, кадеты вместе с правыми и октябристами использовали для демонстрации «сочувствия» Столыпину. Увлечшись фразой, Родичев в своей речи упомянул о «столыпинском галстуке» (ходячее в то время выражение, означавшее виселицу). Ответным действием правых и октябристов были исключение Родичева на 15 заседаний и шумная, с вставанием и аплодисментами, демонстрация сочувствия «оскорбленному премьеру». Вместе с ними встал и зааплодировал Милюков, а вслед за ним то же самое проделала и вся его фракция. Затем Родичев извинился за свои слова дважды: перед Столыпиным и с думской трибуны.

Вскоре, однако, кадеты сообразили, что в своем холопстве перед Столыпиным они зашли слишком далеко, и, собравшись на заседание фракции, стали искать выхода из неприятной ситуации. «После такой декларации, наглой, циничной,— горевала член ЦК А. В. Тыркова,—...[мы] встаем и выражаем приветствие...» А если бы кто-нибудь предложил отвесить земной поклон Столыпину, спрашивал А. И. Никольский, «и за этим надо было идти?» «Как ни объясняйте,— говорил М. Могилянский,— но важен для публики факт, что Столыпину аплодировали». «Фракция потерпела огромное поражение»,— заявил Петрункевич. Было решено опубликовать в печати сообщение, что фракция признает свое поведение 17 ноября ошибочным⁵.

Позицию трудовиков выразил в своей речи крестьянин А. Е. Кропотов. Он потребовал наделения малозе-

⁴ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 1, лл. 134—136.

⁵ Там же, лл. 137—141.

мельных крестьян земель за счет помещиков на базе «принудительного отчуждения». Но в отличие от кадетов, он вкладывал в эту формулу не либеральное, а революционно-демократическое содержание. Закончил Кропотков свое выступление требованием выборных чиновников⁶.

Основным оратором по декларации от социал-демократической фракции был И. П. Покровский, сочувствовавший большевикам. Он выразил протест против акта 3 июня, заклеил политику правительства как «разорительную, убийственную, кровавую». В то же время речь Покровского содержала, с точки зрения революционной социал-демократии, ряд серьезных ошибок, обусловленных меньшевистским влиянием. Главная из них состояла в том, что Покровский противопоставил первые две Думы третьей, расценивая их как подлинное народное представительство, на которое «с упованием смотрел» весь народ. Формула перехода, зачитанная большевиком Н. Г. Полетаевым, заявляла, что «правительство по-прежнему ведет политику исключительно в защиту интересов крепостников-помещиков и хищнических слоев буржуазии» и продолжает «истребительную войну с освободительным движением народа»⁷.

Финалом обсуждения декларации было отклонение всех формул перехода. Причина, по которой были отвергнуты формулы перехода социал-демократов и трудовиков, не требует объяснений. Формула прогрессистов была отвергнута октябристами, несмотря на то, что там говорилось о необходимости осуществлять «начала манифеста 17 октября», т. е. речь шла о знамени и программе октябризма. Побудительным мотивом здесь был страх октябристов перед обвинением в стремлении эмансипироваться от правых и действовать преимущественно «левым центром», т. е. вторым большинством. Вслед за этим была провалена формула октябристов, а последние в отместку провалили формулу крайних правых.

Правая пресса была вполне довольна итогами обсуждения. Пусть октябристы, угрожал нововременский публицист М. О. Меньшиков, сделают из них соответствующий вывод: «Возможен (сейчас.— А. А.) только правый центр. И он должен быть»⁸. С тем же предупреждением выступи-

⁶ Ст. от., с. I, ч. 1, стб. 499—500.

⁷ Там же, стб. 326, 510.

⁸ «Новое время», 25 ноября 1907 г.

ла столыпинская официальная «Россия». «Определилась мысль захлестнуть если не всю руководящую группу (т. е. октябристов.— А. А.), то хотя бы часть ее мирнообновленческой петлей». Это недопустимо. «... Твердый союз монархических фракций, недопущение передвижки центра влево, в соседство к кадетам, должны сделаться общей заботой всех тех фракций, которые от октябристов до крайних правых признают в существовании Думы волю верховной власти государя императора»⁹.

Бюджет. Бессилие Думы, вернее, ее либерально-«конституционной» части, объяснялось во многом ничтожностью бюджетных прав Думы. Они определялись соответствующими статьями Основных законов и так называемыми «Правилами 8 марта 1906 г.». Правила изымали из ведения Думы такие важные статьи доходной части бюджета, как тарифы железных дорог, цены на водку, доходы ведомства императрицы Марии, имевшего монополию на продажу карт и на зрелищный налог, Кабинета и уделов и др. Хотя Дума формально имела право разрешать займы, было неясно, что именно подлежало одобрению Думы: сумма займа или условия его выпуска.

В области расходов права Думы были еще более ограничены. Правила 8 марта относили ряд статей к числу «забронированных», т. е. не подлежащих ведению Думы. В первом поступившем в III Думу бюджете абсолютно забронированными оказались 698 млн. руб. (27%), менее забронированными — 1164 млн. руб. (47%). По подсчетам Шингарева, главного кадетского оратора по финансовым вопросам, в смете Синода только 1% сметы был свободен для обсуждения, в смете Военного министерства — 13%, Министерства внутренних дел — 19% и т. д.

Пункт 9-й Правил гласил, что суммы, зафиксированные в бюджете на основании ранее изданных законов, а также на основании действующих штатов, расписаний и высочайших повелений, т. е. имеющие так называемый «легальный титул», не подлежали изменению Думой. Эти «легальные титулы» служили ярким примером полного пренебрежения ведомств к претензии «народного представительства» контролировать бюджет. Так, в период между II и III Думами новый «легальный титул» на штаты Министерства путей сообщения был издан даже не в соответ-

⁹ «Россия», 1 декабря 1907 г.

ствии с 87-й статьей Основных законов, разрешавшей временно принимать законы в перерыве между сессиями Думы, в случае чрезвычайных обстоятельств, а просто в порядке верховного управления. В качестве «легального титула» на ясачную подать, которая являлась доходом государства, Кабинет представил указ Елизаветы Петровны какому-то сибирскому губернатору, в котором ему предписывалось «отписать ясак на ны». Бюджетная комиссия вынуждена была проводить настоящие архивные изыскания, чтобы определить законность того или иного титула. По каждому министерству она составляла перечень этих титулов, занимавший сотни страниц. Сборник по Министерству внутренних дел насчитывал тысячу страниц и начинался указом Петра от 1723 г. по поводу какой-то рижской богадельни с указанием расхода в несколько десятков ефимков.

Кроме того, правительство имело право расходовать деньги во время перерыва занятий Думы по 87-й статье и в любое время — по статье 17-й Правил 8 марта. Последняя статья предоставляла право тому или иному ведомству «в чрезвычайных и неотложных случаях» требовать деньги, причем ни сумма, ни срок, ни предмет требования ничем не ограничивались. Правда, статья предусматривала, что Дума через определенный срок должна получить отчет о той или иной израсходованной сумме, но она же говорила, что в случаях, требующих тайны, такое представление заинтересованное ведомство может сделать тогда, когда сочтет, что надобность в тайне миновала. Наконец, статья 18-я Правил гласила, что военные расходы, займы на военные нужды, чрезвычайные сверхсметные кредиты на нужды военного времени и особые предвоенные приготовления разрешаются по всем ведомствам в порядке Правил 26 февраля 1890 г., т. е. без ведома Думы.

Оценивая бюджетные права Думы, В. И. Ленин писал: «Российская Гос. дума не имеет бюджетных прав, ибо отказ в бюджете не останавливает „по закону“ приведение бюджета в исполнение. Этот закон (Основные законы 20 февраля 1906 г.— А. А.) ...есть *издевательство* над народным представительством со стороны черносотенцев, царя и помещиков. А „правила“ 8 марта 1906 года еще более *подчеркивают* это издевательство... Нельзя *изменять* ничего, соответствующего и законам, и штатам, и расписаниям, и просто высочайшим *повелениям*!! Не смешно ли

толковать после этого о бюджетных правах российской Гос. думы?»¹⁰.

В первой же сессии либеральные политики решили разведать свои возможности по части изменения Правил 8 марта. С этой целью в порядке законодательной инициативы кадеты, за подписью 40 лиц, внесли законопроект, одобренный предварительно октябристами, который предусматривал изменение Правил 8 марта в сторону весьма незначительного расширения бюджетных прав Думы. В январе 1908 г. был поставлен на обсуждение вопрос не о самом законопроекте, а о желательности его направления в бюджетную комиссию для изучения и доработки. Запрос, таким образом, был самым скромным, что не помешало, однако, октябристскому официозу, «Голосу Москвы», еще до обсуждения, с хозяйским видом провозгласить, что «парламент (т. е. III Дума.— А. А.) должен быть настоящим хозяином финансов страны»¹¹.

Тактика кадетов сводилась к тому, чтобы уверить министра финансов В. Н. Коковцова, что их законопроект исходит прежде всего из интересов... правительства и «удобств» в работе Думы. «Никаких посягательств в проекте, который мы внесли,— клялся Шингарев,— нет, никаких задних мыслей в нем нет. В нем есть лишь стремление ради удобств работ Думы, ради ее достоинства, ради необходимости совершить ту работу, к которой мы призваны»¹². Но это была, конечно, наивная уловка. Коковцов в ответ заявил, что кадетский законопроект «затрагивает один из самых существенных вопросов государственного управления» и что к тому же бюджетные права Думы вполне достаточны. Поскольку передача законопроекта в комиссию ни к чему не обязывала, ни правые, ни Коковцов не возражали против такого решения и оно было принято.

По поводу кадетской тактики В. И. Ленин писал: «Они (кадеты.— А. А.) напирали на так называемую *деловую* сторону вопроса, на *неудобство* правил 8 марта, на невыгодность их даже для правительства, на историю того, как писались разные идиотские законы против Думы в идиотских канцеляриях Булыгина, Витте и прочей шайки... Так

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 444.

¹¹ «Голос Москвы», 6 ноября 1907 г.

¹² Ст. от., с. I, ч. 1, стб. 1263.

говорят только пошло-либеральничавшие чиновники, а не представители *парламентской оппозиции*»¹³.

Судьба всех последующих попыток октябристско-кадетских либералов в III и IV Думах изменить или отменить Правила 8 марта была совершенно одинакова. «Несколько раз в 3-й и 4-й Думах, — свидетельствовал позже Шингарев Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, — группа, к которой я принадлежал, вносила законопроект об отмене сметных правил 8 марта 1906 г., Дума их принимала, а Государственный Совет, по требованию министра финансов, отклонял. Министр финансов упорно доказывал, что бюджетные права Думы совершенно достаточны, что их расширять вовсе не нужно»¹⁴.

Ту же политику угодливости и сервилизма, имеющую целью завоевать доверие правительства и правых, проводили думские либералы при обсуждении бюджета. Особенно показательна в этом отношении была первая сессия. Из-за отсутствия достаточного времени и опыта бюджетная комиссия не успела закончить вовремя рассмотрение всей бюджетной росписи. Дальнейшая затяжка грозила тем, что Дума успеет принять бюджет только к концу бюджетного года. Это не устраивало правительство, так как ставило под угрозу заключение очередного займа, в котором испытывалась острая нужда. Выход состоял в том, чтобы начать обсуждение росписи по частям, по мере готовности очередной сметы в бюджетной комиссии. Но это лишало либеральных «парламентариев» возможности вести общеполитические прения в связи с бюджетом — право, которым дорожат и пользуются все буржуазные парламенты. Для правительства же было важно в данном случае не просто согласие «ответственной оппозиции» на обсуждение бюджета по кускам, но и ее инициатива в этом вопросе (поддержание соответствующего предложения председателя Думы), так как именно одобрение либеральной «оппозицией» бюджетной политики царизма служило для последнего одним из важных средств упрочения своего финансового положения внутри и вне страны.

Кадеты, не колеблясь, согласились на отведенную им роль инициаторов обсуждения росписи по частям. Предвидя возражения социал-демократов, которые бросят им

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 446.

¹⁴ «Падение царского режима», т. VII, стр. 20.

в лицо недавние собственные заявления о принципиальной недопустимости обсуждения бюджета без общеполитических прений, кадеты на заседании фракции решили пренебречь этим весьма щекотливым для себя положением. Когда социал-демократ Покровский, как и ожидалось, выступил против предложения кадетов, приведя их собственные доводы, Шингарев отвел этот упрек ссылкой на необходимость считаться с «очень важными практическими соображениями» и предстоящим заключением займа, который «ради пользы страны... должен быть сделан на возможно более выгодных условиях. Отсюда необходимо возможно скорейшее утверждение бюджета...»¹⁵.

Лакейская награда была получена немедленно. Октябрист М. Я. Капустин заявил, что его «фракция вполне присоединяется к этому предложению и со всей энергией и охотой приступает к этой важной ответственной работе...», а ярый черносотенец П. В. Синадино счел «своим долгом приветствовать заключение члена Государственной думы Шингарева, который говорил от имени фракции народной свободы и достаточно вескими доказательствами подчеркнул необходимость рассмотрения бюджета тем способом, который был предложен нашим почтенным председателем»¹⁶.

С легкой руки кадетов Дума стала гнать одну смету за другой таким темпом, что бюджетная комиссия за ней не успевала. Приходилось прерывать обсуждение росписи до тех пор, пока комиссия не подготовит следующую порцию смет.

В последующие годы октябристы и кадеты продолжали ту же политику заслуживания доверия. Октябристы объявили бюджетную работу одной из своих первостепенных задач. Бессменным председателем бюджетной комиссии в III и IV Думах был октябрист М. М. Алексеенко, профессор финансового права. Главным бюджетным специалистом кадетов сделался Шингарев, который на всех кадетских конференциях доказывал, что бюджетная работа «оппозиции» — ключ к будущим «реформам». Бюджетная комиссия старалась, где могла, упорядочить финансы, навести некоторую экономию, изыскать новые источники доходов и т. п. Дума безотказно ассигновала десятки и сотни

¹⁵ Ст. от., с. I, ч. 2, стб. 605—606.

¹⁶ Там же, стб. 607, 608.

миллионов рублей на армию и флот, полицию, государственный аппарат, многотысячные синекуры и выплаты всевозможным сиятельным особам, князьям церкви, министрам, генерал-губернаторам. Позднее Алексеенко от имени думских «конституционалистов» предложил правительству оплатить счет в ставшей знаменитой фразе: «Мы вам дали хорошие финансы, дайте нам хорошую политику». «Хорошей политики» буржуазия так и не получила, заявление же о «хороших финансах» в свою очередь было пустым бахвальством. И в третьей думский период народные средства расходовались так же бесцеремонно и непроизводительно, как и в дореволюционные годы.

Расходная часть бюджета росла значительно быстрее доходной. За пять лет существования III Думы расходы увеличились на огромную по тем временам сумму — около 1 млрд. руб. Дефициты по-прежнему покрывались займами. Доходы возрастали не столько в связи с развитием производительных сил, сколько за счет роста прямых и косвенных налогов. Четверть всех бюджетных средств (600—700 млн. руб.) поступала от продажи водки, и бюджет царизма с полным основанием был прозван «пьяным бюджетом». Громадные суммы шли на непроизводительные расходы, а на народное просвещение и здравоохранение, как и раньше, ассигновались жалкие гроши.

«Реформы». С «реформами» дело не выходило. Дума потонула в море мелких, поистине идиотских законопроектов, которые требовали законодательной санкции, потому что чаще всего были связаны с новыми ассигнованиями. Столыпин намеренно заваливал Думу подобными законопроектами, которые он в своем кругу цинично называл «законодательной жвачкой». Об их характере можно вполне судить по их названиям: «Об освобождении от воинской повинности калевичского духовенства бошинского хурула Донской области...»; «О порядке исчисления 2% пенсионных вычетов при зачете служащим в мужском и женском училищах при евангельско-лютеранской церкви св. Петра и Павла в Москве в срок выслуги на пенсию прежней до издания закона 2 февраля 1904 г. службы их в упомянутых училищах в случае невозможности точного выяснения размера содержания, полученного за вычитываемое время»; «Об учреждении при Эриванской учительской семинарии 20 стипендий для воспитанников-татар, с отпуском из казны 2600 р. в год, о дополнительном ассигновании по

140 р. в год на вознаграждение учителя пения при названной семинарии и о преобразовании одноклассного начального училища при сей семинарии в двухклассный состав с дополнительным ассигнованием на его содержание по 970 р. в год» и т. д. и т. п.

Сперва октябристский «центр» делал вид, что он очень доволен этим потоком мелких законопроектов: во-первых, они укрепляют законодательные права Думы, приучая (!) бюрократию не расходовать ни одной копейки без ее санкции; во-вторых, и это главное, дело «реформ» от этого только выиграет. «Тише едешь — дальше будешь», — успокаивал либералов «Голос Москвы». «Новая Дума следует этой тактике и, несомненно, открывает себе широкую дорогу к делам самого крупного калибра»¹⁷. Однако, когда ничего подобного не произошло, хорошую мину при плохой игре пришлось оставить, и октябристы вкупе с остальными либералами стали жаловаться и причитать по поводу того, что правительство не хочет или не может пойти по пути «реформ», встречая сопротивление «темных сил», т. е. камарилы.

В положительный баланс октябристы и кадеты зачислили себе принятые во второй сессии три вероисповедных законопроекта, которыми они очень гордились. Они подняли крик в печати и Думе, что принятием этих трех законопроектов положено, наконец, начало осуществлению манифеста 17 октября и принципа веротерпимости и свободы совести. В действительности же это были донельзя куцые правительственные законопроекты, неоднократно урезавшиеся в канцеляриях, прежде чем они попали в Думу. Первый из них назывался «Об отмене ограничений, политических и гражданских, связанных с лишением или добровольным снятием духовного сана или звания», второй — «О старообрядческих общинах» и третий — «Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое».

Истинной целью думских либералов, ратовавших за эти проекты и снабдивших их несколькими мелкими поправками, было желание подновить православную церковь, насколько возможно укрепить ее авторитет среди верующих, который катастрофически падал, потому что церковь открыто сомкнулась с полицией и черносотенцами, а поп

¹⁷ «Голос Москвы», 8 января 1908 г.

превратился в настоящего чиновника в рясе, по выражению одного социал-демократического оратора. «Ужасно сказать», воскликнул главный специалист кадетов по религиозным вопросам В. А. Караулов,— массы «обезвериваются», и виной тому грубая, неумная политика церкви¹⁸.

Для Гучкова особенно важен был законопроект о старообрядческих общинах, так как московские старообрядцы имели большое влияние на исход выборов по первой курии, в значительной мере на их деньги издавался «Голос Москвы» и, кроме того, Гучков вышел из старообрядческой семьи, хотя сам уже старообрядцем не был. Добиваясь принятия этого законопроекта и поправок к нему в духе пожеланий старообрядцев, Гучков ставил на карту свой престиж и платил по выданному векселю.

Все три законопроекта при резком сопротивлении правых, стоявших на позициях открытого клерикализма, были приняты октябристско-кадетским большинством, и ни один из них не стал законом. Два были отвергнуты Государственным советом и один — царем.

В связи с этим, а также по поводу других законопроектов, систематически проваливаемых Государственным советом, как только он усматривал в них малейший намек на «либерализм», октябристы и особенно кадеты подняли шум о необходимости реформировать вторую законодательную палату в сторону ее некоторой демократизации и уменьшения прав по сравнению с Думой. Государственный совет был второй равноправной палатой, и его отвержение принятого Думой законопроекта означало, что законопроект пал. Рекрутировалась эта палата наполовину из сановников по назначению царя и наполовину выбиралась корпоративно-сословными организациями: земствами, дворянскими собраниями, университетами, торгово-промышленными кругами и т. п. Крики либералов привели только к тому, что Государственный совет стал уничтожать плоды думского законодательного творчества уже демонстративно.

К концу второй сессии для всех уже стало очевидным, что «реформ» не будет. И действительно, обсуждение в последующие годы в Думе законопроектов о поселковом управлении, волостном суде и т. п. ни к чему не привело. За пять лет думская мельница перемолола 2197 законо-

¹⁸ Ст. от., с. II, ч. 3, стб. 2186—2190.

проектов, ставших законами¹⁹ (не считая тех, которые законами не стали), но законы о волостном земстве, распространении земства на неземские губернии и др. среди них блистательно отсутствовали. В конце концов все требования либералов к царизму свелись к одному: перейти к «нормальному» порядку управления. Но все было тщетно: правительство твердо продолжало придерживаться мысли, что режим исключительных положений, на основе которых продолжала управляться страна, является нормальным и единственно возможным. Либералы в связи с этим переходили от надежд к отчаянию и обратно. Но главное их занятие состояло в том, чтобы вымаливать у правительства «реформы», доказывая, что в противном случае неминуема новая революция. Буржуазия была прикована к своему союзнику царизму прочной цепью — цепью, выкованной страхом перед революцией, которой она боялась больше, чем реакции. Но тот же страх перед грядущей революцией служил исходной причиной, заставившей царизм отказаться от «реформ».

Несмотря на кажущееся «успокоение» и полное торжество реакции, страна по существу переживала не конституционный, а революционный кризис. Народом владело революционное, а не конституционное настроение, он ждал, готовился и собирал силы для новой революции. Отсутствие сколько-нибудь широкого революционного движения в первые годы столыпинщины объясняется только отсутствием сил, разгромом революционных организаций, усталостью масс, апатией, обусловленной сознанием бессилия, а не тем, что массы изверились в революционном пути, предпочтя ему путь «реформ», как этого добивались «Вехи» и веховцы. При таком положении переход от пассивного ожидания к прямым революционным действиям был только вопросом времени. В такой обстановке «реформы» делались невозможными. Реформы, как указывал В. И. Ленин, могут привести к двоякому результату: либо предупредить революцию, либо, наоборот, ускорить ее. При господстве в массах революционных настроений неизбежен был второй результат. Любые реформы, как бы незначительны они ни были сами по себе, способствовали бы дальнейшему вызреванию революционного кризиса в стра-

¹⁹ «Русская мысль», 1912, № 10, стр. 31.

не, приводили бы к росту революционной самостоятельности рабочего класса и крестьянства.

Признание того, что в стране налицо «объективная революционная ситуация»²⁰, или «общая революционная ситуация»²¹, чреватая новой революцией, было всеобщим. Это констатировали и революционный и контрреволюционный лагерь.

Уже в феврале 1908 г., в самый разгар реакции, В. И. Ленин писал, что «правительство не управляет, а воюет, что состояние России есть состояние с трудом сдерживаемого восстания»²². «Элементы нового, общенародного политического кризиса,— писал он в другом месте,— не только не устранены, а, напротив, еще углубились и расширились»²³.

На кадетских конференциях в годы реакции лейтмотивом всех выступлений с мест являлось указание на угрожающий рост революционных настроений в народе. Возражая одному из лидеров правых кадетов, Н. А. Гредескулу, доказывавшему, что прекращение революционного движения свидетельствует о повороте масс от революционного пути к «конституционному», представитель Нижнего Новгорода заявил: «Едва ли эта точка зрения на освободительное движение разделяется всеми; есть взгляд, что оно может вспыхнуть с новой силой и даже не в очень далеком будущем». Об этом же говорил и представитель Риги: «Наоборот, новая вспышка революции неизбежна...» То же доказывали делегаты Вильно, Рязани, Чернигова. Член ЦК А. А. Свечин на октябрьской конференции 1908 г. высказался на этот счет весьма решительно: «После первой революционной волны будет уже не волна, а потоп, который смоем все без разбора. Наряду с приниженностью в деревне растет беспредельная злоба. Политически крестьянин вырос, он говорит о своих правах, осознал свою силу, как силу массы». На майской конференции 1909 г. представитель Нижнего Новгорода заявил: «...Является всеобщим убеждением, что III-й Думе грош цена. Решение вопроса... находится в другой плоскости, чем Дума...»²⁴. Чем

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 263.

²¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 7-е, ч. II. М., 1953, стр. 44.

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 449.

²³ Там же, стр. 124.

²⁴ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 7, лл. 17, 34; д. 8, л. 100.

дальше, тем такие высказывания делались чаще и решительнее. Ценность этих свидетельств увеличивается благодаря тому, что основным доводом кадетов при требованиях «реформ» являлась ссылка на наступившее якобы «успокоение».

Настроения рабочего класса выражались, как указывал В. И. Ленин, в крылатой фразе одного рабочего: «Погодите, придет опять 1905 год»²⁵.

В записке Совета объединенного дворянства, адресованной Столыпину, по поводу проекта волостного земства говорилось следующее: «С прискорбием приходится засвидетельствовать, что во многих местностях деревня и помещичья усадьба представляют в настоящее время два враждебных стана: нападающих и обороняющихся», и поэтому момент для «реформы» неподходящ²⁶. Лидер правых Государственного совета требовал в мае 1914 г. отклонения законопроекта о волостном земстве на том основании, что опасно допускать к местному хозяйству «тех самых крестьян, которые 8 лет тому назад грабили и жгли землевладельцев и которые до настоящего времени хранят в себе земельные вождедения за счет помещиков»²⁷.

Очень точно суть разногласий между либералами и правыми по поводу реформ выразил один из лидеров крайних правых, Г. Г. Замысловский, еще на первой сессии Думы. По мнению кадетов, заявил он, из реформ «ничего худого не произойдет. А мы боимся, что если все это сейчас ввести, то повторится то самое, что наступило после 17 октября»²⁸.

Несостоятельность Думы по части «реформ» превращала ее из орудия укрепления царизма, как она была задумана, в дополнительный фактор его ослабления и разложения. «Самодержавие,— писал В. И. Ленин по этому поводу,— отсрочило свою гибель, успев организовать такую Думу, но оно не укрепляется этим, а *разлагается* от этого»²⁹. Подобный результат вызывал всеобщее разочарова-

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 40.

²⁶ Е. Д. Черменский. Борьба партий и классов в IV Государственной думе (1912—1917 гг.), ч. I. М., 1947, стр. 22—23 (рукопись докторской диссертации).

²⁷ Государственный совет. Стенографические отчеты, сессия IX, 1913—1914 гг., стб. 2300.

²⁸ Ст. от., с. I, ч. 2, стб. 255.

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 401.

ние и раздражение в лагере контрреволюции. Контрреволюционный либерализм ответил на него так называемым «левением» буржуазии. Реакцией камарильи и верхов была потеря веры в политику бонапартизма и, следовательно, в ее главного выразителя Столыпина. Престиж претендента в русские Бисмарки среди них резко пошел вниз. Так возник «министерский» кризис апреля 1909 г. **«Патриотическая» критика.** Для того чтобы понять смысл и значение этого кризиса, следует вернуться немного назад.

Характеризуя основное отличие октябристской политики от кадетской, В. И. Ленин писал: «Он (типичный октябрист.— А. А.) тоже стремится, как и кадет, к сделке с монархией, но понимает под этой сделкой не ту или иную политическую систему, не парламентаризм, а соглашение нескольких лиц или главарей с придворной камарильей в интересах прямого подчинения правящей буржуазии неповоротливого, тупоумного и азиатски-продажного русского чиновника»³⁰.

При таком подходе решающее значение, с точки зрения октябристов, приобретал выбор объекта соглашения. Гучков и Столыпин избрали главным предметом своего сговора вопрос о возрождении боевой мощи армии и флота, утраченной в русско-японской войне. Расчет московского политика строился на том, что вопрос о военной мощи царизма является для последнего вопросом жизни и смерти, поэтому верхи, камарилья, правые согласятся на все необходимые реформы в военных ведомствах и на «патриотическую» критику со стороны Думы царящих в них гнилых порядков. Иными словами, Гучков полагал, что военные преобразования послужат прочной основой для сотрудничества октябристов с правыми и Столыпиным и завоевания доверия у них, что в свою очередь послужит исходным моментом для либеральных реформ. От такой критики, по его мнению, октябристы выиграют и в глазах буржуазии: во-первых, в возрождении военной мощи царизма она была заинтересована не меньше самого царизма, а во-вторых, «критика» порядков, сложившихся в армии, обеспечивала Гучкову славу «либерала», позволяя в то же время не поднимать голоса по поводу внутренней политики царизма. Кроме того, здесь присутствовал и личный

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 25.

момент: Гучков лелеял честолюбивую мечту стать в будущем военным министром.

Столыпина сговор с Гучковым по военным вопросам интересовал прежде всего с точки зрения одобрения буржуазией тех предстоящих огромных затрат на армию и флот, которые правительство намеревалось произвести в ближайшие несколько лет. Предполагалось истратить несколько миллиардов рублей на осуществление сухопутной и морской программ вооружений и, следовательно, предстояли новые займы, введение новых налогов и др., что требовало санкции и одобрения Думы.

Сущность сговора между Столыпиным и Гучковым по военным вопросам очень метко определил Витте: «Вы, вожаки Думы, можете играть себе в солдатики, я (Столыпин.— А. А.) вам мешать не буду... а зато вы мне не мешайте вести кровавую игру виселицами и убийствами под вывеской полевых судов без соблюдения самых элементарных начал правосудия»³¹.

Инструментом сговора была избрана думская комиссия по государственной обороне, созданная в самом начале деятельности Думы, в 4-м заседании, 10 ноября 1907 г. В нее, по требованию правых, не были допущены даже кадеты. Право-октябристским большинством было принято также постановление Думы о предоставлении председателю комиссии права объявлять ее заседания закрытыми, если того потребует военное ведомство. Председателем комиссии был избран Гучков, который предпочел этот пост посту главы Думы, предназначавшемуся ему как лидеру «центра». Уже из этого видно, какое исключительное значение придавал Гучков деятельности комиссии по государственной обороне. Председателем же Думы стал октябрист Н. А. Хомяков, сын известного славянофила, сычевский предводитель дворянства, сноб и барин, импонировавший верхам своим происхождением и воспитанием.

Поначалу все шло очень хорошо. Правые и октябристы совместно предъявили морскому ведомству два запроса: о пожаре на Обуховском казенном заводе и о постройке фирмой «Виккерс» крейсера «Рюрик». В первом случае ведомство обвинялось в нерадении, а во втором — в выдаче важных военных секретов английской фирме, в срыве сроков строительства, переплатах и т. д.

³¹ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 3. М., 1960, стр. 498.

Следующим совместным шагом был отказ в ассигновании 11 млн. с лишним рублей, испрашивавшихся тем же морским ведомством для приступа к работам, связанным с постройкой четырех броненосцев. Отказ был обусловлен требованием устранить неполадки, царящие в ведомстве, и начать преобразования. «Реформы необходимы,— воскликнул умеренно-правый П. Н. Крупенский,— реформы крупные, а не мелкие», «такие реформы, где [бы] менялись имена и лица перемещались с одного места на другое, это не реформы; ...нужны реформы серьезные, которые изменили бы в корне все зло, царившее доньше и приведшее Россию к Цусиме». Так же выступали и крайние правые. Положение таково, заявил Пуришкевич, что мы должны относительно ассигнований на судостроение сказать: «стоп до той поры, пока мы не убедимся, что результаты войны, что тяжелый опыт научил чему-нибудь это ведомство и повел его на путь реформ и улучшений». «Россия второй Цусимы пережить не может... вторая Цусима в России — это революция, это полное уничтожение того строя, на котором мы создались...» Пусть дадут гарантии, что второй Цусимы и второго «Потемкина» со вторым Матюшенко не будет. А «до тех пор, господа, на это дело ни копейки»³².

Но вся правоокутбристская «патриотическая» идиллия кончилась, когда Гучков примерно два месяца спустя, 27 мая 1908 г., выступил в Думе и потребовал ухода из Военного министерства нескольких великих князей, которые, пользуясь своим положением, насаждали там вредные порядки и порождали атмосферу безответственности и безначалия. Немедленно, в том же заседании, последовал оглашенный Пуришкевичем резкий протест крайних правых, которые так недавно рьяно поддерживали Гучкова. «Фракция..., — говорилось в нем, — находит совершенно недопустимым обсуждение с этой кафедры вопросов, составляющих прерогативы самодержавного вождя русской армии..., считает долгом всячески протестовать против такого прецедента, который ведет Государственную Думу по весьма нежелательному и крайне опасному пути». В марте 1909 г. тот же Пуришкевич в ответ на очень осторожную и умеренную речь Гучкова по смете Военного министерства под аплодисменты и одобрительные крики правых провозгласил: «Александр Иванович, не нужно нам какого-то особого хлопчатобумажного патриотизма. Сохраните нам ста-

³² Ст. от., с. I, ч. 3, стб. 1234—1236, 1386—1392.

рый...». Ни в каких реформах, кроме технических, армия не нуждается. «Других реформ, других людей „нового порядка“ в армии нам не нужно...»³³.

Камарилья выступлением Гучкова была взбешена до крайности. Столыпин поспешил отмежеваться от него, заявив в Государственном совете, что Дума вообще не имела права отказывать в ассигновании. Это был тяжелый удар для октябристов. Важно здесь не то, что Столыпин разошелся с Думой, объяснял значение этого выступления гучковский официоз, «а то, что, выступая в Совете, он совершенно сошел с конституционной почвы и стал отрицать самое право Думы отказывать правительству в ассигновке на броненосцы. Его доводы несравненно прискорбнее его выводов»³⁴. Разумеется, Государственный совет восстановил сумму, исключенную Думой, из сметы Морского министерства.

«Министерский» кризис. Кампания против Столыпина была развязана под предлогом покушения правительства и Думы на царские prerogatives в области военного законодательства. Сигналом послужила статья английского журналиста Диллона, корреспондента «Дейли телеграф» в России, служившего рупором взглядов камарильи. Дума, говорилось в статье, все больше и больше распространяет свою власть и влияние на армию, флот, внешнюю политику, т. е. на те области управления, которые, согласно Основным законам, находятся целиком в ведении царя. Управляется страна кабинетом, «незаметно лишившим корону громадных prerogatives». Речи Гучкова — это речи Столыпина. Сейчас еще можно изменить положение, создав более консервативную Думу и поставив во главе правительства П. Н. Дурново. Потом уже будет поздно: «затруднения России вскоре окажутся вне пределов государственной мудрости премьера, парламентских мер и полицейских репрессий»³⁵.

Поводом к развязыванию «министерского» кризиса явился мелкий законопроект о штатах морского генерального штаба, требовавший ассигнования в несколько десятков тысяч рублей. Он был внесен в Думу морским министром и был принят Думой 24 мая 1908 г. Но Государственный совет отклонил его на том основании, что Дума

³³ Ст. от., с. II, ч. 3, стб. 1632, 1240—1241.

³⁴ «Голос Москвы», 21 июня 1908 г.

³⁵ Там же, 14 апреля 1909 г.

нарушила prerogative монарха: она, мол, имела право утверждать только испрашиваемую сумму, но не штаты. П. Н. Дурново, П. Х. Шванебах, С. Ю. Витте и др. подняли шум об «узурпации» царских prerogative и «захватных» действиях со стороны Столыпина и октябристов.

В ответ на это Дума 19 декабря 1908 г., признав законопроект спешным, приняла его снова в прежнем виде. 19 марта 1909 г. Государственный совет вторично обсуждал его. На этот раз ценой большого нажима Столыпину удалось добиться утверждения законопроекта, правда, очень небольшим большинством. Но эта победа стоила ему дорого. Против него была развязана такая кампания, что он весной 1909 г. очутился на грани отставки.

Одновременно яростным нападкам правой печати подверглись октябристы и прежде всего Гучков. Они были названы «русскими младотурками», т. е. людьми, стремящимися захватить власть с помощью военного переворота. Показательно, что статья Меншикова в «Новом времени», так и называвшаяся «Наши младотурки», была опубликована в тот день, когда настоящие младотурки свергли султана Абдул-Гамида II ³⁶.

Либералы, анализируя ход и итоги кризиса, пришли к самым неутешительным выводам. «То, что называют „министерским“ кризисом,— писало прогрессистское «Слово»,— имеет важное и общественное значение... Одна за другой за эти годы с политической сцены сходили общественные группы, но перед исчезновением октябристов невольно охнешь и откроешь рот от изумления. Ведь если устанавливающейся системе управления Россией не нужны даже такие лица, как Гучков, оказавший громадную моральную поддержку правительству еще в кровавые дни московского восстания,— то кто же нужен?» ³⁷. Подводя итоги 1909 г., Милюков уныло констатировал: «Постепенно уничтожаются все результаты, добытые манифестом 17 октября, возрождается революционное настроение, начинавшее уступать место строго-конституционному, и, таким образом, увеличивается острота борьбы и опасность столкновений...» ³⁸.

³⁶ «Новое время», 27 апреля 1909 г.

³⁷ «Слово», 30 апреля 1909 г.

³⁸ «Речь», 1 января 1910 г.

«Министерский» кризис кончился тем, что Столыпин остался у власти ценой полной капитуляции перед правыми и камарильей, переориентировки с октябристов на националистов.

27 апреля 1909 г. царь на имя Столыпина издал рескрипт, где говорилось, что законопроект о штатах морского генерального штаба он не утверждает. Столыпину, вместе с военным и морским министрами, предписывалось в месячный срок выработать правила, разграничивающие сферу компетенции верховной власти и законодательных учреждений в делах военного управления, т. е. дать толкование 96-й статье Основных законов, трактующей об этом предмете. Уже сам рескрипт означал нарушение Основных законов, так как всякое толкование закона могло проходить лишь в обычном законодательном порядке — через Думу и Государственный совет. Выработанные «Правила 24 августа» означали новое нарушение Основных законов, очередной маленький государственный переворот. «По разъяснению „правил“, — писал В. И. Ленин, — утвержденных без всякой Думы, статья 96 основных законов оказалась сведенной на нет! Штаты военные и морские оказались по этим „правилам“ *изъятыми* из ведения Думы»³⁹.

В сентябре 1909 г. Столыпин дал на шумевшее интервью редактору провинциальной газеты «Волга», в котором фигурировала известная фраза: «Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России». Другим тезисом этого интервью, который привлек наибольшее внимание, было осуждение партийного политиканства, направленного на захват прав верховной власти в пользу Думы. И правые и либералы смысл этого интервью расценили совершенно одинаково: как отмежевание от своего октябристского союзника. Произошла, по выражению одной газеты, «смена г. Гучкова г. Балашовым». «Смена Гучкова Балашовым». Параллельно и в связи с «министерским» кризисом развивался кризис октябристского «центра».

В начале 1909 г. во фракции возник так называемый «гололобовский инцидент». Октябрист Я. Г. Гололобов выступил в заседании Думы против решения фракции принять запрос социал-демократов о преследовании профессиональных союзов, открыто и демонстративно нарушив

³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 227.

партийную дисциплину. Два заседания фракции, где обсуждался этот вопрос, превратились в настоящую свалку. Скандал кое-как удалось замять, но ненадолго. Вскоре возник другой конфликт по вероисповедным законопроектам, в результате которого группа октябристов в 11 человек во главе с Гололобовым вышла из фракции и образовала фракцию так называемых «правых октябристов» (гололобовцев).

Следующий конфликт, возникший в апреле 1909 г., т. е. в разгар «министерского» кризиса, был более серьезным. Поводом послужили разногласия по старообрядческому вопросу, но истинная причина лежала глубже. Несколько октябристов во главе с Н. Г. Черкасовым посетили Столыпина и представили ему список «надежных» депутатов-октябристов, на которых Столыпин мог положиться. Смысл этого визита состоял в том, чтобы договориться со Столыпиным об организации «центра» из правых октябристов и умеренно-правых. Брат премьера, А. А. Столыпин, член ЦК партии октябристов и сотрудник «Нового времени», свидетельствовал, что умеренно-правые рассчитывали отколоть от Гучкова примерно три четверти фракции. В другой статье с характерным заголовком «Вихрь предательства» тот же А. А. Столыпин, не называя ни одного имени, но прозрачно намекая на Родзянко, писал, что под руководством последнего во фракции возник заговор против Гучкова, с тем чтобы свалить его. Родзянко для этой цели вошел в контакт с думскими умеренно-правыми и влиятельными лицами в «сферах». За кулисами, негодовал автор, возникла «ползучая интрига», «возможным обер-иудам давались партийные посулы до надежды на председательское место включительно»⁴⁰. Гучков и Родзянко ответили на эту статью тем, что оба подали в отставку: один — с поста председателя фракции, другой — с поста товарища председателя. После длительных и сложных препирательств, уговоров и голосований конфликт был внешне ликвидирован: оба лидера взяли свои отставки обратно, но всем было ясно, что достигнутое соглашение очень непрочное.

Расколу у октябристов сопутствовал процесс создания новой партии на базе объединения думских умеренно-правых и националистов.

⁴⁰ «Новое время», 17 мая 1909 г.

Первым шагом было образование, помимо фракции, партии умеренно-правых. В начале 1909 г. в Петербурге, как писал Изгоев, «пронеслось „веяние“, свидетельствующее о крушении одной партии и о восхождении новой»⁴¹. В начале марта «Слово» констатировало: «Бюрократизирование гг. октябристов и дружба с премьером ни к чему не привели, эту позицию заняли по праву гг. умеренно-правые, а разношерстное октябристское большинство вдруг очутилось при пиковом интересе»⁴². В апреле 1909 г. состоялось учредительное собрание, на котором был избран комитет во главе с П. Н. Балашовым. Последний произнес речь, главная мысль которой сводилась к тому, что это предварительный шаг: окончательная цель состоит в объединении с националистами. Столыпинская «Россия» сразу же дала понять, что умеренно-правым готовится в Думе роль правительственной партии. В октябре умеренно-правые и националисты объединились в одну фракцию. В конце января 1910 г. националисты в лице «Всероссийского национального союза» и умеренно-правые окончательно слились в «Партию русских националистов». Основная задача была сформулирована как «отпор инородческому засилью», т. е. была провозглашена политика воинствующего национализма. Лидером партии и фракции был избран Балашов, очень богатый помещик, владелец многих тысяч десятин земли (его отец был членом Государственного совета). Никакими талантами он не обладал и был избран на председательский пост именно из-за своего богатства, за то, что он, по меткому выражению одного правого крестьянина, «кормил свою партию компотом», т. е. содержал ее на свой счет. Рядом с октябристским «центром» возник и стал действовать в Думе новый «центр», националистический.

«Параллельная деятельность». Вместе с октябристским «центром» весьма кислые плоды своей политики пожинала и «ответственная оппозиция». Кадетская партия после революции 1905—1907 гг. стала крайне малочисленной. Все демократические элементы, которые, будучи обмануты вывеской «народной свободы», шли за кадетами во время революции, покинули партию. Отчет ЦК «Состояние партийных организаций за время с 1 сентября 1908 г. по 1 мая 1909 г.» констатировал «упадок интереса к партии»

⁴¹ «Русская мысль», 1909, № 5, стр. 193.

⁴² «Слово», 11 марта 1909 г.

и насчитывал к середине 1909 г. всего 22 губернских и 29 уездных партийных групп, влачивших жалкое существование. За весь третьеиюньский период вплоть до 1916 г. не было созвано ни одного съезда. Вместо съездов ЦК созывал регулярные конференции без определения норм представительства с мест, руководствуясь соображениями малочисленности и слабости организаций и желанием скрыть этот факт от широкой публики. В мае 1910 г. один из лидеров партии, Петрункевич, специально отметил в своем докладе, что если в момент выборов в III Думу у партии еще имелись какие-то остатки местных организаций, то теперь остались одни обломки. На заседании ЦК в октябре 1911 г. было снова указано на продолжающуюся дезорганизацию на местах. В марте 1912 г. Милюков говорил, что в течение минувших пяти лет работала в основном одна парламентская фракция кадетов, а «сама партия составляла более или менее фикцию»⁴³.

В то же время кадетская партия превратилась, по словам В. И. Ленина, «в крепкую, парламентски вышколенную партию интеллигентных буржуа, которые являются сознательными врагами социалистического пролетариата и революционной расправы крестьянских масс с гг. крепостниками»⁴⁴. За годы реакции кадеты круто повернули в сторону открытой контрреволюционности, проводя политику «Вех». Но, указывал В. И. Ленин в другом месте, «кадеты = веховцы с оговорочками»⁴⁵. Основная «оговорочка», служившая предметом полемики между открытыми «веховцами» и вождями партии, состояла в том, что Струве, Изгоев и др. требовали от кадетов отказаться от своей «демократической» вывески, а «реальные политики» — вождь партии Милюков и его сторонники — упорно от этого отказывались.

Свое требование прекратить заигрывание с массами открытые «веховцы» мотивировали опытом революции 1905—1907 гг., доказавшим опасность и несостоятельность расчетов на гегемонию кадетов в общедемократическом движении. По мнению веховцев, страх перед повторением подобного опыта служит главной причиной раздробленности либерального лагеря, объясняет нежелание октябрис-

⁴³ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 246, л. 25; д. 10, лл. 38—39; д. 30, л. 116.

⁴⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 410.

⁴⁵ Там же, стр. 145.

тов и прогрессистов объединиться с кадетами в единую «деловую» партию вне Думы, в единый, действующий независимо от правых, «левый центр» в Думе. Струве полагал, что давления одной объединенной буржуазии на царизм окажется достаточным, чтобы заставить его дать требуемые «реформы», а нового подъема революционного движения не предвидится еще многие годы. Милюков был обратного мнения: он считал, что буржуазия сама по себе бессильна вырвать у царизма какие-либо уступки, что ее сила — производное от революционных выступлений масс, которые не так далеки, как кажется на первый взгляд. Каждый по-своему был прав, и в этой правоте надо искать причину провалов кадетской политики.

Кадеты пытались сколотить в Думе «левый центр», используя для этого так называемое «левение» буржуазии. Это «левение» выражалось в том, что октябристская печать время от времени жаловалась на отсутствие «реформ» и грозила переходом в «оппозицию». Целый ряд представительных организаций крупного капитала также выражал недовольство «помещичьей» политикой Думы и правительства. Крупнейшие московские и петербургские тузы устраивали закрытые совещания с кадетскими профессорами и писателями вроде Струве, А. А. Мануйлова, А. А. Кизеветтера и др., где критиковали экономическую политику царизма и обсуждали возможность создания «деловой» буржуазной партии и т. п. Объясняя это явление, В. И. Ленин писал: «„Левение“ буржуазии вызывается именно тем объективным фактом, что, несмотря на столыпинское подновление царизма, обеспечения буржуазной эволюции *не получается*»⁴⁶.

В одной из своих передовых в мае 1909 г. «Речь» убеждала октябристов, что в Думе можно сколотить «левый центр» в 227—237 человек. В другой статье, озаглавленной «Предстоящий октябристский съезд», Кизеветтер заявил октябристам, что кадеты откажутся от собственной линии и будут полностью поддерживать «центр», если последний решит занять более самостоятельную позицию по отношению к Столыпину и правым, не останавливаясь перед опасностью конфликта с наиболее одиозными элементами внутри собственной фракции. С такими же предложениями обратилось к октябристам и прогрессистское «Слово». В результате на короткий момент наметилось некоторое сбли-

⁴⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 411—412.

жение обоих флангов либерализма, но оно было быстро разрушено окриком и угрозами со стороны правых октябристов. Гучков сразу же забил отбой, а предполагаемый съезд был вообще отложен на неопределенное время.

Следующая попытка кадетов носила уже более скромный характер. Они внесли в Совет старейшин Думы свой список спешных законопроектов, который содержал основные пожелания либералов. Гучков согласился на включение некоторых из них в думский план работ (рабочие законопроекты, о найме и увольнении торгово-промышленных служащих, законопроекты о местном самоуправлении, введении земства в неземских губерниях, свободе совести, неприкосновенности личности и др.), и в итоге был выработан согласованный список, включавший 42 законопроекта. Та же причина — нажим правых вне и внутри фракции — заставила Гучкова отказаться от своего обещания. Из 42 законопроектов 17 были выкинуты Советом старейшин как угрожающие острыми прениями, а большинство остальных просто не попали в думскую повестку.

В результате само «Слово» летом 1909 г. прекратило существование, так как, по собственному признанию газеты, главная цель, которую она ставила перед собой, — объединение всех «либералов», создание единой партии буржуазии в настоящее время не имеет никаких шансов на успех.

Заигрывания кадетов с октябристами привели к усилению конкурентной борьбы между ними. Наибольшей остроты она достигла в связи с дополнительными выборами в Думу по первой московской курии. Победу одержали кадеты. Московская буржуазия, недовольная политикой Гучкова, забаллотировала октябристского кандидата, видного деятеля Московского биржевого комитета Н. В. Щенкова, и вместо него выбрала кадета Н. Н. Щепкина.

Не найдя поддержки дома, кадеты отправились искать ее за границей. Летом 1909 г. «парламентская» делегация в составе 15 человек (из них пять членов Государственного совета) выехала в Англию, чтобы продемонстрировать там, по замыслу Милюкова и близкого к кадетам ливерпульского профессора Пэрса, русский «конституционный» строй. От кадетов поехал Милюков в сопровождении наиболее правых кадетов В. А. Маклакова и М. В. Челнокова. Визит предшествовал намеченной поездке царя в Лондон, и главной его целью было обеспечить Николаю II в глазах

английского общественного мнения реноме «конституционного монарха». Английское правительство и буржуазия принимали делегацию весьма торжественно; рабочие и прогрессивная печать встретили ее митингами протеста и разоблачениями русского «парламентаризма». Кадетские «парламентарии» в связи с этим поспешили демонстративно выразить самые верноподданнические чувства «своему монарху».

На обеде у лорд-мэра Лондона Милюков выступил с речью, в которой заявил: «Пока в России существует законодательная палата, контролирующая бюджет, русская оппозиция останется оппозицией его величества, а не его величеству»⁴⁷. Это заявление об «оппозиции» с родительным падежом вызвало глубокое возмущение всех демократических слоев и полное одобрение реакции. Столыпинская «Россия» оценила речь Милюкова как «такую услугу родине, за которую ему простится не мало прежних прегрешений». В связи с этим В. И. Ленин писал: «Дослужились, гг. кадеты: „Вехи“ вообще и Струве, в частности, одобрен Антонием Волынским, „владыкой“ черносотенных изуверов; вождь партии Милюков одобрен полицейски-продажной газеткой. Дослужились!»⁴⁸.

Цель выступления Милюкова раскрывается в двух передовых «Речи». Обращаясь к верхам, газета писала: «Престиж официальной России восстановлен, но народные представители взяли на себя ответственность, уверяя иностранцев, что пропасть между официальной и неофициальной Россией уже засыпана. Поймут ли это?...»⁴⁹. Во второй передовой говорилось: «Если визиты думской депутации выяснили, как высоко ценится в международных — дипломатических и финансовых — отношениях представительный строй в России, то вряд ли оценку эту можно будет объективно реализовать, если прежние несоответствия сохранятся во всей своей силе»⁵⁰.

За свое политическое холопство, за выдачу авансом перед заграничным общественным мнением царю, получившему в народе кличку «Кровавого», аттестата «конституционного монарха», кадеты требовали «понимания» — осуществления обещанных «реформ». Лондонская поездка об-

⁴⁷ «Россия», 23 июня 1909 г.

⁴⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 55.

⁴⁹ «Речь», 22 июня 1909 г.

⁵⁰ Там же, 1 июля 1909 г.

суждалась на кадетской конференции в ноябре 1909 г. Робкие возражения отдельных делегатов с мест были заглушены хором восторгов по поводу «блестящей победы», одержанной в Лондоне. Правый кадет Гредескул закончил свою речь призывом к сотрудничеству с октябристами и «более правыми элементами». Другой член ЦК, Колюбакин, решительно заявил: «радикальные вывески нам не нужны»⁵¹. Конференция полностью одобрила речь Милюкова.

На этой же конференции Милюков выступил с тактическим докладом, опубликованным затем под названием «Политические партии в стране и в Думе». В. И. Ленин посвятил этому докладу статью «Последнее слово русского либерализма», в которой расценил его как документ исключительной важности, излагающий «официальную платформу к.-д. партии»⁵². Квинтэссенция доклада заключалась в идее «параллельной деятельности». «Не исключена возможность, — указывал Милюков, — параллельной деятельности демократического конституционализма с непосредственными выражениями желаний народных масс»⁵³, иначе говоря, с революционным движением. Оценивая эту тактику, В. И. Ленин писал: «Упорядоченный буржуазный конституционализм, с монархией во главе, превосходная вещь, но *ее не выходит, ее не выйдет без нового движения масс*, — вот итог кадетского „совещания“. Нам ненавистно движение масс, ненавистна „демагогия“ „земли и воли“, ненавистны „политические судороги“, но мы реальные политики, мы должны считаться с фактами, мы должны направлять свою политику так, чтобы идти *параллельно* с движением масс, раз оно неизбежно. „Не исключена возможность“ успешной борьбы за руководство крестьянскими и городскими (кроме рабочих) массами: попытаемся словами о нашем „радикализме“ обеспечить себе местечко в народном движении, как словами об оппозиции его величества мы обеспечили себе местечко в Лондоне»⁵⁴.

⁵¹ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 9, лл. 39, 44.

⁵² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 176.

⁵³ «Речь», 26 ноября 1909 г.

⁵⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 182.

АГРАРНЫЙ ВОПРОС

От крестьянского «цезаризма» к аграрному бонапартизму. Думский бонапартизм Столыпина был производной от его аграрной политики. Третьеиюньская Дума представляла собой политическую надстройку над знаменитым указом 9 ноября 1906 г., в задачу которой входило увенчать радикальную экономическую реформу серией политических реформ. Эти реформы были поставлены царизмом в прямую зависимость от новой аграрной политики, выраженной в другой столыпинской формуле: «Сначала гражданин, потом гражданственность» — сперва создание массовой социальной опоры самодержавия в лице кулачества, а затем уже «гражданские», сиречь либеральные, реформы.

Столыпинская аграрная программа была объявлена «осью внутренней политики». Она рассматривалась как главное и по сути последнее средство спасения от революции. «...Крепкое, проникнутое идеей собственности, богатое крестьянство, — говорилось в особом секретном журнале Совета министров от 13 июля 1907 г., — служит везде лучшим оплотом порядка и спокойствия, и если бы правительству удалось проведением в жизнь своих землеустроительных мероприятий достигнуть этой цели, то мечтам о государственном и социалистическом перевороте в России раз навсегда был бы положен конец». «Но столь же неисчислимы, — подчеркивал журнал, — были бы, по огромной

важности своей, последствия неудачи этой попытки правительства осуществить на сотнях тысячах десятин принятые им начала землеустройства. Такая неудача на многие годы дискредитировала бы, а может быть, и окончательно похоронила бы все землеустроительные начинания правительства, являющиеся ныне, можно сказать, центром и как бы осью всей нашей внутренней политики. Неудача вызвала бы всеобщее ликование в лагере социалистов и революционеров и страшно поднял бы престиж их среди крестьян»¹.

Итак, царизм отдавал себе ясный отчет в том, что своим новым аграрным курсом он играет ва-банк. Это понимание подчеркивается тем обстоятельством, что новая политика представляла собой прямую противоположность прежней политике самодержавия в крестьянском вопросе, принципиальный поворот. Оценивая значение этого поворота, В. И. Ленин писал: «Эта перемена не случайность, не колебание курса министерств, не измышление бюрократии. Нет, это глубочайший „сдвиг“ в сторону *аграрного бонапартизма*, в сторону либеральной (в экономическом смысле слова, т. е. = буржуазной) политики в области крестьянских поземельных отношений»².

Коренная идея прежней аграрной политики состояла в сохранении и укреплении общины; указ 9 ноября исходил из необходимости ее повсеместного и форсированного разрушения. «Виновником» здесь оказалось крестьянство, которое во время революции выдвинуло требование конфискации помещичьих земель и национализации всей земли. До этого самодержавие рассматривало крестьянство как консервативную силу, как свою массовую социальную опору.

Не следует думать, что это была иллюзия, простое заблуждение. Иллюзия не могла бы продержаться почти полвека, начиная от реформы 1861 г. Заблуждением нельзя объяснить то исключительное упорство, с которым господствующий класс оберегал общину. Достаточно сослаться на авторитетное в данном вопросе свидетельство Витте, который руководил особым совещанием, изыскивавшим способы разрешения крестьянского вопроса (1902—1905 гг.). Во время обсуждения указа 9 ноября в Государственном совете он заявил, что совещание было закрыто сразу же

¹ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 417, лл. 93, 96.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 273.

после того, как оно пришло к выводу, что «надо постараться водворить личную собственность». И вслед за этим «последовали манифесты..., повелевающие не трогать ни в каком случае земельное общинное владение»³.

В пореформенный период крестьянство в целом действительно являлось массовой социальной опорой самодержавия. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал этот факт. Когда он, характеризуя монархизм, говорил о нем как о лавировании монархии, «потерявшей свою старую, патриархальную или феодальную, простую и сплошную, опору»⁴, он разумел под таковой крестьянство.

На первый взгляд это утверждение противоречит нашему представлению о революционной природе крестьянства, ленинскому тезису о крестьянстве как главном союзнике пролетариата в демократической революции, его же положению о борьбе двух тенденций в решении аграрного вопроса, которая завязалась еще накануне реформы 1861 г.: прусской, помещичьей, и крестьянской, революционно-демократической. На самом деле противоречия здесь нет, вернее, это было противоречием реальной действительности. Экономическая неразвитость крестьянского хозяйства, его полунатуральный характер являлись той объективной основой, на которой покоились политическая отсталость крестьянства, его темнота, сословная замкнутость, прочные и длительные царистские иллюзии. С развитием капитализма эта объективная основа размывалась, но это был долгий, мучительный процесс: рост крестьянской революционности, хотя и неуклонный, шел сперва очень медленно и неравномерно. Таким образом, крестьянство служило опорой царизму в том смысле, что оно было еще недостаточно революционно, что полуфеодальная его природа преобладала еще над фермерской.

На вопрос, насколько далеко зашел процесс разрушения патриархально-крестьянской опоры царизма, насколько изменилось настроение крестьянства, могла дать и дала ответ только революция. Но даже в начале революции 1905—1907 гг. крестьянство еще было полно царистских и конституционных иллюзий, с которыми оно расставалось очень трудно и медленно. В. И. Ленин отмечал, что Струве

³ Государственный совет. Стенографические отчеты. 1909—1910 гг., сессия V. СПб., 1910, стб. 1229—1230 (далее — Гос. совет. Ст. от.).

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 273.

выдвигал в начале революции, в качестве смелого для того времени утверждения, идею о том, что «мужик» подымется до уровня кадета⁵. Царизм же был уверен, что ему удастся использовать «мужика» как контрреволюционную силу.

Именно этим объясняются два крупных и связанных между собой маневра царизма в отношении крестьян, которые он предпринял в 1905 г. и которые выглядят совершенной нелепостью с точки зрения его интересов, если не знать этих расчетов.

Первым таким маневром был проект закона о «принудительном отчуждении» части помещичьих земель, разработанный главноуправляющим ведомства землеустройства и земледелия Н. Н. Кутлером. Не кадеты, а кабинет Витте первым выдвинул программу «принудительного отчуждения». Кадеты лишь наследовали ее, когда правительство от нее отказалось. Сам Кутлер после отставки стал одним из видных кадетских деятелей, признанным авторитетом кадетской партии по аграрному вопросу.

Н. Н. Кутлер отнюдь не был одиноким чудаком. Он отражал настроения весьма влиятельных групп класса крепостников-помещиков. После октябрьско-декабрьских событий знаменитый Трепов и не менее знаменитый адмирал Дубасов настаивали на необходимости как можно скорее провести в жизнь «принудительное отчуждение». «Я сам помещик,— говорил Трепов,— и буду весьма рад отдать даром половину моей земли, будучи убежден, что только при этом условии я сохранию за собой вторую половину». То же самое заявлял Витте в декабре 1905 г. Дубасов⁶. В письме к царю Витте, оправдывая Кутлера, писал, что он «слышал те же мнения от наиконсервативнейших людей». В подтверждение он ссылался на того же Дубасова и на «многих консервативных помещиков, писавших то же самое»⁷.

Основная причина, заставившая дворянство отвергнуть проект Кутлера, коренилась не в самом проекте, а в революционности крестьянства. Главный довод всех дворянских записок на имя царя сводился к мысли, что «принудительное отчуждение» не остановит крестьян, а приведет к полной ликвидации помещичьего землевладения рево-

⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 9.

⁶ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 3, стр. 196, 198.

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 543, оп. 1, д. 525, лл. 3—4.

люционным путем. В одной из таких записок, на которой стояла помета царя: «Это умная записка», говорилось: «...Ясно, что если и возможно ожидать прекращения аграрных беспорядков в сельских местностях от дополнительного наделения крестьян, то лишь после раздела всех частновладельческих земель между крестьянством, т. е. после исчезновения самого объекта, на который направлены эти беспорядки»⁸. Во всеподданнейшем докладе Витте основное возражение министров — противников кутлеровского законопроекта сформулировал следующим образом: «Указывалось, что никакие частные мероприятия по передаче крестьянам частновладельческих земель не приведут к успокоению их, так как они всегда будут стремиться, ободренные к тому в своих вождедениях, к полному захвату всей земельной собственности»⁹.

Опыт I и II Дум полностью подтвердил всю обоснованность опасений крепостников-помещиков. Кадеты, играя в этих Думах роль «центра», пытались повести за собой трудовиков на базе своей аграрной программы. Выступления и аграрные проекты трудовиков полностью развеяли кадетские надежды на возможность примирить крестьян с помещиками. «Крестьянская демократия, — писал В. И. Ленин, — не оправдала надежд. Она показала, — в I Государственной думе еще яснее, пожалуй, чем в 1905 году, — что она с 1861 года стала *сознательной*. При *таком* крестьянстве кутлеровско-кадетский проект стал бессмыслицей: крестьяне не только не дали бы себя надуть по-старому, но использовали бы даже кадетские местные земельные комиссии для организации нового натиска... Гражданская война *переросла* либерально-чиновническое прожектерство. Классовая борьба бросила прочь мечтания о „социальном мире“ и поставила вопрос ребром, „либо по-столыпински, либо по-трудовицки“»¹⁰.

Такова была судьба первого маневра.

Второй маневр нашел выражение в избирательном законе 11 декабря 1905 г. Главнейший недостаток закона 11 декабря, писал позднее Витте, это «его, если так можно выразиться, крестьянский характер. Тогда было признано,

⁸ «Аграрный вопрос в Совете министров (1906 г.). Материалы по истории крестьянских движений в России». Под ред. С. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче, вып. 4. М.—Л., 1924, стр. 65.

⁹ Там же, стр. 77.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 56.

что Держава может положиться только на крестьянство, которое по традиции верно самодержавию.

Царь и народ!..

Поэтому такие архиконсерваторы, как Победоносцев, Лобко и прочие, все настаивали на преимуществах в выборном законе крестьянству»¹¹. О том же писал товарищ министра при Столыпине, автор обоих избирательных законов С. Е. Крыжановский¹².

Докладчик особой комиссии Государственного совета по указу 9 ноября П. Ф. Красовский говорил: «долгое время считалось, что община есть оплот охранительных начал... Такая идеализация общинных порядков... господствовала в наших правительственных сферах и в обществе до самого последнего времени. Под влиянием этого розового зрения на общинный строй были составлены декабрьские правила о выборах в Государственную Думу»¹³.

В. И. Ленин не раз подчеркивал, что до конца 1905 г. и власть и помещики рассчитывали на консервативность крестьян. На Петергофском совещании 19—26 июля 1905 г., подготовившем булыгинскую Думу, писал он, «столпы будущего Совета объединенного дворянства, А. А. Бобринский, Нарышкин и т. д., были за то, чтобы в Думе дать преобладание крестьянам»¹⁴.

Разочарование было весьма жестоким. «Составу первых двух Дум, наполовину почти набранному из крестьян,— указывал тот же Красовский,— суждено было разрушить эти иллюзии. Оказалось, что вместо степенных мужиков, которых думали получить в Думу в качестве представителей крестьянства, явилась буйная толпа, слепо идущая за любым руководителем, который разжигает ее аппетиты. Тех консервативных начал, охранителем которых считалось наше крестьянство, в нем не оказалось. А наряду с этим по всей России запылали герценштейновские иллюминации, воскресли картины из времен Стеньки Разина и Пугачева»¹⁵.

¹¹ С. Ю. Витте. Указ. соч., т. 3, стр. 358.

¹² С. Е. Крыжановский. Воспоминания. Из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. Петрополис, стр. 40, 66.

¹³ Гос. совет. Ст. от., с. V, стб. 1271—1272.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 55.

¹⁵ Гос. совет. Ст. от., с. V, стб. 1272. Словечко «иллюминации», под которым разумелись поджоги помещичьих имений, пустил в ход кадет Герценштейн.

Оценивая значение ставки царизма на крестьянство, В. И. Ленин писал: «„Кадетский“ проект принудительного отчуждения был проектом *министра* Кутлера в кабинете Витте, мечтавшего о самодержавии, опирающемся на крестьян! Когда крестьянская демократия шла в гору, ее, эту демократию, пытались подкупить, развратить, обмануть проектом „мирного“, „принудительного отчуждения“, „второго освобождения“, проектом чиновнического „принуждения крестьян помещиками“... Кадетский аграрный проект есть проект министра при Витте „сыграть“ в крестьянский цезаризм»¹⁶.

На смену несбывшейся мечте пришел реальный расчет. Результатом его был переход от политики «крестьянского цезаризма» к политике аграрного бонапартизма, от Думы с кадетским «центром» — к Думе с «центром» октябристским. Царизм и крепостники-помещики трезво оценили обстановку. Они решили искать в деревне не иллюзорных, а действительных союзников. Все крестьянство как союзник, о чем свидетельствовали уроки революции, — фикция, часть крестьянства, кулачество, — надежная опора. Крестьянский цезаризм оказался заманчивой утопией, аграрный бонапартизм — политика раскола деревни с целью отвлечения ее от помещичьих земель и создания массового слоя кулачества — имела реальные шансы на успех.

«Почему, — писал В. И. Ленин, — столыпинская аграрная политика может пользоваться „относительным успехом“? Потому что в крестьянстве нашем уже давно созданы капиталистическим развитием враждебные классы крестьянской буржуазии и крестьянского пролетариата»¹⁷. Аграрный бонапартизм, писал он в другом месте в ноябре 1908 г., «не мог бы даже родиться, а не то что продержаться вот уже два года, если бы сама община в России не развивалась капиталистически, если бы внутри общины не складывалось постоянно элементов, с которыми самодержавие могло начать заигрывать, которым оно могло сказать: „обогащайтесь!“, „грабь общину, но поддержи меня!“»¹⁸.

Новая аграрная политика воплотилась в целом ряде мероприятий и законодательных актов: политика Крестьян-

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 56.

¹⁷ Там же, т. 17, стр. 29.

¹⁸ Там же, стр. 274.

ского банка, переселенческая политика и др. Но центральное место среди них занимал указ 9 ноября 1906 г., изданный в порядке 87-й статьи Основных законов и начавший претворяться в жизнь с 1 января 1907 г. Указ давал право каждому домохозяину-общиннику требовать укрепления своего надела в личную собственность. Разрешение на выдел давал сход простым большинством голосов. Если в течение месяца такой приговор не выносился, выдел постановлялся земским начальником. Каждый выделившийся домохозяин имел право требовать обмена своей земли на цельный участок в виде хутора или «отруба». Выдел осуществляли специальные землеустроительные комиссии под руководством Министерства внутренних дел.

Указ 9 ноября 1906 г. и Дума. Указ 9 ноября попал на повестку дня Думы 23 октября 1908 г., т. е. почти через два года после того, как он начал действовать. Обсуждение его длилось в общей сложности шесть с половиной месяцев. Но прошел еще год с лишним, когда он, наконец, принял форму окончательного закона — так называемого закона 14 июня 1910 г. В прениях выступило круглым счетом 500 ораторов. Уже этот факт свидетельствует об огромном интересе к столыпинскому указу, характеризует значение нового правительственного курса в аграрном вопросе.

В. И. Ленин посвятил обсуждению указа специальную статью — «Аграрные прения в III Думе». Анализируя эти прения, он выделил четыре классовые группы. «Четыре группы ораторов, — указывал В. И. Ленин, — выделяются сами собой: правые, кадеты, крестьяне и социал-демократы. Различия между „правыми“ в тесном смысле и октябристами совершенно сглаживаются. Крестьяне выступают безусловно, как одно политическое направление в аграрном вопросе, причем различие правых крестьян и трудовиков является лишь различием оттенков внутри единого направления»¹⁹.

Докладчик земельной комиссии октябрист С. И. Шидловский был вынужден признать, что идея конфискации и национализации земли остается и теперь заветным желанием подавляющего большинства крестьянства. Пытаясь развенчать ее, Шидловский доказывал, что только личная собственность на землю выведет крестьянина из нужды, превратит его в свободную личность, без которой невоз-

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 308.

можно создать «правовое» государство. «Если кто действительно желает обращения нашего государства в правовое,— говорил докладчик,— тот не может высказываться против личной собственности на землю»²⁰. Причину малоземелья Шидловский объяснял обычными для помещиков доводами, которые ничего общего не имели с истиной: ограниченностью территории и экстенсивным, рассчитанным на большую площадь, крестьянским хозяйством. Последнее же он опять сводил к отсутствию личной собственности крестьян на землю.

Но подлинный мотив его приверженности к личной собственности был иным. Отсутствие таковой, признал Шидловский, порождает у крестьян «веру в пространство», т. е. желание отнять у помещиков землю. Эта вера «в нашем народе еще очень сильна..., крестьянство в пространство верит как в единственного целителя всех недугов..., поэтому уничтожение этой веры в спасительное пространство должно быть приветствовано»²¹. «Среди крестьян популярна мысль об экспроприации частновладельческих земель без выкупа. Помимо других соображений,— пугал Шидловский крестьян,— захват чужого имущества неминуемо оттолкнет от крестьянского хозяйства всякого рода капиталы и уничтожит в корне все виды кредита — а это для них гибель». Не надо захватывать помещичью землю, убеждал крестьян Шидловский, «вступать из-за ее захвата в кровопролитную войну было бы верхом безрассудности»²².

От имени и по поручению правых их «общее принципиальное отношение к общине и к праву выхода из нее на основании закона 9 ноября 1906 г.» высказал епископ Митрофан. Прежде всего он пожалел о том, что община утратила свое прежнее, привлекательное для черносотенцев значение. Когда-то община была удобна для людей, «являющихся в качестве учителей и руководителей народа», т. е. для попов, тем, что давала «им возможность в более широком масштабе развить свое просветительное влияние на народ, так как при ней можно влиять сразу на целые массы». Теперь это «моральное преимущество общины» исчезло, а раз так, то да здравствует «индивидуальность личности», создаваемая на базе личной крестьянской собственности на землю. Ибо, объяснял Митрофан, крестья-

²⁰ Ст. от., с. II, ч. 1, стб. 171.

²¹ Там же, стб. 175.

²² Там же, стб. 191, 189—190.

янин, полюбив свое, «научится ценить и чужое». «Сводя к единству все сказанное,— заключал черносотенный епископ,— фракция правых приходит к тому выводу, что закон 9 ноября в высшей степени благодетелен для русского народа, и потому нужно желать всяческого его применения»²³.

Граф В. А. Бобринский требовал разрушить общину на том основании, что она полезна революционерам, ибо «служит... необходимым элементом для обострения классовой борьбы». Оправдывая издание указа по 87-й статье, он говорил, что закон был нужен срочно: «Крестьянство замечалось, оно потеряло голову..., народ пошел за врагами отечества, и было одно время опасение, что... Россия гибнет. Необходимо было найти выход и найти его спешно и немедленно, и при этом найти верный выход». Правительство «нашло верный путь, а потому мы заявляем, что не было закона более важного, более спешного, чем указ 9 ноября»²⁴.

Устами Маркова 2-го правые открыто заявили, что для сохранения помещичьего землевладения они не остановятся ни перед какими насилиями над крестьянской массой. «Я нисколько не опасаясь того,— говорил курский „зубр“,— что часть крестьян при этом неизбежно обезземелеет...» «И скатертью им дорога, пусть уходят, а те, кто из них сильнее, те пусть остаются. Говорят о кулаках. Что такое кулак? Это хороший деревенский хозяин, который действительно каждую копейку бережет и умеет извлекать из своего состояния больше, чем это делают растопыри, люди, которые растопыривают руки и землю теряют». Говорят, безземельным нечего будет делать. «Как нечего делать? Пусть едут в пустыни... Кто бедствует и не желает трудиться, тем место не на свободе, а в тюрьме, или они должны быть вовсе исторгнуты из государства, это — пропойцы или лодыри...»²⁵.

Октябристы, как мы видели, защищали указ 9 ноября столь же рьяно и убежденно, как и правые. Отметив, что кадет Шингарев в своей речи тщательно избегал всякого упоминания об аграрной программе своей партии, граф А. А. Уваров с ехидством спрашивал: почему это так?

²³ Ст. от., с. II, ч. 1, стб. 199—204.

²⁴ Там же, стб. 494, 506.

²⁵ Там же, стб. 931—933.

И отвечал: «Облетели цветы иллюзий кадетских»²⁶. Кадеты сами убедились в том, что их «принудительное отчуждение» не достигло цели.

Прогрессисты, в целом стоявшие ближе к кадетам, чем к октябристам, в аграрном вопросе полностью разошлись с ними и примкнули к правым и октябристам. Редактор прогрессистского «Слова» М. М. Федоров в статье, озаглавленной «Ложная позиция», писал, что аграрная речь Милюкова в Думе — ошибка и что кадетам надо стоять за указ²⁷. Речь Н. Н. Львова, главного оратора прогрессистов по указу, была охарактеризована В. И. Лениным как образец дикой ненависти и страха перед революцией²⁸.

Оценивая речи правых, В. И. Ленин особенно подчеркивал защиту ими «частной собственности *крестьян* на землю», защиту, красной нитью проходящую «через все их речи вплоть до обер-попа Митрофанушки... Спрашивается, почему класс помещиков и класс капиталистов так энергично защищает и во II и в III Думе частную собственность *крестьян* на землю? Только потому, что таково „последнее правительственное распоряжение“? Конечно, нет! Это распоряжение подсказано и внушено Советом объединенного дворянства. Помещики и капиталисты превосходно знают того врага, с которым приходится им бороться, превосходно чувствуют, что *революция связала победу помещичьих интересов с победой частной собственности на землю вообще, победу крестьянских интересов с уничтожением частной собственности на землю вообще, и помещичьей и крестьянской. Сочетание частной собственности на наделные земли с общественной собственностью на экспроприированные помещичьи земли есть плохая выдумка кадетов и меньшевиков. На деле борьба идет из-за того, помещики ли будут строить новую Россию (это невозможно иначе, как на основе частной собственности на все роды земель), или крестьянские массы (это невозможно в полукрепостнической стране без разрушения частной собственности и на помещичьи и на наделные земли)*»²⁹.

Кадеты были противниками указа 9 ноября. Но их борьба против него носила не принципиальный, а тактический

²⁶ Там же, стб. 418.

²⁷ «Слово», 7 ноября 1908 г.

²⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 310.

²⁹ Там же, стр. 311—312.

характер. Они принимали существо указа, но отвергали методы его осуществления. Причиной этого являлась революционная позиция крестьянства в аграрном вопросе, которую оно целиком сохранило и в третьеиюньский период. Уже на первой сессии думские правые крестьяне внесли аграрный законопроект, революционно-демократическое содержание которого не вызывало сомнений. В связи с этим «Речь» опубликовала передовую, в которой суть дела была схвачена в очень точной фразе: «Гони природу в дверь, она влетит в окно». Сделав на основании этого вывода другой правильный вывод, что указ 9 ноября не излечит крестьянство от трудовицкого духа, передовая предлагала: «Только серьезная практическая постановка этого рода реформы (именно: аграрной реформы „на самом широком демократическом базисе“) может излечить население от утопических попыток».

Приведя эти слова, В. И. Ленин следующим образом расшифровал их: «Читай: ваше превосходительство, г. Столыпин, даже со всеми своими виселицами и третьеиюньскими законами вы не „излечили“ население от „утопического трудовицкого духа“. Дозвольте нам еще разок попробовать: мы пообещаем народу самую широкую демократическую реформу, а на деле „излечим“ его посредством помещичьего выкупа и помещичьего преобладания в местных земельных учреждениях!»³⁰.

Речи ряда кадетских ораторов служат замечательной иллюстрацией к этим словам В. И. Ленина.

Еще на первой сессии, выступая по смете Министерства землеустройства и земледелия, Милюков, объясняя суть тактики кадетов в аграрном вопросе в период I Думы, говорил: «Я не думал, что наши государственные люди забудут, что законодательный почин Государственной Думы есть лишь первый шаг, первый приступ. Я не думал, что они не обратят внимания на то, что даже в нашем собственном проекте ближайшая стадия решения должна была состоять в серьезном обсуждении на местах этого вопроса. И только после такого, более или менее продолжительного, обсуждения вопрос вернется вновь в Государственную Думу. Я не думал, что забудут и то, что в Российском государстве существует не одна, а две палаты, а над палатами — воля монарха. И что, если захотят затормозить этот закон..., то для этого есть законодательный же способ, а не

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 13.

способ нарушения конституции. На всех этих основаниях я полагал, повторяю, что разрешение аграрного вопроса мирным путем не встретит затруднений и что единственным препятствием нам будет — убедить крестьян, что наше решение для них приемлемо... Конфликт, которого мы боялись, был конфликт с крестьянами, которые сочли бы наше решение недостаточно защищающим крестьянские интересы». «Нам,— продолжал Милюков,— говорили: расширьте ваш проект аграрной реформы — за вас будут крестьяне... Мы этим путем... не пошли, мы предложили свой проект, а проект, подобный которому недавно был внесен в Думу (законопроект правых крестьян.— А. А.), мы не приняли, мы его отвергли даже без передачи в предварительную комиссию. На этом, может быть, мы потеряли свое дело в Думе, но мы шли и идем этим путем и считаем его единственно правильным»³¹.

Это было ценное признание. С точно таким же признанием выступил во время обсуждения указа кадет А. Е. Березовский. Прочитывая соответствующие выдержки из его речи, В. И. Ленин констатировал: «Г-н Березовский признал в октябре 1908 г. *все*, что говорили большевики летом 1906 года о земельном проекте к.-д.! В I Думе кадеты публично выдвигали вперед демократическую внешность своей реформы, доказывая ее помещичий характер на тайных совещаниях с Треповым и его прихвостнями. В III Думе к.-д. публично выдвигают вперед помещичий характер своей реформы, доказывая демократизм ее на тайных от полиции беседах с теми немногими чудаками, которые способны еще слушать бабушкины сказки. Двудликий Янус по ветру поворачивает свои „лики“ то в одну, то в другую сторону. „Демократы“ падают до того низко, что перед черносотенными зубрами стараются доказать безобидность своих действий и программ во время революции!»³².

Первый кадетский оратор по указу, Шингарев, начал свою речь также с характерного признания: «Этот кошмарный аграрный вопрос в России обладает странным свойством феникса, вновь возрождающегося из, казалось бы, потухшего пепла». «Достигнет ли указ 9 ноября,— ставил он основной вопрос,— ...ценою недоразумений и смут в дерев-

³¹ Ст. от., с. I, ч. 2, стб. 1215—1216.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 314—315.

не, ценою трудности его проведения, грозности вопроса создания безземельных, достигнет ли он тех благ, которые он поставил своей целью?». Ответ давался отрицательный: нет, «вы никогда не достигнете именно этой цели,— успокоения, потому что успокоение может получаться только устранением социальных противоречий...». Надо сохранить рациональное зерно указа: «Я не могу сказать, что надо оставить пустое место на нем, его отклонить». Кадеты за выдел, за личную собственность, но «мы хотим, чтобы этот выдел был обставлен разумными мерами, закономерно, чтобы этот институт проводился не так, как горячие блины, а долгой, трудной, обдуманной законодательной работой»³³.

Еще при обсуждении указа в земельной комиссии Думы Березовский предостерегал правых и октябристов: указ приведет «к образованию сельского пролетариата, который волей-неволей нами этой свободой толкается на грабежи и присвоение чужой собственности, которая нас всех так измучила, и предел которой мы желали бы положить... В будущем нашем постановлении этот обезземеленный народ в сущности наталкивается на то, чтобы обратиться на те же землевладельческие земли и осуществлять свое право на них явочным порядком»³⁴.

Его мысль другой кадетский оратор продолжая следующим образом: «Куда они пойдут? В город? Но город уже переполнен в избытке таким элементом, они пойдут на завод, пойдут на шахты, где прежде имели работу, теперь же нет, и они возвратятся назад и вместо заработка принесут домой только революционные листки и брошюры». Отвечая одному из правых, доказывавших, что указом «образуется класс собственников, который будет противодействовать революции», тот же Березовский говорил: «Ведь мы правой рукой делаем одно, а левой возбуждаем революцию..., потому что, если правительство, паче чаяния, не удовлетворит этих безземельных людей своими землеустроительными мерами, то что же получится? Получатся миллионы обезземеленных людей, которых мы сами бросаем в революцию»³⁵.

Конкретно кадеты предлагали следующие основные поправки к указу: 1) срок для выдела, т. е. удовлетворения

³³ Ст. от., с. II, ч. 1, стб. 223, 241—242, 247, 270.

³⁴ ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 4, д. 2418, л. 162.

³⁵ Там же, лл. 172, 390.

подавшего заявление о выходе из общины, установить трехлетний; если в течение этого срока община не исполнит выдела, заявитель получает право предъявить к ней по суду денежный иск; 2) сохранить наряду с личной собственностью и семейную; 3) разрешить последний передел для общин, не переделавшихся 24 года и более; 4) предоставить общине право вместо выдачи земли выплачивать в течение трех лет равноценную денежную компенсацию и др.

Раскрывая смысл речей кадетских ораторов, В. И. Ленин писал:

«Красной нитью через все кадетские речи проходит спор против закона 9 ноября с точки зрения „осторожности“. Нас, большевиков, обвиняли в том, что мы черним кадетов, называя их либеральными помещиками. Они хуже на самом деле. Они — либеральные *чиновники*. Нельзя себе представить большего развращения *демократического* сознания масс, как это выступление в Гос. думе партии так называемых „демократов“ с речами, *притупляющими* борьбу, с проповедью чиновнической „осторожности“, с подлым расхваливанием того ограбления и закабаления крестьян крепостниками, которое зовется „великой реформой“ 1861-го года!

Нападать на Столыпина за „неосторожность“ его аграрной политики значит проституироваться, предлагаться на должность *таких* исполнителей этой самой политики, которые сумели бы „осторожно“ выполнить *то же самое дело*, т. е. провести ту же помещичью сущность под ложным флагом „конституционного демократизма“, провести не путем одного насилия, а также и путем обмана крестьян»³⁶.

Таким образом, кадеты стояли на той же помещичьей позиций решения аграрного вопроса, что и правые с октябристами. Они расходились с ними только в методах его решения. «Столыпин и кадеты, самодержавие и буржуазия, Николай второй и Петр Струве, — писал В. И. Ленин, — сходятся в том, что надо капиталистически „очистить“ обветшалый аграрный строй России посредством сохранения помещичьей земельной собственности. Они расходятся лишь в том, как лучше сохранять ее и насколько сохранить»³⁷.

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 312—313.

³⁷ Там же, стр. 30.

Кадетская позиция по отношению к указу 9 ноября представляет собой поучительный пример того, как революционность крестьянства заставила наиболее либеральную буржуазную партию занять наименее либеральную позицию в аграрном вопросе по сравнению с правыми и октябристами. Кадеты боялись, что столыпинский аграрный курс кончится крахом и тогда уже в распоряжении контрреволюции не будет никаких средств предотвращения крестьянской революции. Но та же революционность крестьянства, его трудовицкий дух вынудили правых и октябристов отвергнуть межеумочную позицию кадетов и поставить вопрос по-столыпински. В этом и заключался заколдованный круг всей российской контрреволюции. Оба пути грозили крахом, но у столыпинского пути было хотя бы то преимущество, что он еще не был испробован и имел шансы на успех, в то время как кадетский путь уже полностью обанкротился.

Подавляющее большинство крестьянских депутатов заняло по указу 9 ноября по существу революционно-демократическую позицию. Не только трудовики, но и правые и октябристские крестьяне заявили себя противниками помещичьего землевладения, выступили против их общего врага — крепостников-помещиков.

Одним из наглядных доказательств этого является аграрный проект правых крестьян (проект 42-х), о котором напоминала «Речь». В. И. Ленин писал о нем: «Будучи очень скромным по внешности, этот проект *левее* кадетского проекта, как признают и сами к.-д. Требуя обсуждения реформы, наделяющей крестьян землей, местными комиссиями, выбранными всеобщей подачей голосов, этот проект *на деле* есть революционный проект, ибо обсуждение земельной реформы на местах действительно демократическими выборными учреждениями абсолютно несовместимо с сохранением в современной России власти царя и землевладения помещиков. И то обстоятельство, что в черносотенной Думе, выбранной на основе избирательного закона, специально подделанного в пользу помещиков по указаниям объединенного дворянства, при господстве самой отчаянной реакции и беспшибашного белого террора, — что в такой Думе 42 крестьянина подписали подобный проект, это лучше всяких рассуждений доказывает революционность крестьянской массы в современной России. Пусть оппортунисты доказывают необходимость союза с

кадетами, необходимость сближения пролетариата с буржуазией в буржуазной революции, — сознательные рабочие только подкрепят, знакомясь с прениями в III Думе, свое убеждение в том, что невозможна буржуазная победоносная революция в России без общего натиска рабочих и крестьянских масс, вопреки шатаниям и изменам буржуазии»³⁸.

Основное содержание законопроекта сводилось к следующему. Если в данной местности обнаружится нехватка земли для безземельных и малоземельных, то в государственный земельный фонд передаются, помимо других, и земли частновладельческие, по справедливой оценке для передачи им на льготных условиях, причем «продажа земли частным лицам воспрещается». «Долги, лежащие на землях, передаваемых в государственный земельный фонд, переводятся на государственное казначейство». А «для возмещения части предстоящих государству расходов при проведении земельной реформы необходимо ввести прогрессивный налог с земли». Наконец, проект предусматривал, как отмечал В. И. Ленин, создание «местных земельных учреждений», выбираемых «всею населением данной местности», которые и определяют, какие земли подлежат передаче в государственный фонд³⁹.

Правительство отлично поняло смысл проекта 42-х. Министр финансов В. Н. Коковцов сообщил Столыпину, что ипотечные долги частного землевладения составляют сумму свыше 2 млрд. руб.⁴⁰ Главноуправляющий ведомством землеустройства и земледелия князь Б. А. Васильчиков заявил в своем ответе на запрос Столыпина, что возбуждение вопроса, поднятого законопроектом, «приносит неисчислимый вред делу землеустройства», «возбуждает в населении несбыточные надежды», «отвлекает внимание крестьянства от тех способов, коими оно действительно может упрочить свое благосостояние». «Крестьяне, уже готовые прийти к новым формам землепользования, вновь колеблются в своем намерении и, отказываясь приобретать отрубные участки и разверстывать чересполосность своих наделных земель, снова сосредоточатся на напряженном ожидании будущей прирезки земель». Надежде, что Дума даст землю, «ныне должен быть положен конец, и Государ-

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 315—316.

³⁹ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 4, д. 267, л. 2.

⁴⁰ Там же, л. 6.

ственная Дума, отвергнув рассматриваемый законопроект по принципиальным основаниям, без передачи его даже в комиссию, сделает для успокоения страны и направления сельского населения на путь культурной работы более, чем, может быть, годы напряженных стараний правительства»⁴¹.

Не только ненависть к крестьянскому проекту руководила Васильчиковым. Основываясь на данных Центрального статистического комитета, он указывал, что «огромное большинство более крупных собственников», в случае введения прогрессивного налога, «будет вынуждено продавать казне свои имения». А если оценка их «будет предоставлена местным землеустроительным учреждениям, избранным всем населением данной местности..., то крайне вероятно, что практика этих землеустроительных учреждений еще значительно расширит те границы, в коих принудительное отчуждение предусмотрено проектом»⁴².

Столыпин, конечно, «вполне согласился» с соображениями Коковцова и Васильчикова⁴³.

Большинство правых и других крестьян не трудовиков высказалось в духе законопроекта 42-х.

Крестьянин М. С. Андрейчук начал свое выступление следующим образом: «Обсуждая закон, созданный указом 9 ноября, я его приветствую». «Но,— продолжал он,— я хочу обратить внимание на кое-что другое. Наш уважаемый докладчик в своем докладе подчеркнул, что если принять этот самый закон 9 ноября, то этим разрешится аграрный вопрос; по-моему, совсем не так. В аграрном вопросе должны быть разрешены еще многие другие стороны, так как не суть важно, что острота явилась в аграрном вопросе от 9 ноября, а суть важно и остро это безземелье и малоземелье крестьян». Если человек голоден, он все равно будет кричать, что хочет есть. Поэтому необходимо «частичное отчуждение»⁴⁴. Так же выступил и Я. С. Никитюк. «Этот закон,— говорил он,— я приветствую, но я еще больше его приветствовал бы, если бы у нас была правда, если бы вместе с этим законом наделялись землей безземельные и малоземельные... Пусть нам отдадут... ту землю, которою мы пользовались еще в 40-х годах. Нас обманули в 1861 г.

⁴¹ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 4, д. 267, лл. 16—18.

⁴² Там же, л. 18.

⁴³ Там же, лл. 20—21.

⁴⁴ Ст. от., с. II, ч. 1, стб. 999—1000.

при наделении землею (рукоплескания слева)... Говорят: у вас есть земельные банки; пусть они вам помогают. Да, верно, есть. Кому же они помогают? Помогают только тем людям, которые более состоятельны и которые уже имеют землю», а бедному даже ссуды не выдадут ⁴⁵.

Лейтмотивом всех выступлений крестьян был этот двусторонний тезис: указ надо принять, но земельного вопроса он не решает.

«Указ 9 ноября,— говорил Ф. Т. Шевцов,— конечно, нужно принять... Но, гг., указом 9 ноября, опять я говорю, мы не ублагодворим народ. Народ, я повторяю, ожидал вовсе не указа 9 ноября, он его и не ожидает; он ожидает не разделения наших земель, которые у нас есть, он ожидает каких-либо источников наделения крестьян землею... Поэтому я говорю, что про этот указ 9 ноября я упоминаю с болью в сердце; он нужен и вовсе не нужен, он так, на воздухе... он идет сам по себе...» Мы здесь должны «установить такой закон, который все-таки наделил бы безземельных и малоземельных крестьян землей». «Без этого, гг., никогда вы не дойдете до мирного и спокойного, так сказать, состояния (рукоплескания слева и голос: слушайте, господа правые)» ⁴⁶.

Крестьянин С. И. Сидоренко заявил: «Закон 9 ноября хорош, потому что как будет право собственности, так можно и одобрение получить, но что касается малоземелья и безземелья, то пока не будут удовлетворены безземельные, до тех пор не будет у нас, по России, спокойствия» ⁴⁷.

Пора перестать говорить об указе и принять его, так начал свою речь В. Г. Амосенок. «Каждому из вас известно, кому полезен закон 9 ноября. Закон 9 ноября полезен крестьянам, имеющим достаточное количество земли... Вот поэтому я не могу не выразить правительству свою благодарность от имени таких крестьян Витебской губ. и от себя лично за инициативу и проведение в жизнь закона 9 ноября». Но безземельным он совершенно бесполезен, а малоземельным также не поможет ⁴⁸.

Приведем еще одно выступление. «Закон 9 ноября вполне ясен и понятен,— говорил Г. Ф. Федоров.— С одной стороны, нельзя не признать закона 9 ноября, но с

⁴⁵ Там же, стб. 1050—1051.

⁴⁶ Там же, стб. 1266—1267.

⁴⁷ Там же, стб. 1330.

⁴⁸ Там же, стб. 1340—1341.

другой — нельзя голосовать за этот закон потому, что в нем ничего не сказано о тех безземельных и малоземельных, которые, в случае принятия указа 9 ноября, останутся совершенно без земли и будут выброшены на произвол судьбы»⁴⁹.

Сравнивая речи кадетов и крестьян, В. И. Ленин писал.

«Сопоставьте с этим речи крестьян. Вот вам типичный правый крестьянин Сторчак. Он начинает свою речь воспроизведением полностью слов Николая II о „священных правах собственности“, недопустимости их „нарушения“ и т. д. Он продолжает: „дай бог государю здоровья. Он хорошо сказал для всего народа...“. Он кончает: „А если сказал государь, чтобы была правда и порядок, то, конечно, если я сижу на 3 десятинах земли, а рядом 30 000 десятин, то это не есть порядок и правда“!! Сравните этого монархиста с монархистом Березовским. Первый — темный мужик. Второй — образованный, почти европеец. Первый наивен до святости и политически неразвит до невероятия. Связь монархии с „порядком“, т. е. беспорядком и неправдой, охраняющими владельцев 30 000 десятин, для него неясна. Второй — знаток политики, знающий все ходы и выходы к Витте, Трепову, Столыпину и К^о, изучавший тонкости европейских конституций. Первый — один из миллионов, которые маются всю жизнь на 3 десятинах и которых экономическая действительность толкает на массовую революционную борьбу против 30 000-чников. Второй — один из десятков — самое большее: из сотни тысяч помещиков, желающих „по-мирному“ сохранить свое „культурное хозяйство“, помазав по губам мужичка. Неужели не ясно, что первый *может* сделать буржуазную революцию в России, *уничтожить* помещичье землевладение, создать крестьянскую республику (как бы ни страшило его теперь это слово)? Неужели не ясно, что второй *не может не* тормозить борьбы масс, без которой невозможна победа революции?»

Пусть пораздумают об этом люди, которые до сих пор никак не могут понять, что это значит: „революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства“!»⁵⁰.

Выступления крестьян-трудовиков по указу 9 ноября носили открыто выраженный революционный характер.

⁴⁹ Ст. от., с. II, ч. 1, стб. 1265.

⁵⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 315.

«...Мои избиратели,— заявил А. Е. Кропотков,— мне говорили о том, что закон 9 ноября — это помещичий закон, который делает из крестьян деревенских кулаков и помещиков, а из бедняков — батраков, вечно голодных работников». Защищая общину, он говорил: имеются миллионы бедняков, «но обезземелила их не община, а обезземелили их тяжелые прямые и косвенные налоги...» Однообщинники, предупреждал Кропотков, никогда не простят вышедшим из общины и захватившим их земли, хотя бы и на основании писаного закона⁵¹.

«Ни в каком случае,— закончил свою речь Г. Е. Рожков,— никто не должен дать свой голос за такой закон, к которому нужно подгонять жизнь птыками и нагайками»⁵².

«Цель издания этого закона,— говорил И. С. Томилов,— вам известна. Он издан для того, чтобы погасить революционное движение, посеять раздор и вражду среди крестьян, посорить их между собой и тем отвлечь стремление отобрать у помещиков землю»⁵³.

Все неимущие крестьяне, заявил К. М. Петров, должны быть «наделены землей из удельных, кабинетских, монастырских, посессионных, частновладельческих и прочих земель. Все земли должны перейти в уравнительное пользование всего народа». «Указ 9 ноября, как сильно действующий болезнетворный микроб, может обнаружить несколько иные свои свойства, чем это представляют себе заправилы... При первой возможности мы будем стараться, насколько хватит наших сил, защищать трудовое население против эксплуататоров — гг. помещиков-дворян и промышленников-капиталистов»⁵⁴.

Сопоставляя речи правых крестьян с речами трудовиков, В. И. Ленин писал: если правые крестьяне «выражают революционность крестьянской массы бессознательно, стихийно, сами боясь не только договорить до конца, но даже и додумать до конца то, что из их слов и предложений следует, то трудовики в III Думе выражают дух массовой борьбы крестьян и прямо и открыто. Самые ценные при этом речи крестьян-трудовиков, которые излагают свои взгляды непосредственно, передавая с поразительной точ-

⁵¹ Ст. от., с. II, ч. 1, стб. 205, 207, 209.

⁵² Там же, стб. 221.

⁵³ Там же, стб. 410—411.

⁵⁴ Там же, стб. 567, 574.

ностью и живостью настроения и стремления масс, путаясь в программах (некоторые заявляют о сочувствии проекту 42-х крестьян, другие — кадетам), но тем сильнее выражая то, что лежит глубже всяческих программ»⁵⁵.

Общий вывод, который сделал В. И. Ленин, проанализировав речи крестьян-трудовиков, был весьма важен.

«Все трудовики-крестьяне во всех трех Думах, — подытоживал он, — высказались за национализацию всей земли, выражая это требование то прямым повторением программы трудовиков, то своеобразной переделкой „единственного налога“, то бесчисленными заявлениями: „земля тому, кто ее обрабатывает“, „мы согласны отдать наделы“ и т. д.

Жизнь насмеялась над „муниципализацией“, над криками о „Вандее“»⁵⁶.

Расхождения трудовиков с правыми крестьянами сводились, как мы видели, к двум пунктам: первые защищали общину и отвергали указ 9 ноября, вторые, наоборот, выступали против общины и за указ.

Первое расхождение было явно несущественным. Оно лишний раз подтверждало ленинскую мысль о том, что теории народничества, в которые трудовики облекали свою аграрную программу («уравнительность», «трудовое начало» и т. п.), не имели ничего общего с действительным содержанием крестьянских требований. То, что правые крестьяне выступали против общины, доказывало, что им не было никакого дела до народнического «социализма», что они жаждали стать свободными фермерами на освобожденной от всяческих феодальных, в том числе и общинных, пут земле. Трудовик, защищая общину, выступал как представитель определенной доктрины; чуждый же всяким теориям правый крестьянин стихийно (и в данном случае более правильно) выражал истинный характер стремлений миллионов крестьян.

Второе расхождение по указу 9 ноября кажется более глубоким. Но на самом деле это было не так. Правые крестьяне, как видно из их выступлений, не связывали принятие указа с решением аграрного вопроса в смысле наделения безземельных и малоземельных крестьян землей. Указ, считали они, должен быть принят сам по себе,

⁵⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 316.

⁵⁶ Там же, стр. 320.

а наделение земель должно быть осуществлено само по себе. Лучше всего эта идея была выражена в цитированных выше словах крестьянина Шевцова, заявившего, что указ 9 ноября «нужен и вовсе не нужен». О таком «параллельном» взгляде на указ свидетельствует тот факт, что правые крестьяне потребовали обсуждения проекта 42-х в самый разгар прений по указу. Борьба, которая завязалась вокруг этого требования, лучше всего доказывает, что правые крестьяне твердо считали, что настоящие аграрные законопроекты еще впереди.

Бешенство и испуг правых и октябристов по поводу этого выступления крестьян еще усилились от сознания, что им не удалось ни в первой, ни во второй сессии отвергнуть законопроект 42-х без передачи в комиссию, как того требовал Васильчиков и хотели они сами, а пришлось сообразовывать свое поведение с учетом настроений «своих» крестьян. Уже самый этот факт, как они отлично понимали, говорил о поражении политики обмана крестьянских депутатов. Указ 9 ноября не гарантировал крестьянского «успокоения», он не достигал главной цели: отвлечения внимания крестьян от помещичьих земель.

Именно этот капитальный факт сводил на нет разницу в позиции правых крестьян и трудовиков. И те и другие в конечном итоге стояли за национализацию всей земли.

От социал-демократической фракции выступили два оратора. Оба они были меньшевиками. Тем не менее позиция социал-демократии, с точки зрения большевиков, была ими изложена правильно. «Оба... товарища,— указывал В. И. Ленин,— исполнили свое дело правильно». Постановка вопроса у обоих «была революционно-социал-демократическая»⁵⁷. Более того, речь Т. О. Белоусова была основана на цифрах и выводах В. И. Ленина, взятых из его написанных к тому времени, но еще не опубликованных работ «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» и «Аграрный вопрос в России к концу XIX века»⁵⁸.

В формуле перехода фракции говорилось, что «указ 9 ноября представляет одно из звеньев дворянско-бюрократической системы решения вопросов, выдвинутых движением последнего времени», т. е. революцией 1905—

⁵⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 322.

⁵⁸ См. там же, стр. 513, прим. 130.

1907 гг. В ней отмечалось, что правительство своей аграрной политикой преследует цель «усилить и укрепить класс зажиточной сельской буржуазии, надеясь найти в ней опору в борьбе с экономическими и политическими притязаниями масс, чтобы тем сохранить господствующее положение за землевладельческим классом и бюрократией». Подчеркивалось, что «существенной целью указа 9 ноября является стремление разбить солидарность крестьян», имевшую место в период революции. Главный вывод гласил: улучшение положения десятков миллионов крестьян возможно «только при переходе земель средних и крупных землевладельцев, а также земель государственных, удельных и монастырских в руки крестьян»⁵⁹.

Слово «муниципализация» не было произнесено ни разу, и это было отнюдь не случайно. На заседаниях фракции, посвященных предстоящим выступлениям по указу 9 ноября, меньшевики настойчиво требовали, чтобы один из ораторов обязательно развил тезис о муниципальной, и добились соответствующего решения⁶⁰. Тем не менее этого сделано не было, и «виной» тому была позиция крестьянских депутатов. Выступать с «муниципализацией» при таких настроениях крестьянства, склонявшегося к национализации земли, означало поставить под удар остатки своего влияния в рабочем движении. Жизнь заставляла признать правоту аграрной программы большевиков и прятать меньшевистскую программу подальше от представителей крестьянства.

Таким образом, главный итог прений по указу 9 ноября состоял в том, что и в третьейюньский период все крестьянство в аграрном вопросе продолжало оставаться на революционно-демократических позициях.

В связи с этим В. И. Ленин писал: «Неудержимое бешенство, с которым правые нападают на революцию, на конец 1905 года, на восстания, на обе первые Думы, показывает лучше всех длинных рассуждений, что хранители самодержавия видят перед собой *живого* врага, что борьбу с революцией они не считают конченной, что возрождение революции стоит перед ними ежеминутно, как самая реальная и непосредственная угроза. С мертвым врагом так не борются. Мертвого так не ненавидят»⁶¹.

⁵⁹ Ст. от., с. II, ч. 1, стб. 1568—1569.

⁶⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 93, оп. 8, д. 42227, л. 45.

⁶¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 310—311.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Национализм. Национализм — важнейшая часть политики третьеиюньской монархии — был провозглашен уже в третьеиюньском манифесте, требовавшем, чтобы новая Дума была «русской по духу». В полном соответствии со взятым бонапартистским курсом национальная политика царизма проводилась в расчете на два большинства, и провал ее был обусловлен той же причиной, которая привела к краху политику бонапартизма в целом.

Революция 1905—1907 гг. поставила перед царизмом и буржуазией национальный вопрос как проблему предотвращения распада империи, сохранения «единой и неделимой» России. Для обоих партнеров по контрреволюции это было вопросом жизни и смерти. Для царизма империя была оправданием его существования, основой политического всевластия и монополии военной силы. Русской буржуазии, слабой и хищнической, она давала возможность расти вширь и сохранять господствующее положение по отношению к буржуазии окраин.

Еще в ходе революции все черносотенно-монархические организации борьбу с национально-освободительным движением провозгласили в качестве одной из своих основных задач. В 1906 г. возникла еженедельная газета «Окраины России», ставившая целью борьбу против «сепаратизма» окраин на началах «единства, неразрывности и це-

лостности России...» Спустя два года газета выступила инициатором создания «Русского окраинного общества», с тем чтобы предупреждать «шатания власти» в национальном вопросе, чтобы «содействовать власти держаться ясного и определенного пути»¹.

По примеру петербургского «Окраинного общества» возникли аналогичные общества и в других городах, размножались черносотенно-националистические листки и газеты — «Друг» (Кишинев), «Сусанин» (Красноярск), «Русский богатырь» (Николаев), «Южный богатырь» (Одесса), «Одесская резина»². Во главе всего реакционно-националистического фронта стояли, помимо Совета объединенного дворянства, партия националистов. Всероссийский национальный клуб, газета «Новое время».

В третьей юньский период национализм выступил в самой свирепой зоологической форме. Теоретик национализма Меньшиков категорически отрицал мысль о том, что «инородцы» такие же граждане империи, как и русские: «конечно, не такие и не должны быть такими»³. Программный лозунг национализма был предельно краток и ясен: «Россия для русских». Основные пункты программы партии националистов сводились к следующему: 1) господство православной церкви; 2) содействие боевой мощи России; 3) национальное и религиозное направление народного образования; 4) «борьба с еврейством».

Позиция октябристов в национальном вопросе почти не отличалась от позиции правых. Даже орган Струве, всячески защищавший октябристов, был вынужден признать, что при проведении в Думе националистических законопроектов октябристы были «по существу те же националисты»⁴. Одна из главных ошибок избирательного закона 11 декабря 1905 г., по мнению октябристского официоза, состояла в том, что «колонии получили те же права, что и метрополия»⁵. Разница между правыми и октябристами заключалась лишь в той реальной роли, которую они играли при осуществлении националистического курса в Думе. Первые выступали в качестве младшего партнера, вторые были подлинными хозяевами положения.

¹ «Окраины России», 1911, № 1, обложка; 1908, № 7, стр. 98.

² Там же, 1910, № 8, обложка.

³ «Новое время», 1 марта 1908 г.

⁴ «Русская мысль», 1912, № 8, стр. 21.

⁵ «Голос Москвы», 4 ноября 1907 г.

Национальная политика кадетов характеризовалась в третьейюньюнский период крутым поворотом в сторону открытого национализма и шовинизма.

В начале 1908 г. Струве опубликовал статью под названием «Великая Россия», которая была явным прообразом его будущей статьи в «Вехах». Заголовок статьи, по признанию самого автора, представлял собой заимствование из известной фразы Столыпина, брошенной им в адрес социал-демократической фракции II Думы: «Вам нужны великие потрясения, нам же нужна Великая Россия», Статья требовала возврата к активной ближневосточной политике, опирающейся на франко-русский союз и англо-русское соглашение 1907 г.⁶

В связи с этим Струве разработал свою теорию «здорового», «творческого» национализма, противопоставляемого им национализму официальному. Есть два национализма, писал он. «Один — национализм свободный, творческий и потому открытый и в подлинном и лучшем смысле завоевательный. Другой — национализм скованный, пассивный и потому вынужденный бояться других и обособляться от них. Это национализм — закрытый или замкнутый и оборонительный»⁷. Классическим примером первого национализма, которому надо подражать, Струве считал английский национализм. Главный вред официального национализма, основанного лишь на голом насилии, Струве усматривал в том, что он препятствует естественному процессу ассимиляции нерусских народов. Не поддающимися ассимиляции он считал только финнов и поляков, тем не менее делал вывод, что и Финляндия и Польша должны оставаться в составе Российской империи как ее неразрывные части.

Что же касается струвистской программы «творческого» национализма, то она была весьма кудей и полностью совпадала с официальной политикой кадетской партии. Вся она сводилась к отказу от грубо насильственных методов русификации, применяемых правыми, и к предоставлению нерусским народам права пользоваться родным языком в школе, суде и земском самоуправлении. Расхождение между Струве и прогрессистами, с одной стороны, и кадетами — с другой касалось вопросов тактики.

⁶ «Русская мысль», 1908, № 1, стр. 146.

⁷ «Слово», 14 марта 1909 г.

Основной упрек, который делал Струве руководству кадетской партии, состоял в том, что партия, из-за боязни общественного мнения, отмежеввалась от «официального национализма и тем самым добровольно отдала правым монополию на национализм. «Государственный национализм» был принесен в жертву оппозиционному либерализму. «Захват монополии патриотизма правыми группами, — писало „Слово“, — это одна из весьма и весьма тягостных ошибок, допущенных прогрессивной частью нашего общества»⁸.

Даже «Новое время» признало тон «патриотических» заявлений кадетов в связи с боснийским кризисом «в высшей степени симпатичным»⁹. А столыпинская «Россия» прямо обвиняла кадетов в том, что они объявили себя националистами, чтобы заняться «уловлением сердец» октябристов¹⁰. Их «игра в националистов» была рассчитана «на откровенную сделку с настроениями данной минуты», указывала газета, имея в виду настроения правых и октябристов.

Конечная цель политики национализма сводилась к тому, чтобы привести к полной покорности все национальные окраины и нерусские народы России, сломить у них всякую волю к борьбе за национальное равноправие. Поэтому в равной мере преследовались и угнетались народы Кавказа и Средней Азии, Поволжья и Сибири, Прибалтики и Польши, Украины и Белоруссии. Однако в ходе выполнения этой задачи на первый план по ряду причин выдвинулись три главных вопроса: финляндский, польский и еврейский. На них-то царизм и черносотенная Дума и сосредоточили основное внимание.

Поход на Финляндию. Первой жертвой воинствующего национализма была избрана Финляндия. Выбор этот был не случаен. Во-первых, царизм решил взять реванш за понесенное поражение, когда пришлось отменить все бобриковское законодательство и восстановить финляндскую конституцию. Во-вторых, Финляндия во время революции служила убежищем и базой для русских революционеров, так как действия русской полиции там были ограничены. Наконец, в-третьих, и это главное, государственная автономия

⁸ «Слово», 14 марта 1909 г.

⁹ «Новое время», 26 марта 1909 г.

¹⁰ «Россия», 28 марта 1909 г.

Финляндии с ее конституцией, всеобщим избирательным правом, экономическими успехами, достигнутыми в трудных природных и экономических условиях, была живым отрицанием Российской империи с ее методами жестокого подавления свободы народов, примером для других окраин.

В третьеиюньский период царизм решил раз и навсегда покончить с финляндской конституцией, не останавливаясь перед самыми крайними средствами вплоть до применения вооруженной силы и уничтожения финляндского сейма. В числе яростных ненавистников Финляндии был царь, требовавший от Столыпина самых решительных действий. В 1907 г. было создано так называемое Особое совещание по делам Финляндии. О значении, которое ему придавалось, можно судить уже по его составу: председателем был назначен Столыпин, членами — министры В. Н. Коковцов, П. А. Харитонов, И. Г. Щегловитов и др.

Но если во времена Н. И. Бобрикова царизм действовал, так сказать, в одиночку, то теперь ему на помощь пришла черная Дума, выдавая свою поддержку за голос страны. В 1908 г. октябристы, националисты и правые внесли в Думу запросы, адресованные председателю Совета министров, в которых доказывалось, что Финляндия во время революции готовилась путем вооруженного восстания добиться полного отделения от России и что политика сепаратизма и пренебрежения к России проводится ею и по сей день. Все три запроса были заранее согласованы со Столыпиным и должны были демонстрировать общую «тревогу» правительства и «народного представительства», вызванную политикой сбособления Финляндии, которая якобы наносит «ущерб Российскому государству»¹¹.

Столыпин выступил с ответом немедленно, не дожидаясь даже принятия запросов Думой. Позже один из главных душителей финляндской свободы, член Государственного совета В. Ф. Дейтрих, прямо заявил, что указанные «запросы были предъявлены с ведома и согласия П. А. Столыпина. Они дали ему возможность ясно и отчетливо изложить взгляд правительства на финляндский вопрос. Взгляд его на этот вопрос совпадал со взглядами Н. И. Бобрикова»¹².

¹¹ Ст. от., с. I, ч. 2, стб. 2914.

¹² «Окраины России», 1912, № 6, стр. 82.

Речь Столыпина, в которой он требовал покончить с финляндским «сепаратизмом» путем уничтожения финляндской конституции и просил для этой цели «нравственной поддержки» Думы, была встречена ее право-октябристским большинством с бурным восторгом. Марков 2-й предложил объявить Финляндии «немедленную войну» и завоевать ее. «Если целый народ,— вопил он,— нельзя заключить в сумасшедший дом..., то все же придется надеть на него смирительную рубашку». Депутатов-крестьян Марков уверял, что Финляндия достигла своих успехов не благодаря царящим там порядкам, а за счет русского народа, что она «разжирела и отъелась на русских деньгах». От имени правых он выразил полное одобрение и сочувствие намерениям правительства в отношении Финляндии. Вторя своему собрату, Пуришкевич требовал: «Пора это зазнавшееся Великое княжество Финляндское сделать таким же украшением русской короны, как Царство Казанское, Царство Астраханское, Царство Польское и Новгородская пятина, и мне кажется, что дело до этого и дойдет»¹³.

В том же духе говорили и октябристы, заверяя Столыпина, что он целиком может рассчитывать в финляндском вопросе на их поддержку¹⁴.

«Результатом запросов,— по словам того же Дейтриха,— было: перемена личного состава высшей финляндской администрации, издание правил 20 мая 1908 г., в силу которых все финляндское управление, до того фактически совершенно независимое от имперских министров, ставилось под контроль Совета министров, и, наконец, закон 17 июня 1910 г. об общегосударственном законодательстве»¹⁵. Именно этот закон был главной акцией, совершенной правительством и Думой против Финляндии в третьейюньский период. Он служил правовой основой уничтожения финляндской конституции.

Выработка законопроекта была поручена так называемой русско-финляндской комиссии, высочайше утвержденной в 1909 г. Целью его было отграничить сферу общеимперского законодательства от собственно финляндского и определить, каким путем будут разрабатываться и вноситься в русские законодательные учреждения законо-

¹³ Ст. от., с. I, ч. 2, стб. 2941; ч. 3, стб. 370—371, 373, 700.

¹⁴ Там же, ч. 2, стб. 2942.

¹⁵ «Окраины России», 1911, № 33—34, стр. 458.

проекты, касающиеся Финляндии, но имеющие общегосударственное значение. Иными словами, комиссии предстояло решить, какие области управления изъять из компетенции финляндского сейма и сделать их достоянием общеимперского законодательства.

По утвержденному царем Положению, комиссия состояла из пяти финских членов, посылаемых сеймом, и пяти русских, назначаемых верховной властью. Одинадцатым был председатель комиссии, которым был назначен государственный контролер Харитонов. Поскольку, согласно Положению, решения принимались простым большинством голосов, то участие финских членов в комиссии было простой фикцией. Решения же, которые будут приняты комиссией, можно было предугадать заранее, хотя бы потому, что более зловещих для Финляндии фигур, чем русские члены комиссии, трудно было себе представить. Все они были ярыми «бобриковцами», глава пятерки Дейтрих являлся помощником Бобрикова, и разница между ними состояла лишь в том, что Бобрикова в Финляндии убили, а Дейтриха только ранили.

Все попытки финских членов комиссии добиться компромисса, но с сохранением основных прав сейма не привели, конечно, ни к каким результатам, и русская часть комиссии в одностороннем порядке выработала законопроект, который являлся полным отрицанием финляндской конституции. Главная суть его заключалась в перечне вопросов, изымавшихся из сферы финляндского законодательства и делавшихся объектом общеимперского законодательства. Перечень содержал такие вопросы, как налоги, воинская повинность, права русских подданных, проживавших в Финляндии, государственный язык, суд, охрана государственного порядка, уголовное законодательство, школьное дело, общества, союзы, печать, таможенные тарифы, торговля, монетная система, почта, железные дороги и др. Одного взгляда на этот перечень достаточно, чтобы понять, что законопроект начисто уничтожал автономию Финляндии, а финляндский сейм превращал в обычное губернское земское собрание.

Деятельность харитоновской комиссии вызвала самое горячее одобрение со стороны всех черносотенных организаций. Очередной съезд объединенных дворян в марте 1910 г. устроил приглашенным русским членам комиссии восторженное чествование.

Законопроект об общеимперском законодательстве, касающийся Финляндии, был принят Думой и Государственным советом буквально в пожарном порядке. 14 марта 1910 г. последовал высочайший манифест о внесении законопроекта в Думу. 17 марта он уже был оглашен в Думе, а 22 марта передан в комиссию. 10 мая законопроект поступил на рассмотрение Думы и 25 мая уже был ею принят. Государственному совету, обычно такому медлительному, понадобился на этот раз всего лишь месяц, чтобы утвердить законопроект. 17 июня 1910 г. он был утвержден царем и стал законом.

Обсуждение законопроекта в Думе проходило в атмосфере дикой травли финнов. Опять были пущены в ход угрозы подавления «силой оружия», обещаны «самые беспощадные репрессии... в отношении взбунтовавшейся окраины», заявлено, что «любви чухонской нам не нужно», и т. п. Когда председатель объявил, что законопроект принят, Пуришкевич воскликнул: «*finis Finlandiae*» — конец Финляндии¹⁶.

Кадеты и прогрессисты выступали против законопроекта. Их общую точку зрения на задачи и методы империалистической и колониальной политики выразил Милюков. Напа основная опшибка, заявил он, состоит в том, что мы «действуем ассирийскими средствами», в то время как надо в пример брать Англию. «...Есть империалистская политика и политика,— воскликнул Милюков.— Та империалистская политика, которую ведет империалистская Англия, разве похожа на нашу!» «Завидно становится, когда читаешь о культурных методах английской колониальной политики», «умеющей добиваться скрепления частей цивилизованными, современными средствами»¹⁷.

Только левые депутаты заклеили законопроект с подлинно демократических позиций.

Трудовик-крестьянин Рожков в заключение своей речи воскликнул: «Мы плем наш дружеский и горячий привет финляндскому народу... и протестуем против данного законопроекта». Другой крестьянин-трудовик, Кротов, заявил: «Большинство крестьян Российской империи на своей шкуре переживают гнет правительства, и, следовательно,

¹⁶ Ст. от., с. III, ч. 4, стб. 1982, 2237, 2363, 2582.

¹⁷ Там же, стб. 2077—2078.

крестьяне не могут желать какому бы то ни было народу гнета, а тем более свободному народу финляндскому»¹⁸.

Из выступлений социал-демократов наиболее сильной была речь Покровского. «Теперь вы,— делал он свой главный вывод,— снова беретесь за финляндцев. И русский народ, и его боевой авангард, рабочий класс, еще раз подает братскую руку финляндскому народу для общего дела освобождения от политического гнета. Не здесь решится финляндский вопрос, он решится народной борьбой!»¹⁹.

В. И. Ленин посвятил законопроекту специальную статью «Поход на Финляндию». Разоблачая в ней не только царизм, но и кадетов как националистов и мнимых друзей Финляндии, а также финляндскую буржуазию, В. И. Ленин писал: «Придет время — за свободу Финляндии, за демократическую республику в России поднимется российский пролетариат»²⁰.

Сам по себе закон 17 июня 1910 г. не имел непосредственных практических последствий. Его значение состояло в том, что он являлся «законной» основой для принятия законопроектов, конкретно затрагивающих тот или иной пункт из указанных в перечне. Дума успела принять несколько таких законов (об «уравнивании» прав русских граждан, проживающих в Финляндии, с финскими, об уплате финляндской казной 20 млн. марок взамен отбывания финскими гражданами воинской повинности и др.). Правительство и Дума и на этот раз очень торопились. «Контрреволюция в России,— писал В. И. Ленин,— спешит воспользоваться полным затишьем у „себя дома“, чтобы возможно больше отнять из финляндских завоеваний»²¹.

Однако все принятые антифинляндские законы и проекты остались на бумаге. Их осуществлению помешал новый революционный подъем, достигший кульминации в 1912—1914 гг. Разразившаяся затем мировая война создала для решения финляндского вопроса уже принципиально иную ситуацию. Вторая «бобриковщина», таким образом, провалилась так же бесславно, как и первая.

Польский вопрос. Чрезвычайно важное место в политике царизма и буржуазии занимал польский вопрос. Всегда

¹⁸ Ст. от., с. III, ч. 4, стб. 2302, 2423.

¹⁹ Там же, стб. 2392.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 222.

²¹ Там же, стр. 219.

сложный и острый, он продолжал оставаться таким же и в третьейеюньский период. Помимо таких причин, как революционное и национально-освободительное движение, большую роль играла и связь польского вопроса с ближневосточной политикой и с украинским вопросом.

Активная ближневосточная политика царизма была возможна лишь под лозунгом славянского единства, возглавляемого Россией. Однако такой лозунг было трудно осуществить, когда на глазах у всего славянского мира царизм у себя дома травил и преследовал родственный славянский народ — поляков.

Третьейеюньский закон резко сократил польское представительство в Думу. При обсуждении правительственной декларации вторая речь Столыпина изобиловала резкими нападкамии в адрес поляков. С трибуны Думы и на страницах правооктябристской печати не прекращались антипольские выступления. Ненависть октябристов к полякам объясняется ненавистью московских текстильных фабрикантов к своим лодзинским конкурентам, она имела под собой, так сказать, «хлопчатобумажную основу». Правооктябристский лагерь выдвигал против польских помещиков и буржуазии два основных обвинения: стремление к автономии, как к первому шагу воссоздания польского государства, и эксплуатация и колонизация «русских», т. е. белорусских и украинских, крестьян польскими помещиками и католической церковью.

На самом деле положение было несколько иным. В период первых двух Дум польское коло действительно требовало автономии Царства Польского и внесло соответствующий законопроект в Думу. В третьейеюньский период польские помещики и буржуазия отказались от лозунга автономии и встали на путь «реальной политики», ограничив свои требования введением земства и городского самоуправления в польских губерниях, суда присяжных и польского языка в школе и выражая полную готовность тесного и лояльного сотрудничества с царизмом. Именно такую политику вело в III Думе польское коло, состоявшее в большинстве из народовцев (национал-демократическая партия), которых В. И. Ленин характеризовал как польских октябристов. Устами одного из его членов было заявлено, что автономию до времени надо «повесить на вешалку» и заняться достижением возможного. Для демонстрации такой политики коло зачастую голосовало с

октябристами против кадетов, подчеркивая, что последние для него недостаточно «солидны».

Все это создавало возможность так называемого русско-польского «примирения», которое облегчалось еще и тем обстоятельством, что внешнеполитическая линия не только октябристов, но и кадетов и прогрессистов почти совпадала с внешнеполитическим курсом царизма. Примерно с 1908 г. Милюков стал уделять огромное внимание внешнеполитическим вопросам, в частности славянской проблеме. В марте 1909 г., в связи с боснийским кризисом, он в специальном докладе подчеркнул, что «в области внешней политики наше отношение должно быть иное, чем во внутренней: менее партийное»²². В дальнейшем он не раз солидаризировался с политикой Министерства иностранных дел. В славянском вопросе Милюков требовал, с одной стороны, отказаться от всяких мешающих трезвой политике пошлых сентиментов, вроде исконной любви к «братьям-славянам», и использовать постоянный страх славян перед германской опасностью, а с другой — обосновывал необходимость нового подхода к славянской проблеме, замены грубых методов традиционного панславизма более гибкой политикой «равенства» и культурно-экономического сближения всех славянских народов.

Попытка русско-польского «примирения» была принята на базе «неославизма».

Изобретателем этого термина был чешский буржуазно-националистический деятель, депутат австрийского рейхсрата, лидер партии младочехов (партии крупной чешской буржуазии) Крамарж²³. Уже само слово «неославизм» говорит о том, что он противопоставлялся старому русскому панславизму и что Крамарж ориентировался не на Австрию, а на царскую Россию. Главная цель Крамаржа сводилась к тому, чтобы объединить в единый блок против австрийского меньшинства всех славянских депутатов рейхсрата, составлявших большинство. Славянские национальные группы в рейхсрате постоянно враждовали между собой, и именно на разжигании и использовании этой вражды базировалась национальная политика «лоскутной империи». Средство достижения своей цели Крамарж видел

²² ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 30, л. 2.

²³ В 1918—1919 гг. Крамарж был первым премьером Чехословацкой республики. Ярый враг Советской России, он занимал крайне реакционные позиции, вступил в открытый союз с фашизмом.

в русско-польском «примирении», которого нельзя было достигнуть, не учитывая интересов царизма и партий думского большинства.

Приехав в Петербург в мае 1908 г., Крамарж повел переговоры относительно возможности русско-польского «примирения». Обращался он главным образом к Столыпину, правооктябристским кругам и коло, совершенно правильно полагая, что решение дела зависит от них, а не от кадетов. Наиболее тесный контакт Крамарж поддерживал с «Клубом общественных деятелей» — организацией правооктябристского толка, возглавлявшейся членом Государственного совета Красовским. В результате переговоров в Праге с 30 июня по 5 июля 1908 г. был проведен славянский съезд, названный «предварительным». Русско-польский вопрос прямо не фигурировал на повестке дня, но в действительности он был основным. В закрытом заседании была предпринята попытка договориться. Поляки потребовали предоставления им возможности «свободного национального развития». Русская делегация, в которой преобладали правые элементы, в ответ заявила о необходимости признания поляками «русской государственности и единого русского народа», т. е. всякого отказа от идеи польской автономии в принципе.

Соглашение не состоялось. Правые и октябристы дали Пражскому съезду самую отрицательную оценку. Крамаржа называли политическим гешефтмахером и лавочником (Крамарж — по-чешски «лавочник»). Польский вопрос был объявлен исключительно внутренней компетенцией России, поляки обвинялись в австрофильстве и предательстве русских и славянских интересов.

В мае 1909 г. в Петербурге происходили совещания исполнительного комитета Пражского съезда, который снова обсуждал вопрос о русско-польском сближении. В начале 1910 г. он вновь собрался в Петербурге, с тем чтобы договориться о созыве второго славянского съезда. Его решено было провести в июне этого года в Софии. Но созыв этого второго и последнего съезда и руководство им взяло на себя, совершенно оттеснив «неославистов», «Петербургское славянское благотворительное общество», реакционная славянофильская организация, которую можно считать филиалом или секцией Совета объединенного дворянства. В польском вопросе общество занимало самые крайние русификаторские позиции. Поляки и кадеты отказались уча-

ствовать в съезде, прислав лишь наблюдателей. Русская делегация состояла в основном из националистов, но возглавлял ее Гучков. Правооктябристская пресса Софийским съездом была очень довольна. Особенный восторг встретило «историческое» решение съезда о признании общеславянским языком русского языка и решение об издании общеславянской энциклопедии, «конечно, на русском языке». «Теперь, — писал один из главных деятелей общества, — задача сводится к тому, чтобы в средних школах в славянских странах обучали русскому языку достаточно хорошо»²⁴. Съездом в Софии, писал в свою очередь орган октябристов, «кладется почин великого дела»²⁵.

Таким образом, «неославизм» завял, не успев расцвести. Польский вопрос, так же как и другие, мог решаться третьейюньской монархией только по-столыпински. На повестку дня Думы были поставлены антипольские националистические законопроекты.

Западное земство. Первым из них был законопроект о введении земства в шести губерниях Западного края: Витебской, Минской, Могилевской, Волынской, Киевской и Подольской. Особенностью этих трех западных и трех юго-западных губерний (так же как и трех северо-западных губерний — Виленской, Ковенской и Гродненской) было то, что крупное землевладение там преимущественно было польским, а крестьянская масса в большинстве состояла из белорусов и украинцев, которых, однако, правительство принципиально называло «русскими», поставив вообще вне закона слова «украинец» и «белорус». Русских помещиков в Западном крае было сравнительно мало, причем многие из них не вели там собственного хозяйства и либо сдавали свои земли в аренду, либо спекулировали ими.

Украинские и белорусские крестьяне и батраки ненавидели польских магнатов, которые веками подвергали их нещадной эксплуатации и насильственному ополчению. Этим обстоятельством и решили воспользоваться вдохновители и авторы законопроекта, чтобы превратить западные губернии в своего рода котел, кипящий националистическими страстями и заражающий ими атмосферу всей страны. Но этим задача не исчерпывалась. Дополнительная цель состояла в том, чтобы упрочить позиции и влияние

²⁴ «Славянские известия», 1910, № 5—6, стр. 405, 412, 414.

²⁵ «Голос Москвы», 26 июня 1910 г.

русских помещиков и православного духовенства среди крестьян, создав тем самым благоприятные условия для политики их русификации и борьбы с национально-освободительными устремлениями. В основном ставка здесь делалась на кулачество, которое в крае, особенно в юго-западных губерниях, стало уже весьма весомой величиной. Кроме того, введение земства позволяло покончить с монополией польского представительства в Государственный совет от западных губерний, поскольку выборы производились здесь, из-за отсутствия земства, дворянскими собраниями, а в них господствовали польские землевладельцы.

Всех этих целей нельзя было достигнуть механическим распространением на указанные губернии земского Положения 12 июня 1890 г., основанного на сословности и размерах землевладения: в таком случае преобладание в земстве получили бы польские помещики. Поэтому законопроект вносил в Положение ряд принципиальных изменений. Главные из них были следующие. Вместо сословных курий (крестьянской и помещичьей) вводились курии национальные — польская и русская (куда зачислялись все неполяки), избиравшие отдельно уездных и губернских гласных. Представительство от национальности зависело не от размеров землевладения, а фиксировалось в определенных размерах. Фиксация была построена на совершенно искусственном приеме, состоявшем в том, что брался процент численности населения данной национальности по губернии и процент ценности принадлежавшей ей земли и недвижимых имуществ, облагаемых земскими сборами, но уже в поуездном исчислении, которые затем складывались и делились пополам. Полученная цифра и составляла предельное число избираемых курией гласных. Например, польское население одной из губерний составляло 2%, а ценность польской недвижимости в одном из уездов этой губернии равнялась 38% ценности всего недвижимого имущества. После сложения и деления получалось число в 20 гласных.

Но для авторов законопроекта было неприемлемо и крестьянское большинство в земстве. Поэтому вводился пункт, согласно которому в уездные земские собрания сельские общества могли посылать не больше трети всех гласных. В губернское же земство не полагалось ни одного крестьянского гласного. Зато увеличивалось представительство православного духовенства с одного до трех в уездном

земстве и до четырех в губернском. Специальные статьи предусматривали, что председатель, не менее половины членов управ и земских служащих по найму (врачи, учителя, агрономы и др.) должны быть русскими. Евреи в земство не допускались.

Но даже такие новеллы не обеспечивали большинства русским помещикам в трех северо-западных губерниях, поэтому от первоначальной мысли о распространении земства на все девять западных губерний пришлось отказаться, оставив законопроект только для перечисленных выше шести губерний.

Все принципиальные основы законопроекта, еще до того как он был выработан Министерством внутренних дел, были изложены в специальной брошюре В. В. Шульгина, крайнего правого депутата Думы (затем националиста), выразившего взгляды помещиков юго-западных губерний, представители которых составляли костяк фракции националистов.

Законопроект о западном земстве представлял собой типичный образчик бонапартистской политики. С одной стороны, он был задуман как союз русских помещиков с украинским и белорусским крестьянством, направленный против польских помещиков, с другой — это был классовый союз русских и польских помещиков против крестьянской массы. Главная цель состояла, как уже указывалось, в разжигании национальной вражды в крае. В то же время реакционнейший по своему содержанию законопроект имел видимость крупного либерального начинания: он вводил бессословное начало в земстве и несколько увеличивал крестьянское представительство, так как Дума, наряду с некоторым увеличением числа крестьянских гласных от сельских обществ, понизила еще наполовину земельный ценз для крестьян — собственников земли, в большинстве кулаков, выбиравшихся в земство отдельно съездом мелких землевладельцев.

Выступления представителей право-октябристского большинства по законопроекту, обсуждавшемуся в Думе в мае 1910 г., вылились, как обычно, в травлю поляков, а критика его кадетами и прогрессистами исходила из того же тезиса о гибельности для великодержавной и имперской политики прямолинейного и грубо-примитивного национализма. Западное земство, кричал Марков 2-й, — это оборона против поляков, а тем, кто говорит, что такая оборона

не нужна, «может быть только один ответ: вы, сляптыи, молчите, ибо вы ничего не понимаете в государственном деле». В свою очередь кадет Родичев предупреждал: если государство ведет подобную политику, то «будьте покойны, это государство развалится». Другой тезис кадетов, как и при обсуждении финляндского законопроекта, состоял в том, что подобные законопроекты заставляют поляков (как и финнов) ориентироваться на Запад, точнее — на Германию, потенциального врага России. «Разве государственная та мера, — спрашивал прогрессист В. С. Соколов, — которая ведет к тому, что, в случае войны с соседними государствами, вы должны на окраинах выставять и держать целые корпуса для того, чтобы они не проявили враждебных отношений, чтобы они не стали на сторону того врага, который нападает на наше отечество?»²⁶

Польское коло, разумеется, выступало против законопроекта, но не с демократических, а с реакционно-националистических позиций, апеллируя к чувству классовой солидарности правых и октябристов и уверяя их в своей верности царю и империи. Напомнив им о совместной борьбе русских и польских помещиков против революционного движения в крае в 1905 г., один из членов коло заявил: «...Если бы вы вместо вашего узкого национализма поставили русский государственный национализм, то, поверьте, что инородцы не хуже вас защищали бы и силу, и мощь, и единство русского государства...»²⁷ Конкретно требования коло сводились к тому, чтобы на западные губернии было распространено земское Положение 12 июня 1890 г. в его чистом виде. Иначе говоря, оно требовало прежде всего уничтожения национальных курий и фиксации гласных.

Чрезвычайно показательной была позиция депутатов-крестьян от западных губерний. Все они высказались за законопроект, но потребовали увеличения крестьянского представительства, обрушившись с упреками в адрес правых. Крестьянин С. О. Галушак внес поправку, увеличивавшую число гласных-крестьян до половины их общего числа. Она была горячо поддержана всеми правыми крестьянами. Ценой угроз и обмана правым удалось провалить эту поправку. Тем не менее и здесь

²⁶ Ст. от., с. III, ч. 4, стб. 918, 1109, 836.

²⁷ Там же, стб. 1130.

лишний раз правые крестьянские депутаты продемонстрировали свою ненависть и недоверие не только к польскому, но и к русскому помещику.

Крестьяне-трудовики резко критиковали законопроект и сурово осуждали правых крестьян, которые, выступая заодно с помещиками, предают интересы крестьянства ²⁸.

Сильную речь с интернационалистских позиций произнес Покровский. «Мы, социалисты,— заявил он,— работаем со всей демократией без различия национальностей и исповеданий, будь то грузин, армянин, поляк или еврей», одинаково разоблачая ее врагов, будь они русские или поляки. Польское дворянство, как и русское, «является типичным противником демократии». Пусть Столыпин выполняет свою историческую миссию. Травя «инородцев», он достигает лишь одного: восстанавливает русский народ против русского самодержавия ²⁹.

Дума приняла законопроект с незначительными поправками, но в марте 1911 г., о чем еще речь впереди, он был отвергнут Государственным советом. В связи с этим Столыпин был вынужден провести его по 87-й статье, и только таким чрезвычайным путем его удалось сделать законом.

Городское самоуправление. Законопроект о введении Городового положения 1892 г. в городах Царства Польского не имел самостоятельного значения, а представлял собой маневр царизма и Думы, связанный с отделением Холмщины от Польши. Кроме того, он вызывался и практической необходимостью.

Многолетнее хозяйничанье магистратов, управляемых чиновниками, привело польские города в такое состояние, что даже русская администрация края пришла к выводу о нетерпимости создавшегося положения. Ревизия сенатора Д. Б. Нейдгардта, родственника Столыпина и одного из руководителей Совета объединенного дворянства, вынуждена была констатировать, что средства городов всюду разворовывались, а городское хозяйство пришло в полный упадок. Все это заставило правительство еще задолго до III Думы признать необходимым распространить Городовое положение и на польские города.

²⁸ Ст. от., с. III, ч. 4, стб. 1378, 1496.

²⁹ Там же, стб. 1094—1095, 1101—1102.

По законопроекту Городовое положение 1892 г. распространялось на Польшу с некоторым понижением имущественного ценза и другими ничтожными либеральными изменениями. Это дало основание националистам лицемерно заявить, что законопроект «составит новую эру в жизни и развитии городов» и что русские города будут завидовать городам Царства Польского³⁰. О подлинной же «либеральности» законопроекта позволяет судить статья, дававшая право правительству распускать городские думы, если они «не окажутся на высоте своего призвания». Под такую статью можно было, разумеется, подвести все что угодно. Другая статья разрешала Совету министров вообще отменять Городовое положение в Царстве Польском на срок в два года в случае внутренних волнений или войны.

Однако главная суть этого законопроекта, как и законопроекта о западном земстве, заключалась в статьях о национальных куриях и фиксации гласных. Разница была лишь та, что вместо двух курий вводились три — польская, еврейская и русская, причем важнейшая роль на этот раз принадлежала польской курии. Русская курия была введена только для того, чтобы обеспечить представительство русского чиновничества в крае. Теперь в жертву польской буржуазии приносились права буржуазии еврейской. В городах, где евреев было больше 50 %, им разрешалось избирать не более 20 % гласных, до половины — 10 % и т. д.

Другая новелла, маловажная сама по себе, но имевшая известное принципиальное значение, разрешала, хотя и в очень ограниченных пределах, пользоваться польским языком. Вся переписка и делопроизводство будущего городского самоуправления должны были, конечно, вестись на русском языке. Но на польском языке разрешалось вести прения и печатать объявления и извещения. Такое отступление от принципа диктовалось тем, что в противном случае городское самоуправление из-за незнания большинством гласных русского языка вообще не могло бы функционировать. Курии и язык и были той ловушкой, которую правительство и Дума приготовили для коло. Но это была ловушка особого рода, которую все видели, в том числе, конечно, и коло, но тем не менее сознательно «ловились» в нее. В связи с тем, что в результате предварительных

³⁰ Ст. от., с. V, ч. 1, стб. 2432—2433.

переговоров коло согласилось принять законопроект без всяких изменений и дополнений, обсуждение его в Думе превращалось в пустую формальность. И действительно, он был принят в течение трех заседаний в ноябре — декабре 1911 г. и затем передан в Государственный совет. «Говорить, собственно, не о чем», — выразил суть дела октябристский оратор³¹. Но кадеты и прогрессисты решили, что говорить есть о чем, и именно их полемика с коло и представляет интерес.

Основной упрек их полякам сводился к тому, что последние лишают себя морально-политического права возражать с позиций угнетаемой нации против ожидавшегося законопроекта о выделении Холмщины, так как они, соглашаясь на курии, выступают сами в качестве угнетателей другой национальности. Поэтому коло должно отказаться от курий и присоединиться к главной кадетско-прогрессистской поправке, заменяющей курии пропорциональным представительством от каждой национальности. Все это делалось в очень мягкой форме, с оговорками, уговариваниями и пр. Не сделать этого либералы не могли, потому что позиция коло выбивала почву из-под ног у них самих как противников законопроекта о Холмщине и глашатаев необходимости «либеральной» национальной политики, выдававших коло за подлинного представителя народа.

«Деликатные» старания кадетов и прогрессистов были вознаграждены по заслугам. Под аплодисменты и крики «браво!» правых и октябристов оратор коло заявил, что «в настоящий момент вводить самоуправление в наших городах без ограничения для евреев было бы совершенно немыслимым»³². Другой оратор ответил кадетам еще более презрительно: «Мы решительно не нуждаемся в уроках с чьей бы то ни было стороны, как нам защищать интересы польского народа»³³. К этому надо прибавить, что позицию коло поддержала большая часть польской помещичье-буржуазной прессы, а лидер народовцев Р. Дмовский потребовал ревизии отношения к кадетам, так как, мол, эта партия еврейская, чем привел в неистовый восторг «Новое время» и газету Пуришкевича «Земщину».

Но и польская буржуазия получила то, что она заслуживала. Государственный совет после долгой волокиты в

³¹ Ст. от., с. V, ч. 1, стб. 2487.

³² Там же, стб. 2499—2500.

³³ Там же, стб. 2855.

апреле 1913 г. принял законопроект о введении Городового положения в Царстве Польском с такими изменениями, что это было равносильно его полному отвержению: польский язык из делопроизводства проектируемого городского самоуправления был вытравлен начисто. Кампанию против законопроекта подняли В. И. Гурко и А. С. Стишинский, превратив вопрос о польском языке в вопрос принципа. Законопроект, указывал Стишинский, создает опасный прецедент, и может настать такая пора, когда в местном самоуправлении «зазвучат речи» на грузинском, эстонском, латышском, татарском, мордовском «и других... инородческих языках...». Такая перспектива приводила одного из «зубров» Совета объединенного дворянства в неопишуемый ужас, так как «в конечном результате» она может «привести к разрушению Российской державу». Обращаясь к полякам, Гурко с издевательством говорил: «Вы не знаете русского языка? Что же поделать, подождем! Научитесь, и тогда мы можем вам предоставить те права в отношении государственных дел, которые мы предоставляем коренным русским подданным»³⁴.

Протесты варшавского генерал-губернатора Г. А. Скалона в записке на имя царя не помогли. В 1914 г., в связи с балканскими событиями, был вынужден вмешаться в это дело министр иностранных дел С. Д. Сазонов. В записке царю он доказывал, что позиция Государственного совета ведет к тому, что Россия теряет симпатии балканских славян и, наоборот, повышает среди них и особенно у поляков акции Австро-Венгрии. В условиях крайнего обострения отношений с последней подобная антипольская политика, указывал Сазонов, выглядит крайне недальновидной и чреватой серьезными последствиями³⁵. Но и это не возымело нужного действия. Соглашения между Государственным советом и Думой достигнуто не было, и законопроект о введении Городового положения в Царстве Польском пал.

5 июня 1914 г. последовал высочайший рескрипт на имя председателя Совета министров И. Л. Горемыкина с требованием вторично внести законопроект в Думу. Но рескрипт опоздал: началась мировая война. Борьба с Австро-Венгрией за польское «общественное мнение» во время войны привела правительство к необходимости новых пе-

³⁴ Гос. совет. Ст. от., с. VIII, стб. 1390, 1396, 1411.

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 5, д. 44, лл. 478—480 об.

переговоров с поляками с обещанием ввести самоуправление, но до самого крушения царизма эти переговоры остались совершенно бесплодными.

Холмщина. Сущность законопроекта «О выделении из состава губерний Царства Польского восточных частей Люблинской и Седлецкой губерний с образованием из них особой Холмской губернии», как уже видно из самого заголовка, была очень проста. Несколько восточных уездов указанных польских губерний, населенных преимущественно крестьянами-украинцами, выделялись в особую губернию, которая превращалась во внутреннюю русскую губернию. Седлецкая губерния упразднялась, оставшаяся ее часть передавалась Люблинской губернии, а один уезд — Ломжинской. Обсуждение законопроекта Дума начала 25 ноября 1911 г., а приняла его 26 апреля 1912 г. 4 мая он был передан в Государственный совет, а 23 июня 1912 г. был утвержден царем и стал законом.

Ни один законопроект не вызвал такой бешеной националистической свистопляски, как этот. Холмский вопрос не сходил со страниц газет и журналов, вызвал к жизни целую литературу исторических и статистических изысканий, породил поток писем, речей, записок, проектов, демонстраций, проповедей с церковного амвона и т. п. Черносотенцы вопили о полонизации «русского» края, коло истошно кричало о «четвертом разделе» Польши, украинские националисты во главе с М. С. Грушевским объявляли Холмщину колыбелью «украинства».

Во главе всей затеи с Холмщиной стоял депутат III Думы и признанный глава всего думского духовенства, епископ люблинский и холмский Евлогий, умный, энергичный и беззастенчивый демагог, одна из самых злобных фигур воинствующего национализма. Его цитаделью и штабом было возглавляемое им «Холмское православное св. Богородицкое братство», членами которого состояли не только местные попы и «русские» деятели типа нововременского публициста Филевича, субъекта еще более низкого, чем его собрат Меньшиков, но и министры, члены Государственного совета, сановники, губернаторы и пр. Братству лично покровительствовал царь. Именно из недр братства вышел холмский законопроект, оттуда посылались в Петербург соответствующие «депутации» и ходатайства, велась яростная антипольская пропаганда среди местного населения за выделение Холмщины. По прямому поручению

братства профессор Варшавского университета, ярый по-лонофоб В. И. Францев выпустил книгу под названием «Карты русского православного населения Холмской Руси», где рядом статистических выкладок доказывал, что большинство населения уездов, из которых проектировалась Холмская губерния,— «русское».

Не меньшую активность проявили и польские помещичье-буржуазные партии и организации, причем не только в Царстве Польском, но и в Галиции. В ответ на книгу Францева была издана книга С. Дзевульского «Статистика населения Люблинской и Седлецкой губерний по поводу проекта образования Холмской губернии», приводившая совершенно другие цифры, из которых, конечно, явствовало, что большинство населения, подлежащего выделению,— польское. Со специальными книгами выступили также лидер партии народовцев Р. Дмовский и руководитель кола Л. К. Дымша. В Галиции было организовано несколько демонстраций, создан «Вечевой холмский комитет» и т. д. Поляки просили заступничества у министра иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталя. В Варшаве был создан так называемый «Комитет национального траура», обратившийся к населению с призывом носить на рукаве траурную повязку, и т. д.

В свою очередь Грушевский требовал выделения Холмщины, видя в этом «наименьшее зло», но предлагал идти значительно дальше, чем Дума, а именно начать ломку установившихся в крае экономических и правовых отношений, не откладывая это дело на будущее, как планировало царское правительство.

Такая ожесточенность спора во многом объясняется историей холмского вопроса, уходящего своими корнями в глубину столетий. В течение нескольких веков население края подвергалось жестокой эксплуатации со стороны польских панов и не менее жестокому окатоличиванию и ополячению. Огромную роль здесь сыграла Брестская уния 1596 г., заменившая православную церковь греко-униатской. Суть этой церковной реформы сводилась к тому, что вероучение исповедовалось католическое с признанием главенства папы, а обрядность оставалась православной и церковная служба велась на церковно-славянском языке. Однако в дальнейшем и обрядовая сторона подверглась известным изменениям в сторону католицизма. Столетия сделали свое дело, и население привыкло считать новую

церковь истинной верой своих отцов. В то же время оно противопоставило греко-униатскую церковь как оплот и щит против натиска католицизма и сумело отстоять свой язык, национальность и культуру.

После того как Холмщина вошла в состав России, начался обратный процесс — процесс столь же жестокого насильственного обрусения, выразившийся в первую очередь в наступлении на греко-униатскую церковь. В 1875 г. это наступление окончилось «добровольным воссоединением» униатской церкви с православной, т. е. насильственным обращением греко-униатского населения в православие. В результате через год после воссоединения число «упорствующих», как стали официально именоваться отказывавшиеся признать православие, достигло 120 тыс. человек — четверти всех «воссоединенных». «Упорствующие» отказывались вступать в брак, крестить и хоронить по православному обряду. В ответ последовали закрытие униатских церквей, высылка без срока («до тех пор, пока не раскаются»), насильственное разлучение супругов, систематические крупные штрафы, ведущие к массовой распродаже крестьянского имущества за бесценок с аукциона, и т. д. и т. п.

Спустя 30 лет пришла расплата. После издания указа 17 апреля 1905 г. о веротерпимости за два года около 200 тыс. человек в Холмщине перешло из православия в католичество. «Удержать» в православии, по официальному выражению, удалось 300 тыс. человек. То, что не могли сделать века католического натиска, сделал царизм в течение нескольких десятилетий. Позор для царизма был велик и несмываем, и законопроект о Холмщине был порождением слепой ярости и жажды мести.

Об этом свидетельствует также практическая бессмысленность законопроекта. Новый губернский центр, г. Холм, представлял собой в то время захудалый городишко с 17 тыс. жителей, из которых 7 тыс. были евреи, 4 тыс. являлись католиками и только 6 тыс. было «русских», т. е. православных украинцев. Жители северной части Холмской губернии могли попасть в Холм только через Люблин или Седлец. Но главное состояло в том, что в создании новой административной единицы не было никакой необходимости. Это были вынуждены признать даже крайние правые. Марков 2-й заявил, что законопроект о выделении Холмщины «не законопроект, а обложка к законопроекту»,

который «свидетельствует о нищенстве законодательной мысли». Его следует принять «без особой реальной надобности» лишь для того, чтобы разрушить у поляков всякую надежду на возможность «воскресения» самостоятельного польского государства ³⁶.

Главный козырь, который использовали националисты против коло, был тот, о котором предупреждали его кадеты. Поляки, с злорадным торжеством говорил Евлогий под аплодисменты справа, ссылаются на манифест 17 октября, «но вы помните, что вчера еще от имени польского коло депутатом Яронским было заявлено, что евреям равноправия в области городского самоуправления отнюдь давать не следует с точки зрения польского коло». «Когда касается других, они не прочь согнуть в бараний рог не только еврея, но и русского мужика» ³⁷.

Официальных доводов правительства и право-октябристского большинства в пользу выделения Холмщины было два. Первый довод — «русское» большинство края. В доказательство брался не вероисповедный, а этнографический признак: католик, если он был украинцем, объявлялся русским. Поляки, естественно, приняли обратный принцип — вероисповедный, который давал «польское» большинство. Второй довод мотивировался желанием правительства и Думы ввести в Царстве Польском городское и земское самоуправление. Поскольку это самоуправление будет польским, надо заранее высвободить из-под его опеки и влияния «русское» население, в противном случае оно окончательно ополячится. Иначе говоря, полякам предлагали отдать Холмщину в обмен на обещание будущего польского земства.

Коло избрало в качестве средства защиты все ту же обанкротившуюся тактику, сводившуюся к уверениям, что выделение Холмщины наносит вред прежде всего русским государственным интересам. В частности, заявляло оно, националистическая пропаганда в крае основывается на аграрной демагогии, на обещании, что православные крестьяне получают землю. Конечный результат будет обратный ожидаемому — православная церковь в глазах населения будет окончательно дискредитирована. В то же время ораторы коло грозили тем, что «польское общественное

³⁶ Ст. от., с. V, ч. 2, стб. 319, 321.

³⁷ Там же, ч. 1, стб. 2652.

мнение никогда не примирится» с покушением на территориальную целостность Царства Польского и что такая политика приведет к «расширению пропасти» между двумя нациями, к обострению русско-польских отношений³⁸.

Примерно те же доводы выставляли кадеты. «Ваши меры, если они будут приняты и станут законом,— убеждал Родичев,— доведут до другого, они создадут ополчение края...». Смотрите, грозил он в другом месте, чтобы русская политика поощрения православия не принесла таких же плодов в Холмщине, какие она принесла в 1905 г. в Латвии. Более того, «если в Холмском крае возникнет простонародное национальное движение против польских землевладельцев, оно пойдет под другим флагом, оно пойдет под флагом украинства»³⁹.

Вместе с тем кадеты вынуждены были признать полное банкротство национальной политики Думы, что было одновременно и признанием провала собственной политики. «Мы находимся теперь в состоянии такого произвола и беззакония,— говорил В. А. Маклаков,— что нужна фанатическая вера в силу представительных учреждений, чтобы не сказать теперь, через пять лет, что лучше жилось при прежнем режиме, чем живет теперь». III Дума кончает свою деятельность, «никого не успокоив», и «мы кончаем хуже разделенными на партии, нежели начали»⁴⁰. Эта оценка полностью соответствовала действительности.

В заявлении трудовиков законопроект расценивался как «акт грубого лицемерия», истинная цель которого состоит в том, чтобы «возбуждением национальной и религиозной розни отвлечь внимание (народа.— А. А.) от его действительных нужд...»⁴¹.

Позиция социал-демократической фракции была идентична той, которую она изложила при обсуждении законопроекта о западном земстве. «Русский национализм,— указывал социал-демократический оратор,— к народу русскому, к демократическим массам относится со всей ненавистью, как и ко всей демократии — будь она русской, великороссийской, малороссийской, польской, литовской и еврейской». Разоблачая политику заигрывания и торга с

³⁸ Ст. от., с. V, ч. 1, стб. 2636—2649.

³⁹ Там же, стб. 3161, 3165, 3169.

⁴⁰ Там же, ч. 2, стб. 657.

⁴¹ Там же, стб. 609—610.

царизмом польского коло, он отмечал, что коло «защищает не интересы края и польского народа, а свои групповые интересы, интересы дворянства и польской буржуазии» ⁴².

Главное правление СДПиЛ еще задолго до обсуждения законопроекта в Думе приняло специальную резолюцию по вопросу о выделении Холмщины, которая «клеймила» коло и народовцев, пригвождая их вместе со Столыпиным «к позорному столбу», и полностью совпадала с позицией русской революционной социал-демократии ⁴³⁻⁴⁴.

Антисемитизм. Антисемитизм в третьейиюньский период достиг чудовищных размеров.

Газеты были полны сообщениями о массовых выселениях евреев из Киева, Смоленска, Чернигова, Гомеля, Полтавы и других городов. Евреям запрещали проживать в дачных местностях и на курортах Крыма и Кавказа, передвигаться по железным дорогам и т. п. В Москве у родителей-евреев отняли трех детей 4, 8 и 10 лет, чтобы выслать их из города, как не имеющих права жительства. Скульптору Аронсону, приехавшему из Парижа по специальному приглашению принять участие в конкурсе на памятник Александру II, было предложено покинуть Петербург в 24 часа ⁴⁵. Устраивались облавы не только в городах, но и в лесах, куда евреи скрывались, спасаясь от выселений. Газеты пестрели заголовками: «Киевские облавы» ⁴⁶, «Охота на евреев», «Преследование евреев», «Еврейский вопрос в Сенате», «Выселение евреев из Черниговской губернии» ⁴⁷ и т. п. Правительство приняло меры по «урегулировке» процентной нормы, т. е. по дальнейшему ограничению приема евреев в школы и университеты.

Последовал ряд постановлений, пересматривавших прежние циркуляры о праве отдельных евреев проживать вне черты еврейской оседлости, заниматься торговлей, промыслами и т. п. Все эти мероприятия разворачивались на фоне не прекращавшейся ни на один день оголтелой антисемитской травли со стороны черносотенной прессы и правых депутатов.

⁴² Ст. от., с. V, ч. 2, ст. 234, 247.

⁴³⁻⁴⁴ «Социал-демократ», 8 августа 1909 г.

⁴⁵ «Речь», 10 апреля 1910 г. и 14 февраля 1909 г.

⁴⁶ «Слово», 22 апреля 1909 г.; «Речь», 30 сентября 1910 г.

⁴⁷ «Речь», 9 июня, 29 июля, 3 сентября 1910 г. и 14 февраля 1911 г.

Антисемитизм был давним орудием политики царизма, спекулировавшего на темноте и невежестве масс, на предвзятых и предубеждениях, искусно подогреваемых в течение десятилетий черносотенной печатью и православной церковью. Одним из важнейших источников антисемитизма было само антиеврейское законодательство. Всем своим содержанием, по признанию директора департамента полиции П. Г. Курлова, оно «оказывало отвратительное влияние на власти и создавало среди коренного населения враждебное настроение против евреев и ненависть к ним...»⁴⁸. Искусственное сосредоточение основной массы еврейского населения в так называемой черте еврейской оседлости (западные губернии), запрещение заниматься сельским хозяйством, состоять на государственной службе, избираться в земство и т. п., приводили к тому, что для крестьянства и мелкой буржуазии еврей чаще всего ассоциировался с отвратительными фигурами шинкаря, скупщика хлеба, ростовщика и других подобных хищников. Даже ужасающую нищету еврейских местечек, обусловленную скученностью и отсутствием объектов приложения труда, черносотенцы умудрялись объяснить прирожденным еврейским паразитизмом, нежеланием заниматься ничем, кроме торговли и эксплуатации русского народа.

Антисемитизм в третьеиюньский период стал не только выражением, но и одной из причин, ускоривших и углублявших кризис «верхов», разложение царизма в целом.

По мере того как обнаруживался провал «конституционного» развития страны и столыпинского «обновления» деревни, антисемитизм в глазах черносотенцев становился главным орудием в борьбе с надвигавшейся революцией, и отсутствие ожидаемого эффекта они объясняли исключительно недостаточностью антисемитской политики правительства. В связи с этим обвинение того или иного министра черносотенными газетами в покровительстве евреям использовалось как средство давления на правительство. В условиях нараставшего кризиса «верхов» подобное обвинение было равносильно концу политической карьеры, и каждый министр готов был на все, лишь бы не допустить в свой адрес подобного упрека, которого ни один из них в действительности совершенно не заслуживал.

⁴⁸ А. С. Тагер. Царская Россия и дело Бейлиса. М., 1934, стр. 45.

Сам царь был ярым и активным антисемитом, покровителем погромщиков. «Я знаю,— говорил он одному из руководителей „Союза русского народа“,— что русские суды относятся к участникам погрома с излишней строгостью. Даю вам мое царское слово, что буду всегда исправлять их приговоры по просьбам дорогого мне Союза русского народа». И царь был верен своему слову. Характерно, что в отличие от других «всепоподданнейших докладов» министра юстиции И. Г. Щегловитова, печатавшихся на пишущей машинке, доклады о помиловании погромщиков были заранее напечатаны на типографских бланках, куда вписывались очередные имена и где раз и навсегда были сформулированы мотивы помилования: «крайнее невежество, безупречное прошлое и раздражение, обусловленное укorenившейся в простонародье враждой к евреям, коих оно считало главными виновниками происходившей в России смуты»⁴⁹.

Дело Бейлиса. Кульминацией непрекращавшейся антисемитской кампании было знаменитое «дело Бейлиса».

В марте 1911 г. в Киеве был убит 12-летний мальчик Андрей Ющинский. Полиция очень скоро напала на след и точно установила место убийства и самих убийц. Ими оказалась шайка воров, группировавшихся вокруг содержательницы притона Веры Чеберяк, на квартире которой и было совершено убийство. Ющинский дружил с ее сыном, был частым гостем в ее квартире и, следовательно, постоянным свидетелем творившихся там дел. Во время ссоры с товарищем он пригрозил ему разоблачением. В тот же день Андрей Ющинский был убит, причем несчастному мальчику было нанесено множество колотых ран. В дело вмешались черносотенные организации и думские правые, особенно Марков 2-й, Замысловский и Шмаков. Они заявили, что убийство было совершено евреями с ритуальной целью — добыть кровь христианского мальчика, чтобы подмешать ее в тесто, из которого выпекаются пресные лепешки, именуемые мацой и употребляемые евреями на пасху. Черносотенцы потребовали от правительства найти «настоящих» убийц.

Казалось невероятным, чтобы в начале XX в. правительство, какое бы оно ни было, вынужденное по своему положению хоть как-то считаться с общественным мнением

⁴⁹ А. С. Тагер. Указ. соч., стр. 47.

внутри страны и за границей, притом точно зная подлинных убийц, могло пойти на такой шаг. Почти за сто лет до этого Александр I запретил обвинять евреев в ритуальных убийствах, объявив эти обвинения ни на чем не основанным средневековым предрассудком. Но последний самодержец уже не мог позволить себе подобной цивилизованности.

С ведома Николая II и при его полной поддержке правительство в лице Щегловитова приняло ритуальную версию, и вместо истинных убийц на скамью подсудимых был посажен некий Мендель Бейлис, приказчик кирпичного завсда, вблизи которого был найден труп убитого мальчика. Бейлис провел два с половиной года в тюрьме, прежде чем осенью 1913 г. предстал перед судом. Методы следствия могли сравняться только с той кампанией, которую развернули черносотенцы вокруг этого дела. Логика взятого курса заставила прокуратуру и следствие не только покрыть убийц, но и вступить с ними в прямой контакт, советуя, что говорить и как поступать в том или ином случае. Когда Вера Чеберяк, опасаясь, что ее могут выдать собственные дети, убила сына и дочь, было признано, что они умерли от дизентерии. Медицинская экспертиза трупа Ющинского, в свою очередь, была сфальсифицирована самым грубым образом. Начальник киевского сыскного отделения и детектив, считавшийся одним из лучших в России, установившие убийц и не согласившиеся признать убийцей Бейлиса, были отданы под суд. Был подобран специальный состав присяжных. Прокурор, доносил во время процесса командированный в Киев чиновник департамента полиции своему шефу Белецкому, «сумел отвести из присяжных заседателей всю интеллигенцию..., состав заседателей — все сплошь в свитках и косоворотках..., и серый состав присяжных может обвинить ввиду племенной вражды»⁵⁰.

Но этой по сути дела единственной надежде, которую питали Щегловитов и прокурор Киевской судебной палаты Чаплинский — одна из главных фигур в организации ритуального процесса, не суждено было сбыться. «Серые» крестьяне-присяжные оказались намного выше тех, кто рассчитывал на их темноту и антисемитские предрассудки. Они оправдали Бейлиса. Провал процесса был крупным морально-политическим поражением царизма.

⁵⁰ А. С. Тагер. Указ. соч., стр. 276—277.

Главная цель, преследовавшаяся процессом Бейлиса, состояла в том, что он должен был послужить поводом для разгрома революционного движения, которое усиливалось с каждым днем. Официальная и черносотенная пропаганда доказывала, что это движение — исключительно дело рук евреев, якобы получавших деньги и указания от некоей международной еврейской организации, необычайно могущественной и коварной. Осуждение Бейлиса должно было стать сигналом к массовым еврейским погромам, а последние, создав атмосферу всеобщего националистического угара, облегчили бы тем самым и разгром революционных сил.

Правая печать прямо говорила об этом. «Социал-демократию и еврейство,— писал Меньшиков,— Россия должна взять в железо: это обязанность ее правительства, об этом нравственный крик ее населения». А. Н. Хвостов, депутат IV Думы и лидер фракции правых, еще в ходе процесса, будучи уверен в осуждении Бейлиса, заявил одному из корреспондентов: «После дела Бейлиса революционные выступления в России станут невозможными по крайней мере в течение трех лет»⁵¹.

Дело Бейлиса доказало с необычайной очевидностью, что решительная борьба с антисемитизмом возможна только на путях подлинного демократизма. Кадеты, кичившиеся тем, что они настоящие просвещенные «европейцы», не выдержали «испытания антисемитизмом», лишний раз продемонстрировав, что они были поддельными демократами. Так, по мнению Струве, в отношении евреев следовало встать на позицию «асемитизма». Это слово означало у Струве своеобразный остракизм, отказ от общения с евреями или, как он объяснял, «культурное отталкивание», которое он предлагал взамен грубого и дикого, «неевропейского» антисемитизма.

Взгляды Струве подверглись критике со стороны официального руководства партии за грубую прямолинейность. Но сторонников Струве в кадетской партии было весьма много. Об этом свидетельствует дневник члена ЦК партии А. В. Тырковой. «Разговоры о национализме, — записывала она, например, 17 января 1910 г., — лезут со всех сторон. По-видимому, это крепче разрастается среди радикалов (читай: либералов. — А. А.)... Гредескул, Э. Гримм, Д. Д. Про-

⁵¹ «Речь», 8 сентября и 16 октября 1911 г.

топопов... все говорили, что нельзя терпеть, что кроме „еврейской“ „Речи“ ничего у нас нет. Только Родичев и Д. Grimm были против нас»⁵². Открытая неприязнь к евреям, жалобы на то, что они всех «одолели» и все «заполонили», как в партии, так и в общественной жизни, пронизывают дневник за все годы реакции и мировой войны и являются отражением подлинных настроений кадетской верхушки.

Кадеты выступили против осуждения Бейлиса. Видный деятель партии В. А. Маклаков, участвуя в процессе и будучи первоклассным адвокатом, сыграл значительную роль в его провале. Но эта позиция была обусловлена в еще большей степени теми же причинами, которые заставляли кадетов выступать против политики правительства в финляндском и польском вопросах. Защищая Бейлиса, кадеты спасали царскую монархию. Это откровенно признал сам Маклаков после процесса в статье с характерным названием «Спасительное предупреждение», в которой он писал, что «страшно думать, к чему привела бы эта невозможная и ненужная» затея с ритуальным убийством⁵³.

Все расчеты реакции на процесс Бейлиса полностью провалились. Наоборот, он способствовал отмежеванию в гигантских масштабах всего, что было в народе честного, разумного и человеческого, от режима, который позорил страну, пробуждению политического сознания широких демократических слоев.

«Дело Бейлиса,— свидетельствовал народнический журнал,— отодвинуло все внутренние и внешние дела России. Обыватель, развертывая газету, искал глазами... прежде всего известий о деле Бейлиса. По-видимому, русские граждане поняли, наконец, что еврейский вопрос не только еврейский, но и общерусский..., поняли..., какую бессудную, дикую, темную Россию готовит национализм для русских...». Октябристский «Голос Москвы» даже считал, впадая в явное преувеличение, что по степени нервного потрясения месяц процесса Бейлиса превзошел октябрьские дни 1905 г., убийство Столыпина, другие погромные процессы и сами погромы⁵⁴.

⁵² ЦГАОР СССР, ф. 629, оп. 1, д. 16, л. 43 об.

⁵³ А. С. Тагер. Указ. соч., стр. 206; «Русская мысль», 1913, № 11, ч. 2, стр. 136, 137, 141.

⁵⁴ А. С. Тагер. Указ. соч., стр. 206, 205.

На книжном рынке появился ряд исследований, посвященных разоблачению ритуальных наветов на евреев. Медицинские общества и журналы протестовали против фальсифицированной медицинской экспертизы. Весной 1913 г. осудил ее в специальной резолюции XII Всероссийский пиროговский съезд врачей. Осенью того же года последовало осуждение со стороны Харьковского медицинского общества, за что оно было закрыто. Та же судьба постигла Тверское, Вологодское и другие медицинские общества.

Дело Бейлиса нашло широчайший международный отклик. Вместе с русскими медиками выразили свой протест проходившие осенью 1913 г. международный медицинский съезд в Лондоне и 86-й съезд немецких естествоиспытателей и врачей в Вене. На митингах протеста, прокатившихся по странам Западной Европы, с гневными речами выступали крупнейшие представители науки и культуры — Анатоль Франс, Ланжевен, Олар, Сеньобос и др. Протестовали немцы, англичане, чехи, канадцы ⁵⁵.

Наиболее последовательными и непримиримыми врагами антисемитизма показали себя рабочий класс и его партия. «Взрывом негодования, — писала «Правда», — было оно (дело Бейлиса. — А. А.) встречено во всем цивилизованном мире, и пролетариат России был в первых рядах тех, кто поднял свой голос на защиту попорченной чести русского народа» ⁵⁶. Забастовки протеста против суда над Бейлисом прошли в Петербурге, Казани, Саратове, Харькове, Юзовке, Одессе и особенно в западных городах — Киеве, Варшаве, Гродно, Брест-Литовске, Белостоке, Бердичеве, Минске, Двинске, Ревеле, Смоленске, Могилеве, Пинске, Вильно, Витебске, Бобруйске и др. ⁵⁷

«Дело Бейлиса, — писал В. И. Ленин, — еще и еще раз обратило внимание всего цивилизованного мира на Россию, раскрыв позорные порядки, которые царят у нас. Ничего похожего на законность в России нет и следа» ⁵⁸. Весной 1914 г. большевистская фракция приняла решение внести в Думу законопроект, который был назван: «Проект закона об отмене всех ограничений прав евреев и всех вообще

⁵⁵ А. С. Тагер. Указ. соч., стр. 176, 178, 179, 180, 213, 214, 215, 219, 220.

⁵⁶ «За правду», № 1 и 22 за 1913 г.

⁵⁷ А. С. Тагер. Указ. соч., стр. 211.

⁵⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 64.

ограничений, связанных с происхождением или принадлежностью к какой бы то ни было национальности». Законопроект был опубликован «Правдой». В. И. Ленин предпослал ему краткое воззвание, обращенное к рабочему классу, в котором, объясняя, почему евреи выделены особо, писал: «Антисемитизм пускает все более глубокие корни среди имущих слоев... Гонения против евреев приняли в последние годы совершенно невероятные размеры... При таких условиях еврейскому вопросу должно быть уделено должное внимание со стороны организованных марксистов»⁵⁹. Возвращаясь к этому же вопросу в другом месте, В. И. Ленин указывал:

«Особо ненавистническая агитация ведется черносотенцами против евреев. Козлом отпущения за все свои грехи пытаются сделать Пуришкевичи — еврейский народ.

И потому совершенно правильно РСДРФракция главное место в своем законопроекте уделяет *еврейскому бесправию*»⁶⁰.

Реакция была вынуждена признать свое полное поражение в деле Бейлиса. В своем отчете указанный выше чиновник, посланный Белецким в Киев, писал: «Процесс Бейлиса — это полицейская Цусима, которую никогда не простят»⁶¹. Пуришкевич в IV Думе открыто связал процесс Бейлиса с углублением революционного кризиса в стране. «Я не могу допустить, — говорил он, — чтобы Россия обратилась в процессе Бейлиса во Францию... во время так называемой „дрейфусиады“, когда вся страна остановила свои обычные занятия... Если мы будем обращать трибуну Государственной Думы в сплошной митинг, если мы будем разжигать страсти в тот момент, когда... уже заколыхались низы..., то Государственная Дума, которая пойдет по такому пути, существовать не может и не должна»⁶².

Но сгнивший режим, за неимением других средств, продолжал ту же политику национализма и антисемитизма.

⁵⁹ Там же, стр. 16.

⁶⁰ Там же, стр. 86.

⁶¹ А. С. Тагер. Указ. соч., стр. 280.

⁶² Там же, стр. 222; Государственная дума. Четвертый созыв. Ст. от., с. II, ч. 1, стр. 84—85.

РАБОЧИЙ ВОПРОС

Комиссия Коковцова. До революции 1905—1907 гг. царизм отрицал наличие «рабочего вопроса» в России в западноевропейском смысле этого слова. Особый журнал Комитета министров от 28 и 31 января 1905 г. характеризовал подобную позицию следующим образом. Принятый тогда взгляд на существо рабочего вопроса в России состоял в том, «будто условия фабричной жизни у нас и на Западе совершенно между собой различны. Число рабочих, занятых на наших фабрично-заводских предприятиях, весьма незначительно; благодаря счастливым (!) условиям землепользования большая часть русских рабочих тесно связана с землей и на фабричные работы идет, как на отхожие промыслы, ради подсобного заработка, сохраняя постоянную живую связь с деревней; никакой систематической борьбы рабочих с предпринимателями в России нет, нет в ней и самого рабочего вопроса, а потому и не приходится создавать по западным образцам фабричного законодательства»¹.

В соответствии с этим рабочей политикой ведало не Министерство финансов (ему была подчинена лишь фабричная инспекция), а Министерство внутренних дел, и

¹ «Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцова». Центрархив, 1926, стр. 21—22.

смысл её состоял в сочетании полицейских преследований с полицейской же «опекой». Закономерным следствием этой политики была знаменитая «зубатовщина», и именно крах «зубатовщины» заставил царизм отказаться от своей прежней точки зрения на рабочий вопрос и встать на другой — буржуазный путь его решения. Первым конкретным шагом в этом направлении было создание в январе 1905 г. так называемой комиссии Коковцова. Программа, предложенная Коковцовым, сводилась к следующему: 1) обязательная организация больничных касс, создаваемых на средства рабочих и фабрикантов; 2) создание на предприятиях смешанных органов из представителей администрации и рабочих «для обсуждения и разрешения возникающих на почве договора найма вопросов, а также для улучшения быта рабочих»; 3) сокращение рабочего дня с 11,5 до 10 часов; 4) пересмотр статей закона, карающих забастовки и досрочное расторжение договоров о найме ².

Программа Коковцова была обсуждена и одобрена Комитетом министров. Комитет резко осудил «зубатовщину» и привел в качестве образца для подражания Бисмарка за то, что он «своевременно» издал страховые законы и тем самым взял «рабочее движение в свои руки». В связи с пересмотром закона о стачках Комитет высказал чрезвычайно важное, имевшее принципиальный характер соображение. «Для правильного разрешения вопроса о забастовках, возникающих исключительно на экономической почве, — говорилось в журнале, — необходимо, чтобы рабочие были надлежащим образом организованы и знали точно свои права и обязанности...» ³. Иначе говоря, Комитет министров будущий закон о свободе стачек связывал с организацией профессиональных рабочих союзов.

Министерство финансов воплотило программу своего шефа в четыре соответствующих законопроекта, которые должны были быть обсуждены в комиссии Коковцова совместно с приглашенными представителями промышленности. Предварительно законопроекты были посланы на отзыв «Петербургскому обществу для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности», ставшему позднее именоваться «Петербургским обществом заводчиков и фабрикантов». И общество и представители про-

² «Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцова», стр. 13.

³ Там же, стр. 22, 29—30.

мышленности в комиссии признали все четыре законопроекта неприемлемыми, мотивируя двумя соображениями: 1) чрезмерностью «жертв», требуемых этими законопроектами от русской промышленности; 2) возможностью вмешательства государства во взаимоотношения рабочих и предпринимателей.

Сокращение рабочего дня в законодательном порядке до 10 часов, по мнению капиталистов, привело бы к гибели русскую промышленность, к полной невозможности для нее конкурировать с промышленностью западноевропейских стран. Лечение рабочих за счет предпринимателей они объявили «беспримерным явлением». Промышленники требовали, чтобы врачебная помощь рабочим была организована земствами и городами «наравне с прочим населением», а расходы на это должны быть полностью возложены на больничные кассы. В целом же страховые законопроекты заводчики объявили неслыханно «щедрыми» и «разорительными» для промышленности⁴.

По вопросу о стачках позиция промышленников и Комитета министров в принципе совпадала. Вопросу о свободе стачек, говорилось в записке Петербургского общества заводчиков и фабрикантов, «должно предшествовать решение вопроса о рабочих союзах». «Вопрос об узаконении стачек, — указывала записка, — необходимо поставить в зависимость от свободы рабочих организаций, в силу неперменной логической связи между этими понятиями». Более того, «без рабочих организаций немислимо осуществление ни государственного страхования на случай инвалидности и старости, ни больничных касс, ни... нормировки рабочего дня». Эта мысль подчеркивалась очень настойчиво. Вопрос «об организациях и свободных союзах» рабочих, читаем мы в другой записке общества, «есть основной кардинальный вопрос, ибо все остальные вопросы могут получить то или прямо противоположное решение в зависимости от того, будут существовать свободные, в европейском смысле, союзы рабочих или нет»⁵.

Совпадение взглядов царизма и буржуазии по вопросу о месте и роли профсоюзов в рабочем законодательстве было весьма симптоматичным. Оно означало отказ правительства от прежней полицейско-попечительной политики

⁴ «Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцова», стр. 109.

⁵ Там же, стр. 175, 176, 62.

в рабочем вопросе и переход к политике буржуазной. Здесь произошло то же самое, что и в аграрном вопросе. Там поворот к буржуазной политике выразился в указе 9 ноября 1906 г., здесь — в ставке на профсоюзы. Дело в том, что профсоюзы, как это убедительно доказала вся история мирового рабочего движения, носят в себе две объективные тенденции — революционную и буржуазную, тред-юнионистскую. «Профсоюзы, — писал В. И. Ленин, — были гигантским прогрессом рабочего класса в начале развития капитализма, как переход от распыленности и беспомощности рабочих к *начаткам* классового объединения. Когда стала вырастать *высшая* форма классового объединения пролетариев — *революционная партия пролетариата*... тогда профсоюзы стали неминуемо обнаруживать *некоторые* реакционные черты, некоторую цеховую узость, некоторую склонность к аполитицизму, некоторую косность и т. д.»⁶ Именно на использовании этих черт строился расчет царизма и буржуазии, на возможности с помощью профсоюзов перевести рабочее движение с революционных рельс на реформистские.

Работа комиссии Коковцова была сорвана приглашенными в нее промышленниками. Правительственные законопроекты они расценивали как попытку царизма выйти из революции за счет буржуазии, за счет требуемых ею политических реформ. В качестве предлога они использовали известие о поражении при Цусиме. Это известие, заявили промышленники, так потрясло их, что они не в состоянии продолжать работу. «Мы все настолько взволнованы, настолько нервны, — говорил председатель Московского биржевого комитета Г. А. Крестовников от имени всех приглашенных, — что наше последнее совещание нас убедило в невозможности продолжать наши занятия»⁷. Все уговоры Коковцова не помогли, и 15 мая 1905 г., спустя три дня после начала занятий, комиссия прекратила свое существование.

Совещание Философов. В декабре 1906 г. и в январе — феврале 1907 г. министр торговли и промышленности Д. А. Философов созвал совещание, на котором, как и в комиссии Коковцова, были широко представлены организации промышленников. Вниманию совещания были предложены

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 33.

⁷ «Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцова», стр. 236.

основные положения 10 законопроектов: 1) страхование от болезней; 2) страхование от несчастных случаев; 3) страхование инвалидности; 4) сберегательные кассы обеспечения; 5) правила о найме рабочих; 6) рабочее время; 7) врачебная помощь; 8) меры по поощрению строительства здоровых и дешевых жилищ; 9) промысловые суды; 10) фабричная инспекция и фабричные присутствия⁸.

Таким образом, исходный тезис Коковцова о необходимости одновременной сравнительно широкой рабочей реформы еще оставался в силе. Но вопрос о рабочих союзах на совещании был обойден полным молчанием. Это был симптом, свидетельствовавший о начале крушения «нового курса», провозглашенного Коковцовым и Комитетом министров. Юридическим основанием для такого молчания служили знаменитые «Временные правила 4 марта 1906 г.» об обществах и союзах, которые вернее было бы назвать правилами о запрещении обществ и союзов.

Промышленники заняли весьма негативную позицию. Они ратовали за максимальное сокращение сферы и объема рабочего законодательства. Председатель Петербургского общества заводчиков и фабрикантов С. П. Глезмер прямо заявил, что «чем позже будут рассматриваться эти (рабочие.— А. А.) законы в новой Государственной думе, тем правильнее будет их решение,— тем почва для них будет солиднее, нормальнее, доступнее». Соображения голого чистогана полностью взяли верх над общеклассовыми интересами. При обсуждении законопроекта о страховании от болезней представители промышленности внесли поправку, отменявшую минимум пособия заболевшему рабочему, отдавая решение вопроса на волю каждой больничной кассы в отдельности. Принятие такой поправки практически означало провал всего законопроекта. Промышленники потребовали также, чтобы закон о страховании от несчастных случаев начал применяться лишь спустя пять лет после его принятия. В конце концов они согласились на двухлетний срок⁹.

Ратую на словах за независимость больничных касс, промышленники заявили, что их права в этих кассах недо-

⁸ «Стенографический отчет Особого совещания при Министерстве торговли и промышленности шталмейстера Д. А. Философова для обсуждения законопроектов по рабочему законодательству», стр. 9—16.

⁹ Там же, стр. 25, 126, 129, 136, 12 (вторая пагинация),

статочны и им должно быть предоставлено право veto на все решения собрания членов кассы. Осуществление законопроектов о страховании старости и инвалидности, занимающих, по признанию самих предпринимателей, «центральное место» в вопросе о страховании рабочих, они объявили «в настоящее время» невозможным. Точно так же они отвергли, как неприемлемый, законопроект о найме рабочих. При этом промышленники требовали права рассчитывать всех рабочих, если забастует даже несколько человек. «Если,— заявил Триполитов,— рабочие будут знать, что за оставление работ хотя бы 10 лицами будет грозить расчет всем рабочим, тогда прекратятся забастовки»¹⁰. В конечном итоге смысл их требований сводился к праву на постоянный локаут.

Философов всячески торопил промышленников с обсуждением законопроектов, чтобы успеть их внести к открытию II Думы. Но из этого ничего не вышло. Из 10 законопроектов наспех были обсуждены только шесть. Сам Философов вскоре умер, а II Дума была разогнана.

Совещание Остроградского. Летом 1908 г. министр торговли и промышленности И. П. Шипов внес в Думу законопроекты о страховании рабочих от несчастных случаев и на случай болезни вместе с двумя сопутствующими законопроектами о страховых присутствиях и Совете по делам страхования рабочих. Предварительно все четыре законопроекта были обсуждены в специальном межуведомственном совещании под председательством товарища министра торговли и промышленности Н. А. Остроградского и на заседании Совета министров. Здесь они были подвергнуты изменениям, которые означали фактический отказ от курса, провозглашенного правительством в начале 1905 г., и возврат к прежней полицейской политике. Поправки шли по двум основным линиям: дальнейшие, весьма значительные, уступки промышленникам и резкое усиление влияния и власти Министерства внутренних дел и губернаторов за счет Министерства торговли и промышленности в страховом деле.

Сами представители промышленности в совещании Остроградского признавали, что выторгованные ими уступки были очень существенными. «Из спорных вопросов,— докладывал Триполитов,— большинство по представлению

¹⁰ Ст. от. Особого совещания, стр. 99, 138 (вторая пагинация).

промышленности имело успех»¹¹. В частности, правительство отказалось от установления точного размера лечебной повинности предпринимателя путем денежных сборов по числу рабочих. Владельцы предприятий должны были предоставлять первоначальную врачебную помощь и амбулаторное лечение. Что касается больничного лечения, то здесь законопроект предусматривал лишь денежную ответственность перед лечебными заведениями за лечение ими больных рабочих, тогда как по закону 26 августа 1866 г. промышленники должны были строить и содержать собственные больницы в расчете одна койка на 100 рабочих.

Но главное содержание работы совещания Остроградского было в другом. По требованию представителей Министерства внутренних дел был введен ряд статей, устанавливавших жесткий контроль полиции за деятельностью больничных касс. Председателем страхового присутствия становился губернатор, а не старший фабричный инспектор, как предполагалось раньше. Присутствие получило право закрывать кассы и передавать их дела другим, если оно обнаружит в их деятельности «опасность для государственного порядка и общественного спокойствия». Мотивировалась эта статья необходимостью «по возможности охранить... больничные кассы от вредного влияния со стороны социалистов-демократов»¹². Такого же рода поправки были внесены и в законопроект о Совете по делам страхования рабочих.

Оценивая итоги совещания Остроградского, другой представитель промышленников, Касперович, указывал: «Все эти наслоения... являются результатом вынужденной уступки со стороны Министерства торговли и промышленности... властным требованиям представителей Министерства внутренних дел»¹³.

Чем же объясняется такой крутой поворот правительства в рабочем вопросе? Ответ дает доклад представителей Министерства внутренних дел на совещании (во главе с членом Совета министра внутренних дел, редактором газеты «Россия» И. Я. Гурляндом, идеологом и «теоретиком» столыпинского курса) своему шефу Столыпину.

Наибольшей критике в докладе подверглись законопроект о страховом Совете и страховых присутствиях.

¹¹ ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 591, л. 10.

¹² Там же, д. 594, л. 240.

¹³ Там же, л. 240—240 об.

Согласно проекту, говорилось в докладе, Совет по делам страхования, хотя и состоит номинально в Министерстве торговли и промышленности, на самом деле по своему составу является органом междудементственным, а по правам и характеру деятельности представляет собой независимое учреждение. Представитель Министерства внутренних дел в Совете поставлен в «положение рядового члена», в то время как руководящая роль в нем должна принадлежать именно этому ведомству.

В связи с этим доклад требовал, чтобы страховой Совет был превращен в совещательный орган при Министерстве торговли и промышленности, а представители ведомств имели бы право протеста против принятых Советом решений, которые, в случае недостижения соглашения с министром торговли и промышленности (являющимся председателем страхового Совета), должны рассматриваться Советом министров. «Особенно важным,— говорилось в докладе,— явилось бы предоставление такого права протеста старшему представителю Министерства внутренних дел. Это вытекает уже из одного того, что при устройении страхования рабочих по системе мелких больничных касс в жизнь страны вводится сразу свыше 2000 новых самоуправляющихся организаций, а следовательно, и все вопросы, связанные с деятельностью этих организаций, едва ли могут решаться иначе, как в тесном единении с тем ведомством, на ответственности которого лежит охранение порядка в государстве, руководство общей администрацией и надзор за закономерностью деятельности органов самоуправления и соединств»¹⁴.

Министерство торговли и промышленности, отмечалось далее, придерживается «такого воззрения на рабочий вопрос, при котором рабочие составляют определенный общественный класс, со своими особыми классовыми задачами и особыми классовыми правами, настроениями, если угодно — даже капризами, с которыми государство должно более или менее почтительно считаться». Все это вытекает из формулы доверия «к принципу общественной инициативы и общественной самодеятельности», принятому министерством, но в действительности этот принцип сводится «к самоустранению» власти. А суть дела состоит в том, что «едва ли мы можем скрывать от себя, что мы пережи-

¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 4, д. 125, л. 271.

ваем момент, и момент неслучайный, не такой, который позволительно было бы считать скоропреходящим, когда от власти требуется усиленное доверие к общественной самодеятельности, а эта последняя усиленно воспитывается в сознании своей обязанности относиться к власти не иначе, как к чуждому, почти вредоносному»¹⁵.

В переводе с бюрократического на простой язык эти слова означали признание со стороны полицейского ведомства, что в стране существует и развивается революционный кризис. А в такой обстановке решение рабочего вопроса в духе буржуазно-реформистской политики оказывается невозможным. Иными словами, объективная обстановка исключает путь реформ в направлении к буржуазной монархии и в рабочем вопросе. «Таким образом,— констатировал доклад,— не будет преувеличением сказать, что правительство, приняв данный проект Министерства торговли, решилось бы на опыт, осуществление которого с пользой для дела требовало бы прежде всего веры в то, что полное и радикальное изменение общих наших культурных (т. е. политических— А. А.) условий уже произошло или произойдет в самом непродолжительном времени». А раз такой веры нет, то «государственная власть должна быть тем определеннее в своих требованиях о руководительстве и надзоре за деятельностью больничных касс»¹⁶.

Особый журнал Совета министров повторял и развивал взгляды и перечень требований доклада Гурлянда. «При современных условиях государственного и общественного развития нашего отечества,— говорилось в нем,— необходимо, чтобы за органами административного управления обеспечена была возможность ближайшего руководства рассматриваемым делом и бдительного за ним надзора». «Смута последних лет» показала, что рабочие захватываются «крайними партиями». Поэтому следует предвидеть, что проведение в жизнь страховых законопроектов «послужит толчком к новому пробуждению среди них (рабочих.— А. А.) сознания своих профессиональных интересов, и весьма важно, конечно, чтобы это движение не было тотчас же использовано в революционных целях. Надо ясно отдать себе отчет в том, что рассматриваемыми законопроек-

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 4, д. 125, лл. 273 об.— 274 об. (подчеркнуто нами.— А. А.).

¹⁶ Там же, л. 274 об.

тами создаются сильные рабочие организации, в руках которых будут сосредоточены крупные денежные суммы. Рабочему классу даются, таким образом, организация и деньги»¹⁷.

Перед нами прекрасная иллюстрация к ленинскому тезису о двоякой природе реформ.

Таким образом, царизм совершил определенный принципиальный поворот в рабочей политике по сравнению с программой Коковцова. Помимо сказанного, это обнаруживается также в отказе от программы в целом, намеченной в 1905—1906 гг. Наиболее «профсоюзная» часть программы — законопроекты о продолжительности рабочего дня, об условиях найма и т. п. были сняты с повестки дня, хотя они уже были готовы. Оставление же именно страховой части программы объясняется в значительной мере тем, что ей, в силу самой специфики рабочего страхования, в зависимости от желания можно было придать либо преимущественно полицейско-попечительный, либо «самостоятельный», основанный на соглашении сторон — капиталистов и рабочих — характер.

Этот поворот отнюдь не был поспешным. Ему предшествовали долгие размышления, анализ политического положения в стране и особенно настроения рабочего класса. В этом отношении исключительный интерес представляют письма и проекты известного ренегата Льва Тихомирова, составленные по заданию Столыпина и адресованные непосредственно ему.

В письме Столыпину от 31 октября 1907 г. Тихомиров доказывал, что создание рабочих организаций крайне необходимо, ибо они вызваны «потребностями жизни». «Вывод отсюда тот, что наше государство в настоящее время должно ввести в круг своей мысли и заботы — организацию рабочих», несмотря на «все сложности и опасности этого дела». Но Тихомиров ставил этот вопрос в связь с общей политикой царизма. Здесь есть «одно важное обстоятельство», указывал он: «ни одного социального вопроса нельзя решить хорошо без хорошей общей политики...»¹⁸.

Этот тезис красной нитью проходит через все письма и записки Тихомирова. Он повторяет и варьирует его на раз-

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 4, д. 125, л. 411—411 об.

¹⁸ ЦГАОР СССР, ДП, 4-е д-во, 1908 г., д. 251, лл. 2, 28.

ные лады. В цитированном письме, подчеркивал Тихомиров, он «желал лишь выразить то глубочайшее свое убеждение, что без твердого, соответствующего русским условиям, государственного строя мы не можем иметь твердой политики. А при политике шаткой, колеблющейся... ни одного социального вопроса... провести нельзя, особенно же такого сложного, как рабочий...»¹⁹. Конкретно его мысль сводилась к следующему: пока у рабочего класса и народа в целом не будет ясного сознания, что власть тверда и что революционным путем добиться от нее удовлетворения каких-либо требований невозможно, до тех пор решить рабочий вопрос в интересах существующего строя нельзя. Только убедившись в том, что власть сильнее его, рабочий класс откажется от мысли о ее революционном ниспровержении и встанет на путь «деловой» политики. Пока же, констатировал Тихомиров, дело обстоит наоборот. Рабочий класс и народ исходят из того, что они могут сразиться с властью и одолеть ее.

Таким образом, и Гурлянд, и Столыпин, и Тихомиров сходились на том, что рабочий класс России и в третьеиюньский период был настроен революционно и продолжал считать, что от революции получит все. В таких условиях реализация программы Коковцова и переход на рельсы буржуазной рабочей политики, со свободой рабочих организаций, становились невозможными.

Страховые законопроекты и Дума. Примерно три года понадобилось Думе, чтобы поставить страховые законопроекты на повестку дня. Буржуазия избрала по отношению к ним тактику самого настоящего саботажа, и эту тактику весьма усердно проводили ее представители в Думе. Еще в апреле 1908 г. орган Министерства торговли и промышленности отметил, что промышленники упорно настаивают на несвоевременности страховых законопроектов, мотивируя это «разорением и упадком» отечественной промышленности. «Достойно удивления», писала газета, что об этом заявляет прежде всего текстильная промышленность Северного и Центрального районов, которая «в настоящее время находится в особо благоприятных условиях»²⁰. Даже М. М. Федоров, один из лидеров Совета съездов представителей промышленности и торговли, председатель его спе-

¹⁹ ЦГАОР СССР, ДП, 4-е д-во, 1908 г., д. 251, л. 28 об.

²⁰ «Торгово-промышленная газета», 20 апреля 1908 г.

циальной комиссии, созданной «для выработки объединенного взгляда представителей торговли и промышленности на основные проблемы рабочего законодательства и в частности на страхование от болезней и несчастных случаев», вынужден был признать противодействие промышленников. Нельзя стоять на «узко классовой» позиции, поучал он капиталистов в своей газете. Надо действовать, основываясь «на солидарности интересов всех групп (буржуазии.— А. А.)». «От точки зрения, проводимой обществом петербургских фабрикантов, не только должно, но и выгодно отказаться»²¹.

Но петербургские фабриканты были на этот счет другого мнения. Глезмер, отвечая Федорову, заявил, что высказанный им тезис «чем позднее, тем лучше» остается в силе до сих пор²².

Сразу после начала работы III Думы часть членов обеих палат объединилась в особую группу, именовавшую себя «Совещанием членов Государственного Совета и Государственной Думы, интересующихся работами обеих палат в области промышленности, торговли и финансов». Большинство в ней составляли октябристы и правые. Страховые законопроекты сразу же оказались в центре внимания группы, и она заняла по отношению к ним самую боевую позицию, совпадающую со взглядами Глезмера, который, кстати говоря, был одним из ее руководителей.

Другой силой, вставшей на пути страховых законопроектов, явилась комиссия по рабочему вопросу Думы, возглавлявшаяся октябристом бароном Е. Е. Тизенгаузенем, также одним из руководителей группы, директором фабрики Коншина в Серпухове. Начал он свою деятельность в качестве председателя с того, что в столыпинской газете «Россия» опубликовал статью, в которой доказывал, что страховые законы «служат источником нравственного падения масс, они развращают народную душу»²³. «Новое время» писало как об общеизвестном факте, что «председателем (рабочей.— А. А.) комиссии... состоит московский промышленник барон Тизенгаузен, неоднократно высту-
плением в печати и на собраниях выказавший себя

²¹ «Слово», 27 апреля 1908 г.

²² «Промышленность и торговля», 1908, № 9, стр. 587.

²³ «Речь», 9 апреля 1909 г.

принципиальным противником самой идеи страхования рабочих»²⁴.

Тизенгаузен и его соратники в комиссии добивались двух целей: всяческой затяжки обсуждения законопроектов и их максимального «улучшения» (в интересах капиталистов). И в том и в другом они преуспели вполне. В феврале 1910 г. Тизенгаузену удалось добиться главного требования буржуазии — принятия поправки, отвергавшей лечение рабочих за счет предпринимателей. В декабре того же года комиссия, наконец, закончила свою работу, а в апреле 1911 г. страховые законопроекты попали на повестку дня Думы.

Но этого мало. В своем докладе на пленуме Думы Тизенгаузен, выражая мнение буржуазии, открыто встал на защиту полицейской стороны законопроектов, одобрил все поправки, принятые в совещании Остроградского, причем (и это главное) по тем же мотивам, по которым на них настаивало Министерство внутренних дел. То, что в 1905 г. буржуазия объявила своим основным расхождением с правительством в рабочем вопросе, теперь она полностью одобрила. «К сожалению, — говорил Тизенгаузен, — практика Запада не дает нам право надеяться на ициллии, и такое чисто техническое учреждение (страховые присутствия. — А. А.), как его проектировало Министерство (торговли и промышленности. — А. А.), могло бы оказаться не обладающим ни достаточной осведомленностью, ни полномочной властью». Второй и окончательный проект устраняет этот недостаток. «Нельзя утверждать, что намеченная реформа... у нас протечет как нечто мирное, как явление чисто экономического характера». «Приходится признать, что предлагаемая нам конструкция органов высшего надзора находит достаточно оправдания в особенностях нашего строя, нашей действительности и нашего быта»²⁵.

Взгляды октябристов и правых, разумеется, совпали с точкой зрения председателя рабочей комиссии. Иной была позиция кадетов. Они выступили против поправок рабочей комиссии и требовали восстановления ряда статей правительственных законопроектов, особенно статей о лечении рабочих за счет предпринимателей. Они подвергли также критике и «полицейские новеллы» Министерства внутренних дел. Одновременно кадеты отвергли «бес-

²⁴ «Новое время», 7 декабря 1910 г.

²⁵ Ст. от., с. IV, ч. 3, стб. 2321—2324.

предельные» поправки социал-демократической фракции, направленные на расширение сферы применения страховых законов.

Поведение кадетов определялось страхом перед революцией. Привычку «не обманешь — не продашь», убеждал кадет Щепкин октябристов, «следовало бы давно бросить...» Он призвал Думу решить рабочий вопрос «по государственному», т. е. заменить узкоклассовый подход общеклассовым. В противном случае, говорил кадетский оратор, «вы... заставите идти трудящихся на катаклизмы», и следовательно, «собственные интересы командующего класса... диктуют необходимость заняться положением трудящихся в этой области». «Представьте себе, — пояснял он свою мысль, — что трудящиеся массы вдруг придут к заключению, что им не следует идти за командующим классом..., ведь это небольшая кучка по отношению ко всему 150 000 000-ному народу». Надо уметь «пойти на некоторые жертвы». «И если вы этого *minimum*'а не дадите сейчас, то вам придется дать значительно больше в будущем». Страховые законопроекты, закончил Щепкин, страдают «цинизмом и близорукостью» и ведут к «непоправимым последствиям»²⁶.

Трудовики хотя и проявили свою обычную непоследовательность, но в целом заняли революционно-демократическую позицию. Одним из их требований было распространение страхования на сельскохозяйственных рабочих. Крестьянин-трудовик Петров 3-й заявил, что страхование должно осуществляться государством за счет прогрессивного налога с капиталистов. В оглашенном им заявлении трудовой группы говорилось, что «законопроекты не отвечают самым основным условиям, которым должно удовлетворять обязательное страхование рабочих...»²⁷.

Социал-демократическая фракция использовала страховые законопроекты для разоблачения антирабочей политики думского большинства, включая и кадетов. Критика законопроектов носила принципиальный характер. Для фракции, сразу же заявил Покровский, «важны не практические результаты, не осуществление данных законов правительством, для нас в данную минуту важно

²⁶ Ст. от., с. IV, ч. 3, стб. 2609, 2611, 2613, 2615, 2670.

²⁷ Там же, стб. 3262.

принципиальное суждение по данному вопросу». Фракция пользуется настоящим случаем, чтобы «высказать принципиальное суждение рабочего класса по данному вопросу и высказать нашу социалистическую точку зрения»²⁸.

Показывая уклончивость страховых законопроектов, объявив их «простым обманом» рабочих, Покровский изложил основные пункты программы социал-демократии по государственному страхованию: распространение страхования на все виды наемного труда, введение страхования по старости и инвалидности, безработице, беременности, страхование вдов и сирот, единая страховая организация, территориальный тип больничных касс, а не производственный, делавший хозяином кассы предпринимателя, полное самоуправление касс, увеличение пенсий до размеров заработка и др. Закончил он свою речь следующими словами: «Мы прямо горячие, убежденные и последовательные противники этих законопроектов и будем голосовать против них... в той надежде, что рабочий класс в самом ближайшем времени соберет свои силы и завоюет себе условия для свободной классовой борьбы, а тогда все вопросы социального законодательства могут быть, должны и будут поставлены на надлежащую здоровую почву»²⁹.

Однако под «условиями свободной классовой борьбы» имелось в виду не завоевание республики, а пресловутая «свобода коалиций». «...Право коалиций...», — заявил А. Я. Предкальн, — в данный момент является первейшей и существеннейшей необходимостью в законодательной области по отношению к рабочему классу и только после осуществления этого права можно говорить об улучшении положения рабочего класса путем социальных реформ... Следовательно, если нам в настоящее время задают вопрос, как мы относимся к задачам рабочего законодательства в России, то мы отвечаем: мы требуем прежде всего законодательного осуществления прав коалиций для рабочих»³⁰.

Хотя меньшевистское влияние во фракции с каждым годом падало, рецидивы его все время давали себя знать. В целом же фракция справилась со своей задачей, о чем свидетельствует довольно отчетливо прозвучавшая в выступлениях социал-демократических ораторов, включая

²⁸ Ст. от., с. IV, ч. 3, стб. 2327—2328.

²⁹ Там же, стб. 2344.

³⁰ Там же, стб. 2595—2596.

и некоторых меньшевиков, антикадетская нота. «Все здесь существующие в Думе политические партии, исключая разве только трудовиков,— подчеркивал Г. С. Кузнецов,— будете голосовать против наших поправок». Кадеты, говорил он далее, «являются так же, как и октябристы и как партия правых, противниками единого страхования»³¹.

Постатейное обсуждение законопроектов было перенесено на осень 1911 г. Все 162 поправки социал-демократической фракции были отвергнуты. Та же участь постигла и поправки трудовиков. Были провалены и все скольконибудь значительные поправки кадетов. Но право-октябристскому большинству пришлось поступиться поправкой рабочей комиссии, возлагавшей лечение рабочих на больничные кассы. По требованию председателя Совета министров Коковцова и министра торговли и промышленности С. И. Тимашева была восстановлена правительственная редакция соответствующей статьи, возлагавшая расходы за лечение на предпринимателей. Это требование было в значительной мере связано с возвратом царизма к своей традиционной полицейско-попечительной политике и боязнью раздражить рабочих.

В январе 1912 г. страховые законопроекты были приняты Думой и переданы в Государственный совет. В мае они были утверждены им, а 23 июня 1912 г. стали законами.

Что же представляли собой эти законы?

Закон о страховании рабочих от несчастных случаев был некоторым видоизменением уже действовавшего закона от 2 июня 1903 г. Он предусматривал страхование рабочих, занятых на предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности, общей численностью в 2,5 млн. человек, что составляло лишь шестую часть всего рабочего класса России. Из сферы действия закона были исключены строительные рабочие, особенно подверженные массовому травматизму и увечьям, сельскохозяйственные рабочие, прислуга, ремесленники и многие другие категории лиц наемного труда. Размер пособия пострадавшим на время лечения, так же как и пенсии при потере трудоспособности от несчастного случая, устанавливался в $\frac{2}{3}$ заработка. Пенсии семьям погибших от несчастных случаев были такие же, как и в законе 2 июня.

³¹ Ст. от., с. V, ч. 1, стб. 156, 162.

Основное отличие нового закона от закона 2 июня 1903 г. заключалось в замене личной ответственности предпринимателя коллективной. Выгоды, получаемые рабочими от этого изменения, были ничтожно малы по сравнению с теми выгодами, которые приобретали от него владельцы предприятий. Раньше рабочий в случае увечья имел дело непосредственно со своим нанимателем, который, разумеется, всеми доступными ему способами, особенно угрозой увольнения и судебной волокитой, старался уменьшить причитающееся пострадавшему рабочему пособие. В случае, если предприятие ликвидировалось, рабочий оставался ни с чем. Теперь же пособие должно было выплачивать страховое товарищество, в которое объединялись владельцы предприятий определенного района. Всего было создано 12 таких товариществ. Капиталисты получили мощную организацию со штатом служащих, специалистов страхового дела, врачей и пр., которая становилась действенным оружием, направленным против рабочих. Пострадавший рабочий избавлялся от страха потерять пособие в случае закрытия предприятия, но зато он оставался один на один с организацией, которая располагала всеми возможностями либо вовсе лишить его вознаграждения, либо свести его к ничтожной сумме. Практика применения закона 2 июня показала, что в большинстве случаев рабочие вообще не заявляли о своем увечье, боясь увольнения. По той же причине они, как правило, соглашались на уменьшенное вознаграждение. Теперь же к этому прибавлялся страх не найти работу на всей территории действия страхового товарищества, так как объединяемые им предприниматели получали возможность обмена черными списками увечных. Могущественным средством воздействия на рабочих со стороны товарищества являлись также судебная волокита, право принудительного лечения пострадавшего рабочего своими врачами, которые, как показала германская практика, «лечили» так, что больные немедленно объявляли себя «здоровыми», и многое другое. Никаких же организаций, которые могли бы противостоять страховым товариществам, у рабочих не было.

Помимо всего прочего, капиталисты добились еще одного существенного изменения в свою пользу по сравнению с законом 2 июня. Последний требовал, чтобы предприниматель начинал лечить пострадавшего рабочего с первого же дня после несчастного случая. Новый закон отодвигал

этот срок на 13 недель; в течение этого времени лечить его должны были больничные кассы. Практика фабричной медицины показывает, что этот срок, как правило, был достаточным для лечения последствий несчастных случаев.

Законопроект о страховании от болезней не имел аналога в действующем законодательстве. Суть его состояла в принудительности страхования для рабочих данного предприятия, объединяемых для этой цели в фабричные больничные кассы. В обязанности кассы входила выдача денежных пособий заболевшим членам кассы в течение определенного периода. Средства кассы составлялись из обязательных взносов рабочих и владельцев предприятий. Количество и категории страхуемых рабочих предусматривались те же, что и в законопроекте о страховании от несчастных случаев. Размер пособий для семейных рабочих устанавливался от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ заработка, для холостых — от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$. Срок выдачи пособий равнялся шести месяцам, при повторных заболеваниях общая продолжительность выдачи пособия в течение одного года не должна была превышать 30 недель. Работницы должны были получать пособие от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ своего заработка в течение четырех недель после родов. В случае смерти члена кассы семья получала на погребение сумму в размере его 20—30-кратного дневного заработка. Взносы рабочих в кассу составляли 1—2% от заработка. Владелец предприятия вносил в кассу $\frac{2}{3}$ от суммы взносов рабочих. Туда же шли и штрафные капиталы. Минимальное число участников фабричной кассы устанавливалось в 200 человек. Предприятия с меньшим числом рабочих объединялись в одну кассу. Фактическим хозяином кассы был владелец предприятия. Средства кассы находились у него (чтобы на случай забастовки они не были использованы как стачечный фонд). Общее собрание всех членов кассы не допускалось. Оно заменялось собранием уполномоченных, не превышающим 100 человек, на котором председательствовал владелец предприятия или уполномоченное им лицо. Правление кассы должно было состоять из нечетного числа членов с перевесом числа рабочих над представителями хозяина в один голос. При этом рабочие могли выбирать в правление только членов кассы, а предприниматель мог посылать в него любого, кого хотел. Закрытого голосования законопроект не предусматривал. Таким образом, владелец предприятия

был явным хозяином положения, получая все возможности давления на правление и собрание уполномоченных, не говоря уже о том, что все выборное делопроизводство кассы представлялось на утверждение губернатора.

Все дело страхования находилось под жестким контролем правительства. Губернские присутствия получили широкие права по надзору за страхованием в пределах губернии. Совет по делам страхования представлял собой всероссийский контрольный орган, объединявший и направлявший деятельность присутствий, больничных касс и страховых товариществ. О характере этих учреждений можно судить по их составу. Помимо председателя-губернатора членами губернских присутствий были начальник жандармского управления, прокурор окружного суда, управляющий казенной палатой, врачебный инспектор, старший фабричный инспектор, окружной горный инженер. Кроме того, в них входили по одному представителю от губернского земства и городской думы и по два представителя от предпринимателей и больничных касс. Состав Совета был еще более показателен: председатель — министр торговли и промышленности, члены по назначению — два товарища министра, два непременных члена министерства, директор горного департамента, управляющий отделом промышленности, его помощник и управляющий отделом торговли того же министерства, три представителя от Министерства внутренних дел, по одному от министерств финансов, юстиции, путей сообщений и землеустройства и земледелия. Членов по выбору должно было быть 8 человек: по одному от Петербургской городской думы и Петербургского губернского земского собрания и по три — от промышленников и застрахованных.

Таким образом, законы о страховании до предела ограничивали круг страхуемых и носили крайне реакционный характер. Они касались всего двух видов страхования, охватывали лишь часть рабочего класса, устанавливали нищенские размеры пособий, лишали страховые учреждения всякой самостоятельности, отдавая их под власть чиновников, полиции и хозяев.

В 1912—1914 гг. в связи с введением страховых законов в жизнь и выборами представителей рабочих в Страховой совет и страховые присутствия рабочий класс, руководимый большевиками, развернул широкую борьбу против антирабочей политики правительства, вошедшую в исто-

рию под названием «страховой кампании». Вместе с тем страховые законы в конечном итоге способствовали углублению противоречий между царизмом и буржуазией.

В декабре 1910 г., комментируя результаты деятельности рабочей комиссии по страховым законопроектам, «Новое время» опубликовало две статьи некоего Наумова. Первая статья, называвшаяся «Законодательная обструкция», делала следующий вывод: труды комиссии «можно резюмировать весьма кратко: гг. промышленники окончательно оправились от испуга. В 1905 г. фабриканты готовы были выполнить три четверти социалистической (!) программы. Теперь они резонно соображают: благо в данную минуту нет угрозы массовых забастовок, нельзя ли отделаться копеечной подачкой? Более того, в расчете спрятаться в случае чего опять за спину правительства, архилиберальные во всех прочих отношениях промышленники считают себя даже оскорбленными, если так можно выразиться, до глубины кармана предложениями того же правительства понести известные жертвы ради улучшения быта рабочего класса». Отметив, что еще задолго до внесения законопроектов в Думу «промышленники выторговали себе ряд чрезвычайно существенных уступок, которые в переводе на деньги оцениваются десятками миллионов рублей», автор продолжал: «Дальнейшие обстоятельства законодательной процедуры складываются для промышленников не менее благоприятно. Дело страхования рабочих, если можно назвать так жалкие остатки задуманной системы, находится теперь в более чем надежных руках тех же гг. Глезмера и Триполитова в Г. Совете и бар. Тизенгаузена в Думе». Законопроекты «встречают... упорную тактику противодействия со стороны обеих комиссий». В том же духе была написана и другая статья³².

Статьи вызвали ответ Глезмера, носивший довольно жалкий характер. Многие статьи в журнале Совета съездов представителей промышленности и торговли были наполнены жалобами на «несправедливые» упреки в адрес промышленников, на несочувствие к ним «общественного мнения» и Думы. Торгово-промышленный класс, говорилось в одной из таких статей, «слабо представлен в Думе». «Не секрет проявленное Госуд. Думой безразличное и в общем неблагоприятное отношение к интересам торговли и про-

³² «Новое время», 7 и 8 декабря 1910 г.

мышленности. И вдруг по рабочему вопросу Госуд. Дума творит беспрекословную волю промышленников!»³³

В другой статье журнал жаловался на то, что стоило только «Утру России» указать на странное запрещение обсуждать на XXXVI съезде горнопромышленников юга России вопрос о страховании рабочих, как «Новое время» обрушилось с резкой статьей на «официальный орган красных банкиров и дисконтеров» и «шкурно заинтересованный буржуазный парламент, заседающий под скромным названием Съезда представителей промышленности и торговли»³⁴.

Весьма чувствительный удар нанес буржуазии Витте. Дело было не в новизне фактов, которые он приводил, а в том, что бывший министр финансов был признанным авторитетом в области этих фактов. Выступая 18 апреля 1912 г. в Государственном совете с одобрением страховых законопроектов, Витте подчеркнул, что русская промышленность по сравнению с промышленностью европейских стран получает большую прибыль «под действием двух живительных влияний»: протекционизма и аграрного перенаселения. «Нигде в европейских странах промышленность не имеет столь дешевых рабочих рук, как у нас в России», — заявил он, приведя соответствующие цифры³⁵.

Во второй речи, опровергая дутые цифры промышленников, согласно которым германская промышленность была якобы прибыльнее русской, Витте поставил весьма простой, но решающий вопрос: если это так, то почему иностранный капитал идет в Россию, а не наоборот? Тогда, иронизировал он, «мы завоевали бы мирным путем Германию, Францию, Англию и т. д.»³⁶

Выступая третий раз с возражениями Триполитову, Крестовникову и др., Витте отверг их довод, будто иностранный капитал идет только в немногие доходные отрасли. Сославшись на кризис 1900—1901 гг., он показал, что тогда больше всего пострадали именно иностранные капиталы. Не выдерживает критики, по его мнению, и другое соображение промышленников, согласно которому русские капиталы не идут за границу только потому, что их просто нет. «Но позвольте, господа, припомнить, — резонно

³³ «Промышленность и торговля», 1910, № 24, стр. 635; 1911, № 9, стр. 397.

³⁴ «Промышленность и торговля», 1912, № 3, стр. 123.

³⁵ Гос. совет. Ст. от., с. VII, 1911—1912 гг., стб. 3404—3405.

³⁶ Там же, стб. 3521.

ответил Витте, — сколько капиталов русских было переведено за границу в 1904 и 1905 гг. накануне революции. Сотни и сотни миллионов. Когда нужно было уходить от революции, тогда нашлись капиталы и отправлялись за границу. И они оставались бы там и пошли бы в промышленность, если бы это было выгодно. Но как только у нас все успокоилось, понятно, что и капиталы пришли обратно для помещения их здесь более выгодного. Наконец, если вам угодно будет обратиться к отчетам банков и к различным капиталам, которые в эти банки лежат непроизводительно, то вы увидите, какая у нас масса своих капиталов»³⁷. Убедительно разоблачив несостоятельность жалоб промышленников на обременительность для них расходов, предусматриваемых страховыми законопроектами, Витте назвал все их расчеты и доводы «финансовой ересью».

Выступления Витте имели большой резонанс, и все попытки промышленных заправил сгладить произведенное ими впечатление оказались неудачными. В ответной статье, озаглавленной словами Витте «Финансовая ересь», автор ее, барон Майдель, вынужден был признать, что «речь несомненно послужила к укреплению ошибочных взглядов, столь прочно установившихся в образованной части общества на положение нашей промышленности» и в этом заключается «идейный грех бывшего насадителя крупной индустрии в нашем отечестве»³⁸.

Ленский расстрел еще более обострил противоречия между помещиками и буржуазией. При обсуждении запросов о ленских событиях Марков 2-й, Замысловский и др. негодовали по поводу ненасытных appetitов промышленников. Правда, основная вина за ленскую трагедию была возложена на капиталистов-евреев, но тем не менее кампания велась против буржуазии в целом. «Новое время» пестрело заголовками и выражениями вроде «Зарвавшиеся монополисты», «Круговая кабала», «Господство монополистов, потерявших меру в своих притязаниях и не боящихся для защиты своих привилегий проливать кровь рабочих, создающих им колоссальное богатство». Одновременно выражалось всяческое сочувствие рабочим: «несчастные рабочие», «каторжный труд», «жертвы биржи» и т. п.³⁹ Помимо

³⁷ Гос. совет. Ст. от., с. VII, 1911—1912 гг., стб. 3554—3556.

³⁸ «Промышленность и торговля», 1912, № 9, стр. 447, 448.

³⁹ «Новое время», 8 и 10 апреля 1912 г.

демагогии и желания свалить вину с правительства на капиталистов, здесь еще имело место стремление вернуться к старой, открыто полицейской политике в рабочем вопросе.

Провал рабочей политики и Ленский расстрел, в связи с общим провалом третьеиюньского курса, привели к усилению противоречий в самом правительственном лагере, разочарованию в союзе с буржуазией. Весьма симптоматичной была в этом отношении статья Меншикова под заголовком «Экзамен В. Н. Коковцова», опубликованная спустя три дня после Ленского расстрела. Она была посвящена речам Коковцова и Крестовникова, которыми они обменялись в Московском биржевом комитете. «Обе речи, — писал Меншиков, — явились как бы громкими декларациями двух союзных лагерей перед новой парламентской кампанией: правительства и капитала...» «Как все это, согласитесь, — сетовал автор, — не похоже на добрые старые времена торжественных выездов начальства в Москву! Невольно спрашиваешь, куда девалось господствующее словие в России — дворянство?» «Купцы решительно выступают в роли древних дворян, они требуют себе привилегий во имя бесспорных государственных и всенародных интересов. А дворянство... добровольно обрекает себя на чисто служебную, наемническую роль...» Коковцов выдержал экзамен у биржевиков «на двенадцать баллов»⁴⁰.

Итак, царизм не сумел решить рабочий вопрос в третьеиюньский период. Причиной этого была общая революционная ситуация, углублявшаяся с каждым днем. Тем не менее оказалась к этому способна русская буржуазия, у которой всегда узкоклассовый, корыстный интерес превалировал над ее общеклассовыми интересами.

⁴⁰ «Новое время», 7 апреля 1912 г.

ВТОРОЙ «МИНИСТЕРСКИЙ» КРИЗИС

Обострение противоречий внутри третьеиюньского блока. Обострение противоречий между царизмом и буржуазией во второй половине существования III Думы целиком определялось начавшимся в стране новым революционным подъемом. Отражением безостановочного левения страны был усилившийся процесс «левения» буржуазии, в том числе и октябристской, самой трусливой и косной.

Накануне открытия третьей сессии орган октябристов писал: «Момент серьезен... слово теперь за правительством...» Перечислив первоочередные «реформы», которые все еще ждали своего осуществления, газета вопрошала: «Готово ли на это правительство?... Скоро, наконец, выяснится окончательно: ...будет ли обновляющая деятельность Г. Думы идти в сотрудничестве с правительством или вопреки ему?»¹

Всячески распинаясь перед Столыпиным и по-прежнему связывая с ним свою судьбу и надежды, октябристы в то же время стали все чаще выражать недовольство премьером за его перманентную капитуляцию перед «темными силами» — камарильей и правыми Государственного совета. «И в Думе и вне Думы, — говорилось в передовой,

¹ «Голос Москвы», 18 октября 1909 г.

озаглавленной «Попутчики?», — представители Союза 17 октября, отдавая должное личным качествам П. А. Столыпина, неуклонно указывали на многие ошибки правительственного курса, страдающего раньше всего недостаточной определенностью». Причина этого кроется «в чрезмерной подверженности закулисным влияниям»².

Однако основным объектом своей критики октябристы сделали Государственный совет. Деятельность его оценивалась как «систематическое отрицание всего принятого Думой курса». «Мы должны, конечно, признать, — говорилось в другой передовой, — что общий итог законодательной работы за истекшие 2½ года крайне ничтожен. Но в этом виновата уже не Дума. Ее работа встречает систематическое противодействие в Г. Совете, на деятельность которого реакционная группа оказывает почти решающее влияние»³.

Оппозиционные ноты зазвучали явно сильнее, по сравнению с прежними годами, при обсуждении сметы Министерства внутренних дел на третьей сессии. Центральным моментом явилась речь Маклакова, выразившая тревогу всего либерально-буржуазного лагеря.

Если революция, заявил Маклаков, «экзамен обществу, то реакция экзамен правительству». Общество, осудил по-веховски революцию Маклаков, экзамена не выдержало. Но не выдержала экзамена и реакция. Одно время «явилась надежда, что перед нами дальновидное правительство, правительство, которое, подобно историческим усмирителям революции, понимает, что задача мудрой реакции есть осуществление всего, что было здорового в революции...». В этой надежде, делал дальше оратор весьма ценное признание, «общество» наградило правительство «такой моральной поддержкой, таким доверием, таким сочувствием, которыми... ни одного представителя власти не наделяло»⁴. Но вместо того чтобы сотрудничать с «новым строем», правительство ведет себя как «худший враг» этого «нового строя». «Почему, — с недоумением задавал вопрос Маклаков, — оно ведет себя так, что при его управлении новый государственный строй становится не источником силы, а источником слабости для государства?» Прави-

² «Голос Москвы», 28 октября 1910 г.

³ Там же, 19 ноября и 29 декабря 1909 г.

⁴ Ст. от., с. III, ч. 2, стб. 1774—1775.

тельство должно понимать, что «при такой системе управления оно на свою голову допускает существование и представительного строя и представительных учреждений». «Трагизм заключается в том, что при той системе управления, которой следует министерство, для этой системы управления новый строй, Дума, есть источник слабости, а не силы». При чем Дума, которая делала и делает все, что от нее требует правительство. «Ведь третья Государственная Дума,— говорил кадетский оратор,— пришла дать правительству все то, что от нее требовали. Оно требовало осуждения террора — она осудила террор, не затронувши ни одним словом террора правительственного; от нее требовали утверждения аграрных законов — она утвердила; она принялась за воссоздание военной мощи России — как раз то, чего тоже от нее требовало правительство»⁵.

В том же духе выступил и прогрессист Н. Н. Львов. Правительство, заявил он, отказавшись от осуществления манифеста 17 октября, «восстановило всех против себя и не имеет никого на своей стороне». Его политика пагубно отразилась и на авторитете Думы: «Дума падает в своем авторитете... Правительство, преследуя и угнетая общество, сокрушает и Государственную Думу». В результате «начинается скрытая, затаенная гражданская война, война, которая делает непримиримыми отношения к правительству... Рождается вновь та неумолимая ненависть, которая составляет весь ужас нашего положения, и я боюсь, что, идя таким путем, мы вновь придем, мы вновь вернемся к тому кровавому кошмару, который погубит будущее России»⁶.

Позиция «центра» была изложена Гучковым. Уже самый факт его выступления, по мысли октябристов, должен был подчеркнуть как серьезность наступившего момента, так и серьезность заявления, делаемого их лидером. Гучков начал с ценного признания: «Мы (октябристы.— А. А.),— заявил он,— и в стране и здесь чувствуем себя по некоторым вопросам несколько изолированными...» Далее его речь сводилась к обычному октябристскому тезису, гласящему, что, поскольку «действительно наступило в стране успокоение и до известной степени успокоение

⁵ Ст. от., с. III, ч. 2, стб. 1777, 1784—1785.

⁶ Там же, стб. 1872, 1876.

прочное», ничто не мешает проведению «реформ». Тем не менее им чинятся серьезные препятствия «вне этой залы», в «иных законодательных инстанциях». Закончил Гучков свою речь словами: «Итак, я резюмирую эту позицию, которую принимает наша фракция по отношению ко всем тем вопросам, которые дебатировались здесь по смете Министерства внутренних дел: мы, гг., ждем»⁷.

Ясный и точный ответ октябристско-кадетские либералы получили от Маркова 2-го, предпочитавшего всегда ставить точку над «i». «Возражать,— издевался он над «оппозиционерами»,— против пожеланий благих не следует: отчего не выражать из года в год своих пожеланий, хотя все-таки из этих пожеланий в общем никакого практического результата не получается». «...Желания Думы не могут и не должны быть обязательны для правительства». На основной вопрос — наступило «успокоение» или нет — Марков отвечал следующим образом. Нас уверяют, что в стране наступило «успокоение». Это ошибка: политические «метеорологи» судят «по чисто внешним признакам». Конечно, теперь «сушь и тишь», но не надо забывать, что «сушь и тишь бывает обыкновенно перед бурей». Сейчас не стреляют, но между стрельбой и полным благополучием «есть целый ряд градационных положений. Вот мы и находимся в одном из таких переходных положений», когда «русскому государству угрожают большие опасности», и поэтому «охранять государство необходимо так, как это и делает теперешнее правительство»⁸. Эти слова Маркова служат великолепной иллюстрацией к ленинскому положению, что страна и в годы столыпинской реакции переживала не конституционный, а революционный кризис, сохранялась объективная революционная ситуация.

О мере «оппозиционной» решимости думских либералов можно судить хотя бы по тому, что не только октябристы, но и прогрессисты проголосовали за смету Министерства внутренних дел. Только кадеты проголосовали против, как они это сделали еще в прошлом году. Но поставить вопрос об отвержении бюджета в целом кадеты не помышляли.

Очередным оппозиционным выпадом октябристов была речь Гучкова по избрании его председателем Думы в марте

⁷ Ст. от., с. III, ч. 2, стб. 1970—1972, 1974.

⁸ Там же, стб. 1801, 1808—1809.

1910 г. Ее пафос заключался в следующих словах: «Мы часто жалуемся,— говорил октябристский лидер,— на различные внешние препятствия, тормозящие нашу работу или искажающие ее конечные результаты. Мы не должны закрывать на них глаза; с ними нам приходится считаться, а может, придется и сосчитаться»⁹. Таким образом, терпеливое «мы ждем» было заменено угрозой «сосчитаться». Всю очевидную смехотворность этой угрозы немедленно разоблачила газета Рябушинского. «Сосчитаться — прекрасно! — иронически восклицала газета. — Но с кем и когда? А главное, какими средствами?»¹⁰.

И действительно, к концу года жалкий финал угрозы Гучкова был констатирован его же собственной газетой в передовой, озаглавленной «В тупике». Будучи избран председателем Думы, Гучков заявил о необходимости «сосчитаться». С тех пор «прошел год. Положение не только не улучшилось, но запутывалось все более и в настоящее время представляется почти безнадежным»¹¹.

При обсуждении сметы Министерства внутренних дел на четвертой сессии знакомые нам октябристские жалобы и претензии изложил Шидловский, причем в самой благонамеренной и предельно скромной форме, что было сделано специально: для того чтобы подчеркнуть лояльность и готовность «центра», несмотря ни на что, продолжать сотрудничать с правительством, если последнее хоть в какой-то степени изъявит готовность внять голосу «общества».

Но и демонстрация смирения дала тот же результат, что и пустые угрозы. Отвечая на речь Шидловского, передовая столыпинской «России» с нескрываемым пренебрежением указывала: «Мы напомним бы, что правительство никогда не примежевывалось ни к какой политической партии, так что, очевидно, никакая политическая партия не может и заявлять, что с того или иного момента она отмежевывается от правительства». Что же касается упрека, что Министерство внутренних дел превратилось главным образом в полицейское ведомство, газета писала: «...Допустим, что так оно и есть в действительности. Какой следует вывод? Не тот, надеемся, что правительство не

⁹ Ст. от., с. III, ч. 3, стб. 451.

¹⁰ «Утро России», 16 марта 1910 г.

¹¹ «Голос Москвы», 20 ноября 1910 г.

понимает разницы между административной и полицейской деятельностью или что оно занимается этой последней из любви к искусству. Остается последнее: следовательно, страна переживает момент, когда приходится уделять полицейской деятельности больше внимания, чем того, быть может, хотело бы само правительство»¹². Это было признание в духе Маркова 2-го, но сделанное уже правительственным официозом.

Страх перед приближением революции охватил весь контрреволюционный лагерь. «Недовольны,— говорил Маклаков, вторя Шидловскому,— в настоящее время центральные элементы страны, которые более всего хотят мира, прочного мира, которые боятся новой вспышки революционной войны... Тот лозунг, гг., который мы видим в России, один: все говорят, что если мы будем идти дальше по тому пути, по которому нас ведут, то нас приведут ко второй революции, и это сознание живо, несмотря на то, что внешние условия как будто сложились благополучно (т. е. хотя внешне пока все выглядит спокойно.— А. А.)»¹³.

Не меньшую тревогу испытывали «верхи» и правые. Отражая их настроения, Меньшиков в статье с характерным заголовком «Кто у власти?» писал: «Судя по бумагам, у власти находятся П. А. Столыпин и „объединенное правительство“». Но «кто же тут (в государственной жизни.— А. А.) хозяин?.. Г. Дума или правительство, П. А. Столыпин или А. И. Гучков, министры или г-да народные представители?» «Для той части русского общества, что сознает громадную важность текущего момента, слишком очевидна неуспешность нашей государственной работы». «Новый режим прекрасная вещь, но дайте нам его! Ведь его нет...» «Правительство наше несомненно видит расстройство государственных дел, видит его и Г. Дума. Но и кабинет, и парламент одинаково слабы, чтобы как-нибудь выбраться из прискорбного положения»¹⁴.

Другой нововременский публицист И. А. Гофштеттер, в статье «А воз и ныне там» очень убедительно развенчивал основной тезис либералов, доказывавших, что виновника-

¹² «Россия», 27 февраля 1911 г.

¹³ Ст. от., с. IV, ч. 2, стб. 2841.

¹⁴ «Новое время», 6 марта 1910 г.

ми всех «конституционных» бед являются лица, строящие козни, вроде правых Государственного совета и непосредственного окружения царя, а не объективные факторы. «Но можно ли серьезно утверждать, — резонно спрашивал автор, — что во всех наших конституционных неудачах виноваты определенные лица?» Ведь «что-то такое делает их (министров — «убежденных конституционалистов». — А. А.) бессильными в конституционном строительстве и заставляет работать в противоположном направлении?» «„Министерство злой воли“ — черный фантом, существующий в воображении революционизированных гимназистов. Когда взрослые люди становятся на детскую точку зрения и серьезно проповедуют, что конституцию съел злой дядя в вышних чинах, становится только смешно». «Ни прогресс, ни реакцию не следует понимать слишком персонально. Самые сильные люди и самые высокие персоны, не умея найти опоры в окружающей среде, растерянно мечутся и направо и налево, то бегут вперед, то круто поворачивают назад...»¹⁵ Это было отличное, вполне материалистическое объяснение причины кризиса «верхов», делавшее честь черносотенному публицисту и ставившее его на голову выше либеральных теоретиков и доктринеров вроде Струве, Изгоева и др., которые объясняли этот кризис и провал «конституционного» пути именно волей «злых дядей в чинах».

Ту же идею развивал и Меньшиков. «Событий много, — писал он в статье «Общая неудача», — но над всеми ими веет невидимое присутствие одной тревоги: неудача с парламентом». Кадеты все время твердят, что необходимо дать «конституцию» и тогда все будет в порядке. Но уже столь частые повторения говорят о негодности рецепта: «Когда дождевая туча нависла над полем, нечего служить молебны о дожде: он сам хлещет. Именно то, что полный парламентаризм не дан, доказывает, что для него нет условий...»¹⁶.

Весьма сильное воздействие на общее настроение контрреволюционного лагеря оказали события конца 1910 — начала 1911 г., связанные со смертью председателя I Думы С. А. Муромцева и Льва Толстого и избиениями политических заключенных в вологодской и зерентуйской катор-

¹⁵ «Новое время», 17 марта 1910 г.

¹⁶ Там же, 25 марта 1910 г.

жных тюрьмах. В первой тюрьме было высечено 100 заключенных, во второй, в знак протеста против телесных наказаний, покончил самоубийством Егор Сазонов, убийца Плеве¹⁷. Все это послужило толчком к широкому студенческому движению. В ряде университетских городов начались забастовки студентов. В подробном обзоре, сделанном в департаменте полиции, констатировалось, что это движение, начавшись как оппозиционное, в скором времени приобрело ярко выраженный революционно-демократический характер. Дело шло к всероссийской студенческой забастовке¹⁸.

Правительство решило разгромить забастовку в самом начале, не останавливаясь ни перед какими средствами. Применены были поистине драконовские меры, выразившиеся прежде всего в массовых исключениях студентов. За учиненный разгром университетов и высших учебных заведений министр просвещения Кассо получил одобрение со стороны «объединенных дворян». В частности, ему было послано письмо, в котором говорилось: VIII съезд уполномоченных дворянских обществ (март 1912 г.) «единогласно постановил выразить горячее сочувствие Вашей неутомимой и высокополезной деятельности и уверенность, что все чинимые Вам препятствия не остановят Вас на избранном пути». Кассо в свою очередь прислал ответ, в котором благодарил съезд за поддержку¹⁹.

Студенческое движение вызвало у реакции ассоциации с кануном 1905 г. Оно испугало ее не само по себе, а как повод, искра, могущая зажечь всеобщий пожар. В статье «Хирургическая мера» Меньшиков, полностью одобряя меры, принятые правительством, уверял, что в противном случае дело кончилось бы новой революцией²⁰.

В другой статье Меньшиков ставил вопрос еще более определенно: «Вероятна ли теперь в России всеобщая забастовка? — спросит иной утонченно-слабый читатель. Другими словами: стоит ли тревожиться и не лучше ли перевернуться на другой бок, ничего не делая? Мне кажется, всеобщая забастовка вероятна, ибо она понемногу уже начинается». Доказательством служат забастов-

¹⁷ «Речь», 30 ноября 1910 г.

¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1911 г., д. 53а, лл. 1—15.

¹⁹ ЦГАОР СССР, ф. 584, оп. 1, д. 33/181, лл. 3, 6, 8—9.

²⁰ «Новое время», 11 декабря 1910 г.

ки в высших учебных заведениях: именно с них «началась и так называемая революция 1905 года»²¹.

Это мнение было отнюдь не личным. Оно отражало настроение всего правого лагеря. 3 декабря 1910 г. председатель Постоянного совета объединенного дворянства граф А. А. Бобринский записал в своем дневнике: «...революция делает свое... и дворянство готовится бороться вновь с „иллюминациями“ усадеб при дегенератном попустительстве правительства». Спустя два дня он записал: «То, что происходит теперь, не ясно. По-видимому, зачинается за ря 2-ой революции»²². Это писалось не для публики.

Кадетская оценка полностью совпадала с оценкой правых. «Пять лет спустя после манифеста 17 октября, — констатировала «Речь», — мы очутились перед картиной, близко напоминающей дооктябрьские времена»²³.

Но если правые считали, что единственный способ приостановить процесс — это быстрые и жестокие репрессии, то либеральная буржуазия, наоборот, полагала, что такой путь лишь приближает революцию, приводит ко всеобщему озлоблению и ненависти против существующего строя. Наиболее крупным проявлением подобного беспокойства было известное письмо 66 московских капиталистов, опубликованное в газете «Утро России». В письме, в частности, говорилось: «Мы являемся убежденными сторонниками необходимости настойчивой и непреклонной борьбы с студенческими забастовками...» Однако протесты студентов — это результат последних мероприятий правительства. О них нельзя молчать, так как молчание может быть воспринято как поддержка и одобрение «страны»²⁴. Письмо было подписано в основном представителями «прогрессистской» буржуазии: Рябушинскими, А. И. Коноваловым, С. И. Четвериковым, И. Д. Морозовым, С. Н. Третьяковым и др. Оно вызвало многочисленные нападки правых и октябристов, одобрение и сочувствие либералов.

В замечательной статье «Заметки. Меньшиков, Громобой, Изгоев» В. И. Ленин очень ярко охарактеризовал состояние растерянности и тревоги, охватившее весь

²¹ «Новое время», 6 января 1911 г.

²² «Красный архив», 1928, № 1 (26), стр. 140.

²³ «Речь», 6 декабря 1910 г.

²⁴ «Утро России», 11 февраля 1911 г.

контрреволюционный лагерь. Приведя слова Меншикова, упрекавшего либеральную буржуазию, в частности 66 московских тузов, за то, что она «подзуживает» революцию, не понимая, что станет первой же ее жертвой, В. И. Ленин писал: «Наверно нет ни единой страны в Европе, где бы в течение XIX века сотни раз не раздавался этот призыв „старой государственной власти“, а также дворянства и реакционной публицистики, адресуемый к либеральной буржуазии, призыв „не подзуживать“... И никогда призывы не помогали, хотя „либеральная буржуазия“ не только *не хотела* „подзуживать“, а, напротив, с такой же энергией и искренностью боролась с „подзуживателями“, с какой 66 купцов осуждают забастовки. Как осуждения, так и призывы бессильны, раз дело идет о всех условиях жизни общества, заставляющих тот или иной класс чувствовать невыносимость положения и говорить об этом. Г. Меншиков правильно выражает интересы и точку зрения правительства и дворянства, пугая либеральную буржуазию революцией и упрекая ее за легкомыслие. 66 купцов правильно выражают интересы и точку зрения либеральной буржуазии, упрекая правительство и осуждая „забастовщиков“. Но взаимные упреки — только симптом, неопровержимо свидетельствующий о крупных „недостатках механизма“, о том, что, несмотря на все желание „старой государственной власти“ удовлетворить буржуазию, сделать шаг в ее сторону, создать для нее очень влиятельное местечко в Думе, несмотря на сильнейшее и искреннейшее желание буржуазии устроиться, ужиться, поладить, приспособиться — „приспособления“ все же не выходит! Вот в чем суть, вот где канва, а взаимные упреки — одни узоры»²⁵.

Это было написано буквально за неделю до нового «министерского» кризиса. Вот эта неспособность партнеров по контрреволюции, несмотря на обоюдное желание выйти из революционного кризиса путем решения задач революции сверху, и привела к новому резкому обострению кризиса «верхов». Поскольку иного курса, кроме третьеиюньского, царизм вести не мог, ибо других возможностей в его распоряжении уже не было, каждая новая попытка выйти из заколдованного круга неизбежно выливалась в борьбу

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 148—149.

групп, клик, влияний. Усиливался натиск неофициального правительства на правительство официальное и прежде всего на его главу. Второй «министерский» кризис в этом отношении был точной копией первого. Однако последствия его были значительно серьезнее.

Второй «министерский» кризис. Кризис и на этот раз был развязан Государственным советом, его правым крылом, решившим нанести удар Столыпину.

Поводом для похода против премьера был избран законопроект о западном земстве. Это было сделано отнюдь не случайно. Законопроект был первым совместным выступлением Столыпина с националистами как новой правительственной партией. Поэтому Столыпин придал законопроекту демонстративно-принципиальное значение, связав его по существу с вопросом о доверии к нему со стороны верхов.

Борьбу против Столыпина возглавили лидеры правых в Государственном совете П. Н. Дурново и В. Ф. Трепов. Объектом нападения они избрали центральный пункт законопроекта — вопрос о национальных куриях. Главное обвинение состояло в том, что такие курии принципиально несовместимы с основными государственными устоями, так как они исходят из идеи, грозящей опасным прецедентом: в Российской империи нерусские национальности могут иметь свои особые выборные представительства, выражающие собственные интересы, отличные от интересов «русской государственности». На самом деле это было пустым предлогом, так как оба избирательных закона предусматривали выборы в Думу от отдельных национальностей.

Кампания на этот раз велась очень продуманно и скрытно. Столыпин до самого последнего дня не подозревал о грозившей ему опасности, так как считал, что законопроект поддерживался царем. «Он был настолько уверен в успехе, — свидетельствует Коковцов, — что еще за несколько дней до слушания дела... он не поднимал вопроса о необходимости присутствия в Государственном совете тех из министров, которые носили звание членов Совета для усиления своими голосами общего подсчета голосов» ²⁶.

²⁶ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919, т. I. Париж, 1933, стр. 451.

«Редко бывает,— анализировала в разгар кризиса суворинская газета,— чтобы какой-нибудь законопроект проходил установленный порядок законодательного рассмотрения столь благоприятно, как этот законопроект о западном земстве. В Г. Думе он получил одобрение. В особой комиссии Г. Совета, образованной для его рассмотрения, значительным большинством голосов он был принят. Наконец, Г. Совет после общих прений большинством двух третей голосов принял переход к постатейному обсуждению, что обыкновенно служит предрешением благоприятной судьбы проекта» ²⁷.

То же писала и столыпинская «Россия». Законопроект собрал большинство в комиссии — факт, «совершенно точно отражающий настроение и соотношение сил общего собрания». «Внушительное большинство» пленарного заседания Государственного совета проголосовало за переход к постатейному чтению. Следовательно, законопроект «потерпел крушение» не потому, что оказался неприемлемым для верхней палаты сам по себе, а «в порядке таких действий и условий, которые, конечно, с государственной точки зрения не заслуживают рассмотрения» ²⁸.

В том же духе писали «Голос Москвы», «Речь» и другие газеты. «Новое время» суммировало общее мнение следующим образом: «Столыпину устроили ловушку» ²⁹.

Как потом стало известно, Трепов в личной аудиенции с царем добился для членов Государственного совета права голосовать «по совести», т. е. против законопроекта. 4 марта 1911 г. Государственный совет принял поправку, отвергавшую национальные курии. В ответ Столыпин подал в отставку, и в течение нескольких дней вся «большая» пресса писала о том, что отставка принята, называя тут же имена возможных преемников. Однако неожиданно оказалось, что Столыпин остается на своем посту, причем на определенных, выдвинутых им и принятых царем условиях удаления «в отпуск» до 1 января 1912 г. Дурново и Трепова и роспуска обеих палат на три дня, с 12 по 14 марта, с тем чтобы провести законопроект о западном земстве

²⁷ «Новое время», 13 марта 1911 г.

²⁸ «Россия», 13 марта 1911 г.

²⁹ «Новое время», 3 апреля 1911 г.

в его прежнем виде по 87-й статье³⁰. Узнав об этом, Государственный совет 11 марта провалил законопроект в целом. Но Столыпин, с согласия царя, через три дня провел его в чрезвычайном порядке.

Казалось, Столыпин одержал полную победу, однако на самом деле это была пиррова победа. «Столыпин и его прихвостни,— писал по этому поводу Витте,— торжествовали, но для мало-мальски дальновидного человека было ясно, что это торжество накануне его политической гибели»³¹. То же самое писал и Шидловский. Столыпин, указывал он, совершил «акт политического самоубийства»³². Сам Столыпин также говорил Коковцову, что его дни, как премьера, сочтены, что до него «добираются со всех сторон» и он «здесь не надолго»³³.

Помимо заступничества нескольких великих князей, одной из причин временного оставления Столыпина на посту было нежелание верхов создавать «конституционный» прецедент — принятие отставки на базе конфликта исполнительной власти с «представительными учреждениями». Коковцов указывает, что, когда после провала курий Столыпин подал прошение об отставке, царь заявил ему, что он не может «допустить подобный исход под влиянием частичного несогласия Совета. Во что же обратится правительство, зависящее от меня, если из-за конфликта с Советом, а завтра с Думою будут сменяться министры?»³⁴. Было решено убрать Столыпина потихоньку. «По-

³⁰ Эта статья гласила: «Во время прекращения занятий Государственной Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет Министров представляет о ней государю императору непосредственно. Мера эта не может, однако, вносить изменений ни в Основные государственные законы, ни в учреждения Государственного Совета или Государственной Думы, ни в постановления о выборах в Совет или в Думу. Действие такой меры прекращается, если подлежащим министром или главноуправляющим отдельной частью не будет внесен в Государственную Думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятый законопроект или его не примут Государственная Дума или Государственный Совет». («Государственная Дума в России в документах и материалах». Составил Ф. И. Калинычев. М., 1957, стр. 144).

³¹ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 3, стр. 546.

³² С. И. Шидловский. Воспоминания, ч. I. Берлин, 1923, стр. 196.

³³ В. Н. Коковцов. Указ. соч., т. I, стр. 458.

³⁴ Там же, стр. 454.

литически Столыпин был уже конченным человеком, — говорил значительно позднее (после убийства Распутина) А. В. Кривошеин (министр землеустройства и земледелия при Столыпине) Гучкову. — Отставка его была уже решена; только искали формы и повода для его перемещения на невлиятельный пост»³⁵.

По одним данным, предполагался перевод Столыпина наместником на Кавказ, по другим — для него намечалось учредить пост восточносибирского наместника³⁶.

В конце концов выход был найден охранкой, отправившей неудавшегося Бисмарка на тот свет с помощью своего агента Богрова, который смертельно ранил Столыпина 1 сентября 1911 г. О том, что это сделала охранка, свидетельствует ряд хотя и косвенных, но достаточно убедительных данных.

Верхи, правая и либеральная печать одинаково признали, что причиной политической гибели Столыпина был крах его бонапартистской политики. Была бита, констатировал Трепов при обсуждении законопроекта о западном земстве, ставка Витте на крестьянскую Думу, но также бита ставка Столыпина и на III Думу³⁷.

В статье «В чем кризис?» Меньшиков писал: «Было бы неправдой утверждать, что П. А. Столыпин непопулярен. Напротив, он пользуется общим уважением, но в этом уважении чувствуются как бы ноты некоторого разочарования». «Мы все ждем появления больших людей, очень больших, великих. Если данная знаменитость получила величие в аванс и вовремя не погасила его, — общество этого не прощает». «Годы идут, но б о л ь ш о г о дела что-то не видно». Столыпин «имел счастье дожидаться заметного успокоения», но «увы, маятник остановился лишь на одну секунду, и, кажется, мы снова... начинаем катиться влево».

Нет положительной идеи для борьбы с революцией — таков вывод Меньшикова. А «даже гениальные люди — каковы Наполеон и Бисмарк — были бессильны вне всякой идеи». «Кризис не в том, — писал Меньшиков в заключение, — что Гос. Совет разошелся с П. А. Столыпиным, а в том, что последний не в состоянии стать хозяином положения...»³⁸. Это был приговор Столыпину.

³⁵ «Последние новости», 2 сентября 1936 г., № 5640.

³⁶ «Вопросы истории», 1965, № 1, стр. 101; «Последние новости», 30 августа 1936 г., № 5637.

³⁷ Гос. совет. Ст. от., с. VI, стб. 927.

³⁸ «Новое время», 8 марта 1911 г.

Такую же оценку положения давала и кадетская «Речь». «От возможного крушения,— писала она,— наш премьер ускользал до сих пор, передвигаясь вправо и подхватывая тот лозунг, которым пробовали воспользоваться против него». Но «эта игра... не могла продолжаться бесконечно». «Вправо поворачивать дальше некуда... Для этой политики услуги П. А. Столыпина больше не нужны... И справа и слева слишком хорошо понимают, что на одной отрицательной программе „успокоения“ нельзя же оставаться навек. А ни на что другое присяжные „успокоители“ не показали себя способными. Мало того, слишком ясно становится теперь, что и самый момент „успокоения“... они не сумели использовать, принявши средство за цель». Эту же мысль «Речь» разъясняла цитатой из одной влиятельной немецкой газеты, которая писала: «Он (Столыпин.— А. А.) сделал все для подавления минувшей революции, но очень мало для предотвращения революции будущей»³⁹.

«Парламентский» кризис. «Парламентский» кризис был вызван трехдневным роспуском палат, которого Столыпин потребовал для проведения законопроекта о западном земстве в порядке 87-й статьи Основных законов. Искусственный перерыв занятий Думы и Государственного совета после четырехлетнего существования третьей юнкерской Думы означал полный провал думского бонапартизма Столыпина. «Конституция» предстала перед страной как чистейшая фикция: с «народным представительством» царизм мог так же мало церемониться, как мало церемонился он с каким-нибудь губернским земством.

Выразив свою радость по поводу оставления Столыпина у власти, октябристский официоз далее писал: «Другое дело — обстоятельства, сопровождающие возвращение П. А. Столыпина». «Упрочение данного прецедента на практике может привести к очень опасным последствиям, и, логически рассуждая, таким путем можно и совсем свести на нет значение законодательных учреждений»⁴⁰.

Дума ответила на роспуск четырьмя запросами (октябристов, прогрессистов, кадетов и социал-демократов). Гучков в знак протеста сложил с себя председательские полномочия.

³⁹ «Речь», 7 и 9 марта 1911 г.

⁴⁰ «Голос Москвы», 13 марта 1911 г.

Государственный совет также сделал запрос. Отвечая на него, Столыпин заявил: «Из-за несогласий между палатами не могут страдать интересы страны. Законодательные учреждения обсуждают и голосуют, а действует и несет ответственность правительство». В том же духе он выступил и в Думе. Октябристская газета справедливо указывала: «Отсюда недалеко до низведения роли законодательных палат к чисто формальному санкционированию правительственных законопроектов без права критики и тем более без права их отклонения». А «отсюда уже один шаг до полного упразднения законодательных учреждений»⁴¹.

Правые и националисты возражали против запросов. Позиция их была очень проста. Граф А. А. Бобринский охотно признал, что «издание высочайшего указа 14 марта 1911 г. о введении земских учреждений в шести западных губерниях не соответствует точному смыслу ст. 87 Осн. Зак.». Но это не имеет ровно никакого значения: «Несоответствие это... не должно бы служить основанием для запроса, ибо самый акт, по поводу которого запрос предъявлен, есть волеизъявление верховной самодержавной власти, являющейся источником закона»⁴². Иначе говоря, царь имеет право в любой момент нарушать и отменять любые законы, в том числе и Основные, потому что он самодержец — «источник закона».

То же самое заявил от имени националистов А. А. Мотовилов. «Мы считаем, — говорил он, — что державный хозяин земли русской имеет всегда не только право, но и святую, искони дарованную ему возможность временно приостанавливать действия того учреждения, которому жизнь он сам дал, а поэтому мы не находим никакой неправильности в действиях председателя Совета Министров...»⁴³.

Речь Маркова 2-го служит превосходной иллюстрацией к ленинской мысли о том, что вопрос о «конституции» — это вопрос о соотношении классовых сил. «Я, гг., — начал курский «зубр», насмешливо обращаясь к либералам, — имел в виду с вами побеседовать о конституции». «Гг., уверяю вас, вы достойны жалости; никакой конституции у нас не было, нет и не будет... и нарушать то, чего нет, невоз-

⁴¹ «Голос Москвы», 3 апреля 1911 г.

⁴² Ст. от., с. IV, ч. 3, стб. 726.

⁴³ Там же, стб. 729—730.

можно». «Ведь вы, гг. конституционалисты,— издевался он,— вы не должны забывать, что вы опираетесь только на бумажный закон и за вами нет никакой силы; эти же господа (указывая налево), когда они резко, быть может, даже иногда грубо, нападают на правительство, то за ними есть сила, сила решимости идти на революцию, идти на баррикады, а вы, гг. (обращаясь к центру), на баррикады не пойдете, уверяю вас (смех)... так что же за вами? Вы пускаете вашими картонными мечами, размахиваете вашими бумажками, а вам скажут: уходите прочь,— и вы уйдете и будете трястись от страха. К чему же еще такой грозный тон принимать? Это вам не идет, это вам не к лицу»⁴⁴. Это была уничтожающая и совершенно справедливая оценка октябристско-кадетских «либералов».

Однако в позиции правых и националистов была та существенная разница, что, оправдывая роспуск Думы, правые одновременно резко нападали на Столыпина. Сделано это было Пуришкевичем. О действиях председателя Совета министров, заявил он, «только один холоп может молчать». Столыпин «низринул авторитет и значение Государственного Совета». Он «позволил себе со- считаться, крича всюду о закономерности, с председателем правых Государственного Совета П. Н. Дурново...», хотя его заслуги «не могут сравниться в смутные годы с заслугами П. Н. Дурново...» Он потребовал «выдать головой себе своего политического противника, одного из самых выдающихся, сильных, мощных и талантливых людей России». Дальше шло главное. «Я понимаю,— говорил Пуришкевич,— стремление Столыпина попасть в Бисмарки, но для того, чтобы попасть в Бисмарки, нужно отличаться пронизательным умом и государственным смыслом; а в этом поступке нет ни пронизательного ума, ни государственного смысла..., ибо, говорю я, если Столыпин за все время своего управления говорил об успокоении и не добился успокоения, если он говорил об усилении России и не добился усиления, то он этим шагом достиг и добился одного — добился полного объединения, за малым исключением, всего благомыслящего русского общества в одном: в оппозиции самому себе»⁴⁵.

⁴⁴ Ст. от., с. IV, ч. 3, стб. 796—797, 799.

⁴⁵ Там же, стб. 789, 790, 798.

Октябристы, конечно, выступили в защиту поправленной «конституции». Но их положение было трудное. Отвечая на упрек своего бывшего соратника Гололобова, справедливо заметившего, что октябристы не имеют никакого морального права для протеста, так как сами сидят в Думе благодаря изданному в нарушение Основных законов третьеиюньскому избирательному закону, барон А. Ф. Мейендорф возразил: «Но... не все ли гг. члены Государственной Думы заседают здесь по акту 3 июня?...»⁴⁶. Таким образом, октябристы лишней раз разоблачили самих себя и Думу в целом.

Кадеты использовали «парламентский» кризис, чтобы вновь предложить октябристам пойти на «левый центр». «Ведь он (Столыпин.— А. А.),— говорил Милюков,— давно хочет от вас отделаться, и вот наступает для него удобный политический момент». Шидловский оправдывался, говоря, что «центр» своим поведением не давал основания правительству рассчитывать на то, что проведенная им мера может встретить его согласие. «Я рад был бы этому объяснению, как я рад вообще настроению, созданному в нашем центре,— особенно если это настроение окажется прочным. Но я все-таки должен сказать: не потому к вам не обратились, что боялись вашего неодобрения, не потому, что боялись, что вы разрушите в корне эту меру, если о ней узнаете. К вам не обратились потому, что считали согласие ваше у себя в кармане». Дальше шло предложение союза: «Прошлого не воротишь. Не надо скрывать от себя, что Дума ранена смертельно»⁴⁷.

Но октябристы и на этот раз во всем остались верны себе. Сразу же после роспуска Думы фракцией было «единодушно постановлено»: 1) довести до сведения Столыпина, что проведение законопроекта о западном земстве по 87-й статье фракция считает незаконным и поэтому будет голосовать против него, когда он попадет в Думу; 2) в случае применения 87-й статьи внести запрос о незаконных действиях председателя Совета министров; 3) в этом же случае обсудить вопрос о коллективном сложении с себя депутатских полномочий⁴⁸. Накануне заседания, 12 марта, Родзянко, П. В. Каменский и др. посетили Столыпина и сделали ему заявление

⁴⁶ Ст. от., с. IV, ч. 3, стб. 3006.

⁴⁷ Там же, стб. 750—751.

⁴⁸ «Голос Москвы», 13 марта 1911 г.

в духе принятого постановления⁴⁹. Дальнейшее поведение октябристов красочно описало «Утро России» в статье Н. Лопатина «Герои отступлений». «Они опять отступают,— восклицал автор.— В этом отношении они неисправимы — хоть брось». Можно подумать, что лидер у октябристов не Гучков, а Куропаткин. Сначала решили сложить с себя депутатские полномочия. Пробыли в этом состоянии минут двадцать, «потом скромно потушили глазки и пошли назад». Возникла идея не утверждать бюджет и не дать денег на броненосцы. «Братцы, назад»,— закричал Алексеенко. Было предложено отвергнуть законопроект о западном земстве: «остановились, постояли и опять поползли назад». «Назад, бегом марш!»⁵⁰.

Последнее отступление октябристов было связано с выбором нового председателя Думы. Вначале они решили выдвинуть «левого» октябриста Алексеенко. Это означало бы избрание председателя вторым, октябристско-кадетским большинством. Однако прыти хватило ненадолго и победила кандидатура Родзянко. Он и был избран право-октябристским большинством. Газета Гучкова объявила выдвижение Родзянко «ошибочным шагом», заявив, что «левые» октябристы поступили «вполне правильно», голосуя против него⁵¹. Пикантность этого выступления обнаружилась две недели спустя, когда Родзянко в одном из своих интервью рассказал, что Гучков приезжал к нему домой уговаривать баллотироваться в председатели Думы⁵², в то время как публично он объявлял себя сторонником Алексеенко.

В ответ на избрание Родзянко пять членов бюро октябристской фракции вышли из бюро. Некоторые октябристы даже настаивали на выходе из фракции, но их уговорили подождать до осени. Однако бунт «пятерки» длился недолго: через два дня они все вернулись в бюро. Прогрессисты и кадеты расценили избрание Родзянко как полную капитуляцию октябристов. «Выборы Родзянко,— указывала передовая кадетского офицноза,— есть

⁴⁹ «Речь», 13 марта 1911 г.

⁵⁰ «Утро России», 18 марта 1911 г.

⁵¹ «Голос Москвы», 23 марта 1911 г.

⁵² «Речь», 7 апреля 1911 г.

примирение со Столыпиным. Точнее говоря, это есть сдача руководства той части Гос. Думы, которая с П. А. Столыпиным и не ссорилась,— и сдача на условиях, из которых исходил П. А. Столыпин: на условиях преобладания националистской половины Думы над октябристской»⁵³.

Но и кадеты заслуживали того же презрения, что и их соседи справа. Желая во что бы то ни стало приманить октябристов, они решили голосовать за Алексеенко. Более того, они заявили, что если и правые поддержат Алексеенку, то, быть может, вся Дума «вернется к тому единодушию», с которым была встречена кандидатура Хомякова. «Это единодушие показало бы, что вся Дума в целом понимает исключительную важность момента». Приведя эти слова и подчеркнув слово «вся», В. И. Ленин восклицает: итак, «„вся Дума в целом“, не более и не менее. Почаще надо бы вспоминать это при выборах в IV Думу!.. Дело ясное,— продолжал В. И. Ленин,— рабочие депутаты и трудовики для кадетов не в счет. Без них, но с правыми, с Марковым 2-м и Пуришкевичем, III Дума есть „вся Дума в целом“... Маленький вопрос о выборе нового председателя Государственной думы еще и еще раз напомнил очень немаловажную истину, что кадеты не демократы, а либерально умеренные буржуа, вожделеющие „единодушия“ „всей“ палаты зубров и октябристов. *Конкуренция* с октябристами — вот характер кадетской борьбы с ними»⁵⁴.

Далее В. И. Ленин останавливается на финале кадетских надежд на единодушие «всей Думы». Прочитывая слова парламентского обозревателя «Речи» о том, что для «левых» октябристов и кадетов «добрая половина дня прошла в тревоге»: вдруг Родзянко, делавший вид, что отказывается, «возьмет да согласится», В. И. Ленин с уничтожающим сарказмом писал: «Родзянко взял да согласился. Картина выборов получилась такая, что правые и националисты смеялись весело, хлопали восторженно. „Левые“ октябристы и кадеты молчали упорно, систематически молчали: они проиграли состязание на том поприще, на которое сами встали; они не могли радоваться; они *должны были молчать*»⁵⁵.

⁵³ «Речь», 29 и 23 марта 1911 г.

⁵⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 213.

⁵⁵ Там же, стр. 215.

Подводя итоги второго «министерского» кризиса, В. И. Ленин в специальной статье «О значении кризиса» писал: «Говорят: кризис ставит вопрос о нарушении конституции. На самом же деле кризис ставит вопрос о неправильном представлении октябристов и кадетов относительно конституции, о коренном заблуждении обеих партий на этот счет»⁵⁶. Приведя затем слова из статьи Громобоя «Разрытый муравейник» о неоправдавшихся обещаниях, В. И. Ленин делает следующий исключительный важный вывод:

«„Обещание“, по признанию октябристов, не оправдалось.

Что это значит?

На самом деле политика Столыпина была не обещанием, а политической и экономической реальностью последнего четырехлетия (если не пятилетия) русской жизни. И 3 июня 1907 года и 9 ноября 1906 (14 июня 1910 г.) — не обещания, а реальности. Организованные в национальном масштабе представители дворянского крупного землевладения и верхов торгово-промышленного капитала проводили, осуществляли эту реальность. И если теперь голос октябристского, московского (а, значит, и всероссийского) капитала говорит: „не оправдалось“, то этим подводится итог определенной полосе политической истории, определенной системе попыток „оправдать“ требования эпохи, требования капиталистического развития России посредством III Государственной думы, посредством столыпинской аграрной политики и так далее. Со всей добросовестностью, со всем усердием, не щадя живота, не щадя даже мощны, октябристский капитал помогал этим попыткам и теперь вынужден признать: не оправдалось.

Значит дело вовсе не в нарушении обещаний, не в „нарушении конституции“ — ибо смешно отрывать 14-ое марта 1911 года от 3-го июня 1907 года, — а в неисполнимости требований эпохи путем того, что октябристы и кадеты называют „конституцией“»⁵⁷.

Неисполнимость эта была обусловлена тем, что страна переживала не конституционный, а революционный кризис. Прочитировав слова Громобоя из той же статьи о том, что

⁵⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 223.

⁵⁷ Там же, стр. 224.

для защиты «истины» «не требуется Коперников и Галилеев», В. И. Ленин с иронией замечает: «Иллюзия, г. Громобой! Без „Коперников и Галилеев“ не обойдется. У вас „не оправдалось“, без этих не обойдется»⁵⁸. Без революции не обойдется — таков итог второго «министерского» и «парламентского» кризисов.

После «парламентского» кризиса акции октябристов еще сильнее покатались вниз. На дополнительных выборах в Москве по второй курии кадет Н. В. Тесленко легко оставил за флагом октябристского кандидата, заместителя председателя ЦК Союза 17 октября профессора К. Линдемана. А при выборах в IV Думу расплата настигла и самого Гучкова — он был забаллотирован первой московской курией.

На московском торгово-промышленном небосклоне всходила новая звезда — партия прогрессистов, окончательно оформившаяся уже после выборов в IV Думу (в ноябре 1912 г.), во главе с П. П. Рябушинским, Коноваловым и др. Создание партии прогрессистов было, несомненно, реакцией московской буржуазии на крах октябризма.

Однако надежды ее лидеров на то, что новая партия явится центром, который объединит весь либерально-буржуазный лагерь, присоединив к себе «левых» октябристов, с одной стороны, кадетов — с другой, не оправдались. Образование партии прогрессистов было шагом вперед на путях политической консолидации буржуазии. В то же время оно свидетельствовало о бессилии буржуазии создать свою единую «деловую» партию.

Спустя год после нового «министерского» кризиса вызванная Ленским расстрелом могучая волна революционного рабочего движения нанесла огромной силы удар всему зданию третьеиюньской монархии и подвела окончательный итог пятилетней деятельности III Думы. То, чего так боялись реакция и веховская контрреволюция, то, чем они пугали друг друга, наступило. «Ленский расстрел,— писал В. И. Ленин,— явился поводом к переходу революционного настроения масс в революционный подъем масс»⁵⁹. Провалились как расчеты Столыпина на длительное «успокоение», так и надежды либералов на победу

⁵⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 226.

⁵⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 340.

ликвидаторства в рабочем движении. Истинные размеры и последствия понесенного помещичье-буржуазной контрреволюцией поражения лучше всего подтверждались выводами, которые были сделаны идейными вождями ее правого и левого флангов.

«Возможность таких событий после пятилетнего существования Третьей Думы,— уныло констатировала „Речь“,— служит лучшим показателем ее работ»⁶⁰. В статье «Самозванная власть» Меньшиков делал очень показательные признания по поводу первомайской демонстрации 1912 г. в Петербурге. «Первое мая в Петербурге,— писал он,— прошло гораздо хуже, чем можно было бы желать». Несмотря на заранее принятые меры, «по чьей-то невидимой команде сотни тысяч рабочих прекратили работу и вышли на улицу». Особенный ужас у автора статьи вызвали высокая дисциплина и организованность стачки. «Именно дисциплинированность,— подчеркивал Меньшиков,— отличает политическое движение от полицейского беспорядка. Очевидно, рабочий пролетариат Петербурга уже организован для некоторых совместных действий. Очевидно, он имеет над собой им признанную какую-то тайную власть, более влиятельную, чем официальное правительство». Общий вывод сводился к тому, что «революционные вожаки уже держат пролетариат в повиновении, в условиях постепенного накапливания сил и целесообразной их траты»⁶¹. То же констатировал и орган Струве: «вернулось дооктябрьское (1905 г. — А. А.) отношение к власти»⁶².

Отныне, как это стало ясным для вождей либерализма, течение политической жизни России будет определяться силами, развязанными Ленской стачкой. «...События развертывались и подтвердили другую сторону формулы министра (А. А. Макарова.— А. А.): „так было, так будет“»,— писала «Речь»⁶³. Ей вторила «Русская мысль»: уличные демонстрации в Петербурге были поддержаны массовыми забастовками. Рабочие отвечали Макарову той же фразой: «так было, так будет». «Надежды на органическое развитие,— писал веховец Булгаков,— становятся все слабее».

⁶⁰ «Речь», 10 апреля 1912 г.

⁶¹ «Новое время», 3 мая 1912 г.

⁶² «Русская мысль», 1912, № 6, стр. 156.

⁶³ «Речь», 30 апреля 1912 г.

«Девять десятых русской жизни,— признал полгода спустя другой веховец, Изгоев,— течет вне фарватера Государственной Думы». «Добром это не кончится»,— вещал он, ссылаясь на слова Гучкова, который заявил, что считает внутреннее положение страны с точки зрения контрреволюции «безнадежным»⁶⁴.

Особую тревогу внушало кадетам явно обнаружившееся банкротство ликвидаторов, которое они связывали с крахом столыпинской «конституции». Тот же Изгоев был вынужден признать, что «Правда» полностью побивает ликвидаторскую газету «Луч» в смысле влияния в рабочем классе. В связи с этим он ставит главный вопрос: «Каково же ближайшее будущее „ликвидаторства“? Кто победит: большевики или ликвидаторы?» Ответ его был следующим: «В конечном счете победа будет зависеть не столько от сил и талантов борцов, сколько от условий общего политического развития России... Если напору реакции не будет положен предел, если конституционных сил России окажется недостаточно для мирного государственного преобразования, то большевизм несомненно будет победителем и загонит ликвидаторов в задний угол»⁶⁵.

Это писалось уже во времена IV Государственной думы, когда всем, в том числе и Изгоеву, было ясно, что надежд на «мирное государственное преобразование» нет никаких, что страна семимильными шагами идет к новой революции.

⁶⁴ «Русская мысль», 1912, № 5, стр. 32; № 10, стр. 190; 1913, № 4, стр. 147, 148.

⁶⁵ «Русская мысль», 1913, № 6, стр. 125.

НАЧАЛО РАСПАДА ТРЕТЬЕЙ ЮНЬСКОЙ СИСТЕМЫ

Выборы в IV Думу. Последний акт третьей юньской фарса царизм разыграл уже с IV Думой. Начался он с избирательной кампании. На этот раз фальсификация выборов, основанная на полицейском произволе, сенатских «разъяснениях», кассировании результатов неугодных выборов, фантастических комбинациях с разделением предварительных избирательных съездов по местностям, национальностям и группам, приняла поразительные масштабы и формы.

Славу Крыжановского как «мага и волшебника» по части «делания» выборов в III Думу совершенно затмил его преемник товарищ министра внутренних дел Харузин. Он развернул свою деятельность в духе тех рекомендаций, которые изложил нижегородский губернатор Хвостов на заседании Совета министров совместно с губернаторами, посвященном подготовке к избирательной кампании. Рекомендации эти были таковы, как свидетельствовал позже новый глава правительства, что, будучи произнесены вслух, вызвали неловкое молчание даже у коллег и единомышленников¹.

Но дело не ограничилось только этим. Один весьма существенный и новый момент отличал деятельность прави-

¹ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, т. II, стр. 110.

тельства. При выборах в III Думу оно оказало мощную поддержку не только правым, но и октябристам. В частности, выборы Гучкова обеспечивали, по прямому указанию Столыпина, московский градоначальник Рейнбот и известный черносотенный деятель протоиерей Восторгов, которым, помимо всего прочего, выделили для этой цели известную сумму казенных денег. Некоторые правительственные чиновники даже выступали инициаторами создания местных отделов Союза 17 октября. Теперь же с покровительством октябристам было покончено. Более того, правительственная избирательная машина использовалась против «левых» октябристских кандидатов. По этому поводу вся либеральная пресса подняла неистовый шум, обвиняя правительство в том, что оно хочет получить исключительно право-националистическую Думу и не допускать в нее представителей «общества», т. е. октябристов и кадетов. В доказательство приводился еще один аргумент: невиданная дотоле мобилизация духовенства. Либеральная пресса уверяла читателей, что правительство намеревается послать в Думу не менее 150 священников, которые все как один будут действовать по команде обер-прокурора Синода. Уже в ходе выборов и позже, когда обнаружилось, что выдвинутая версия несостоятельна, та же печать стала доказывать, что, из-за протестов дворян, с одной стороны, и Министерства внутренних дел — с другой, было решено послать в IV Думу столько же священников, сколько их имелось в III Думе, а голоса духовенства использовать для проведения нужных кандидатур из право-националистического лагеря.

Доля истины здесь была, но в целом картина рисовалась неправильная. В действительности правительство не собиралось уничтожать Думу с двумя большинствами, о чем свидетельствуют прежде всего итоги выборов. Та же либеральная пресса объясняла их результат как поражение правительства и победу «общественных сил», но на самом деле он и не мог быть иным при сохранении в неизменном виде третьейиюньского избирательного закона, рассчитанного на получение Думы именно с двумя большинствами. Нарушить это соотношение, не трогая самого закона, можно было лишь путем избрания в Думу 150—200 священников, от чего правительство решительно отказалось.

Среди правых были сторонники Думы с одним большинством. Так, лидер националистов Балашов в своем

письме Столыпину в марте 1911 г. советовал создать Думу с одним большинством путем слияния националистов с правыми октябристами, а в случае неговорчивости Думы «немедленно ее закрыть и приступить к пересмотру и тщательной переработке избирательного закона»².

То, что предлагал Балашов, отнюдь не было новостью. Меньшиков на страницах «Нового времени» предлагал это сделать десятки раз. Царю подавались на этот счет многочисленные записки с разными вариантами нового избирательного закона, вплоть до проектов превращения Думы в законосовещательный орган. Но все эти предложения отвергались, так как царизм понимал, что существовать без Думы после революции 1905 г. он уже не может. Тот же Балашов считал абсолютно невозможным управление Россией без Думы, с помощью одной бюрократии.

Но Дума с одним правым большинством была бы ненужной. Как указывал В. И. Ленин, «крики о право-националистическом большинстве были лишь торговлей с запросом». На самом деле, вопреки уверениям либералов, правительству избирательная кампания «удалась», оно «добилось своего», так как «нуждается в обоих большинствах»³. Смысл кампании против части октябристов состоял в том, что правительству, продолжавшему оставаться на позициях думского бонапартизма, так как иного выхода у него не было, необходимо было укрепить «свое», т. е. право-октябристское, большинство, ослабленное к концу полномочий III Думы процессом «левения» буржуазии и раздорами в стане октябристов. Укрепить же его можно было, поддерживая правых октябристов за счет «левых». В то же время поход против октябристов подтвердил, что в третьейиюньской системе, делавшей ставку на помещиков и тузов буржуазии, «оказалась трещина». Несмотря на то, что нельзя было себе представить большей угодливости, чем угодливость октябристов, «глубоко родственная им по натуре старая власть» не смогла с ними ужиться⁴.

Общие итоги выборов видны из таблицы, составленной В. И. Лениным⁵.

² «Красный архив», 1925, т. 2(9), стр. 292.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 323.

⁴ Там же, стр. 321.

⁵ Там же, стр. 322.

	Третья Дума		Четвертая Дума
	1903 г.	1912 г.	
Правые	49	46	65
Националисты и умеренно- правые	95	102	120
Октябристы	148	120	98
Прогрессисты	25	36	48
Кадеты	53	52	59
Три национальные группы	26	27	21
Трудовики	14	14	10
Социал-демократы	19	13	14
Беспартийные	—	27	7
Всего	429	437	442

Таблица прежде всего показывает, что в IV Думе остались прежние два большинства: право-октябристское в 283 (65 + 120 + 98) и октябристско-кадетское в 226 голосов (98 + 48 + 59 + 21). Вместе с тем она свидетельствует о довольно заметных изменениях, происшедших внутри третьеиюньской системы. Главным было то, что за пять лет произошло, с одной стороны, «громадное и неуклонное уменьшение у октябристов», а с другой — «*громадное и неуклонное повышение у прогрессистов*»⁶. Первые по сравнению с 1908 г. потеряли 50 мандатов, или 34 %, вторые, наоборот, увеличили свое представительство на 23 человека или на 92 %. Это не могло быть только результатом правительственной политики «делания выборов» хотя бы потому, что октябристы в самой III Думе потеряли больше, чем во время выборов в IV Думу (28 и 22 человека), тогда как число прогрессистов в III Думе выросло на столько же, на сколько при последующих выборах (11 и 12 человек). Здесь имел место «процесс отмежевки правого, крепостнически-реакционного крыла контрреволюции от либерально-буржуазного крыла *той же* контрреволюции», «процесс образования настоящих классовых партий»⁷. Граница этого межевания

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 326—327.

⁷ Там же, стр. 325—326.

все явственнее стала проходить между правыми и «левыми» октябристами, ибо прогрессисты, как указывал В. И. Ленин, «и по своему составу и по своей идеологии, это — *помесь октябристов с кадетами*»⁸.

Однако этот процесс образования настоящих, «чистых» классовых партий остался незавершенным вплоть до конца существования царизма. Окончательному объединению как правых, так и либеральных партий и фракций в единые классовые партии мешала революционная обстановка в стране, углублявшая противоречия и в помещичьем и особенно в буржуазном лагере, заставлявшая расходиться партнеров в оценке положения и выборе средств для борьбы с надвигавшейся революцией.

Усиление прогрессизма за счет октябристов отражало процесс «левения» буржуазии, являвшийся в свою очередь симптомом левения страны. На этом основании ликвидаторы делали вывод об обострении противоречий третьеиюньской системы и пророчили торжество умеренно-буржуазного либерализма. Но суть дела состояла в том, что «левение» буржуазии было прежде всего связано с поправлением кадетов.

О крене кадетов вправо свидетельствовала их избирательная тактика и платформа при выборах в IV Думу. Фактически они строили всю избирательную кампанию на блоке с прогрессистами и на лозунге «конституции попроще». Очень долго внутри ЦК и фракции дебатировался вопрос о формальном избирательном блоке с прогрессистами и выдвижении своих кандидатов под беспартийным флагом прогрессизма. Только страх окончательно потерять «демократическое» лицо заставил кадетов отказаться от этого шага. В то же время они в своей избирательной платформе, которую вырабатывали и обсуждали чрезвычайно долго и тщательно, полностью опустили аграрный вопрос. Милюков и другие кадетские лидеры были вынуждены признать, что у них нет ничего, с чем бы они могли обратиться к крестьянству. В довершение всего платформа, из-за запрета властей, не была опубликована, а мысль об опубликовании явочным порядком была категорически отвергнута как несовместимая с принципами «конституционной», действующей исключительно на почве легальности партии.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 327.

Изменения внутри третьей Думы, происшедшие в результате выборов в IV Думу, самым непосредственным образом отразились на ее деятельности. В IV Думе продолжали развиваться противоречия третьего думского блока, расширяться и углубляться «трещина», которая возникла вследствие полного банкротства III Думы.

Паралич Думы. Бесплодие III Думы переросло у ее приемницы в настоящий законодательный паралич. В течение первой сессии правительство вообще не внесло в Думу ни одного законопроекта, который можно было бы причислить к разряду значительных даже с точки зрения октябристско-кадетских либералов. Более того, министр внутренних дел взял обратно законопроект о поселковом управлении, внесенный в III Думу. Одновременно Государственный совет отклонил одобренный III Думой законопроект о введении земства в Архангельской губернии, мотивируя отсутствием там помещичьего землевладения⁹.

Вся помещичье-буржуазная пресса писала о царящей в Думе «скуке», апатии, охватившей ее, непосещении заседаний и т. п., сознании полной бесплодности всяких усилий по части «органического» законодательства. Либералы, естественно, обвиняли во всем правительство и Государственный совет. Характеризуя думские настроения, октябристский публицист в статье под названием «Без надежды» писал: «...Все партии обесцветились, все знамена полиняли, все ораторы твердят надоевшие зады. Ни тактики, ни работы у них нет, потому что нет плана, что делать, как вывести Россию из тупика... Они сидят в Думе, как в канцелярии. И жгучее чувство безнадежности охватывает при взгляде на такую Думу»¹⁰.

Вывести Думу из прострации попытались кадеты, вставшие, в отличие от прошлых лет, на путь довольно широкой законодательной инициативы. Они внесли свои законопроекты, среди которых было несколько «боевых». При этом преследовалась двойная цель: подтолкнуть октябристов в сторону «левого центра» и поднять, насколько возможно, престиж Думы в глазах масс, который уже был близок к нулю. На первой сессии были внесены законопроекты о неприкосновенности личности, о печати,

⁹ Е. Д. Черменский. Указ. соч., стр. 166.

¹⁰ «Голос Москвы», 9 февраля 1913 г.

свободе совести, союзах и собраниях, реформе Городового положения 1892 г. и, наконец, об изменении избирательного закона по выборам в Думу. Судьба всех этих законопроектов, разумеется, была весьма плачевной.³

Законодательное предположение о неприкосновенности личности было отклонено Думой даже в смысле его желательности. Оно было передано в комиссию только в качестве материала, т. е. навеки похоронено. Не помог кадетам расчет на поддержку октябристов, которые много раз требовали от правительства внесения этого законопроекта, жалуясь на царящий всюду, особенно в провинции, безудержный произвол администрации и полиции, не обходящих своим вниманием даже «умеренные слои общества». Не помогла и горячая речь Родичева, пытавшегося снова объяснить правительству и Думе всю меру общей опасности, вызываемой отсутствием реформ. «И мы,— говорил кадетский оратор, подытоживая пройденный либерализмом путь,— когда в течение десятков лет мы употребляем все усилия для того, чтобы достичь своих идеалов проповедью, мы остаемся в дураках (справа смех и рукоплескания...). Да, гг., перед теми, которые говорят: без насилия не будет свободы...»¹¹.

Вся буржуазия, писал В. И. Ленин, «от кадетов до октябристов, кричит и стонет, призывая к реформам и сама себя объявляя в „дураках“ за допущение мысли о возможности реформ в России»¹².

Та же участь постигла и весьма умеренный кадетский законопроект о свободе совести, сохранявший господствующее положение православной церкви. Законопроекты о печати, собраниях и союзах были признаны желательными и переданы в комиссии, но обратной дороги на повестку дня Думы они не нашли.

Центральное место в «малой законодательной программе» кадетов занимал законопроект, предлагавший заменить закон 3 июня всеобщим избирательным правом. Новизна здесь, с точки зрения кадетской тактики, заключалась в том, что это был демонстративный законопроект, не имевший ни малейших шансов быть принятым, так как это было бы актом самоубийства как для правых, так и для октябристов. Да и сами кадеты никогда бы не внесли его, если бы

¹¹ Гос. дума. Четвертый созыв. Ст. от., с. I, ч. 1, стб. 1514.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 305.

всерьез рассчитывали на его принятие. Опыт III и IV Думы достаточно убедил их в том, что их собственное представительство в Думу обеспечивается троеиюньским избирательным законом. Именно поэтому октябристы упрекали кадетов в лицемерии, доказывая с полным основанием, что они не меньше их боятся всеобщего избирательного права. Таким образом, кадеты здесь встали на тот путь, который раньше отвергали, считая его принципиально неприемлемым для «ответственной оппозиции». Процесс безостановочного левения страны и столь же безостановочного падения роли Думы заставил их признать свое поражение перед социал-демократической фракцией и попытаться воспользоваться ее же оружием.

В то же время кадетский законопроект был очередным зондажем настроений октябристов, оказавшимся и на этот раз весьма неудачным. «...Говорить о всеобщем избирательном праве,— заявил Шидловский,— по-моему, представляется совершенно невозможным, и такова точка зрения Союза 17 октября»¹³.

Не имела успеха и инициатива прогрессистов, выступивших с законодательным предположением об изменении земского Положения 1890 г. в сторону некоторого расширения избирательного права и прав земства.

В IV Думе не было по существу возможности для либерального творчества даже по октябристскому рецепту. Ничтожный октябристский законопроект, предусматривавший незначительное понижение ценза при выборе земских гласных, встретил возражения среди самих октябристов. И когда Дума высказалась за желательность законопроекта, он, как и другие, погиб в недрах комиссии.

Законодательный паралич IV Думы был неизлечим.

Кризис «верхов». Параллельно с кризисом Думы развивался кризис «верхов». Содержанием его были резкий крен «верхов» вправо, падение авторитета официального правительства, полное превращение его в объект игры камарильи и «темных сил», что нашло наиболее яркое и законченное олицетворение в распутинщине.

Преемником Столыпина царь назначил В. Н. Коковцова, оставив ему же пост министра финансов. Коковцов не был прямым ставленником камарильи, какими являлись например, военный министр В. А. Сухомлинов и сменивший

¹³ Ст. от., с. I, ч. 1, стб. 2191.

Макарова на посту министра внутренних дел черниговский губернатор Н. А. Маклаков. Но камарилья рассчитывала на него как на исполнительного оппортуниста-чиновника, **учитывавшего в своей деятельности прежде всего настроение и волю «сфер»**. Шидловский позже писал, что царь при назначении Коковцова на пост председателя Совета министров прямо сказал ему: «Не следуйте примеру Петра Аркадьевича (Столыпина.— А. А.), который как-то старался все меня заслонять, все он и он, а меня из-за него не видно было»¹⁴. Сам Коковцов свидетельствует, что императрица по тому же поводу сказала ему буквально следующее: «...Вы не должны стараться слепо продолжать то, что делал ваш предшественник... Не ищите поддержки в политических партиях; они у нас так незначительны. Опирайтесь на доверие государя...»¹⁵

Коковцов не только отлично понял, чего ждут от него верхи и правые, но с первых же дней своего премьерства стал делать все, чтобы оправдать эти ожидания. В частности, свое первое появление в Думе в качестве председателя Совета министров он ознаменовал националистической речью, которая привела в бурный восторг всю правую часть Думы, хотя до этого Коковцов в помещичье-буржуазных кругах считался противником национальной политики Столыпина. И тем не менее он потерял полученное им в аванс доверие верхов очень быстро.

Крепостникам-помещикам политика Коковцова казалась **чересчур буржуазной, недостаточно обеспечивающей их аппетиты**. Показателем их недовольства служит цитированная выше статья Меншикова «Экзамен В. Н. Коковцова».

Одним из непосредственных поводов, вызвавших крайнее раздражение думских правых против Коковцова, было его нежелание давать безоглядно деньги главарям черносотенцев, грызня которых из-за казенных денег сделалась уже притчей во языцех. Когда Пуришкевич, П. В. Новицкий и Марков 2-й потребовали от Коковцова 960 тыс. руб. на избирательную кампанию в IV Думу, последний отказал, отлично понимая, куда в действительности пойдут деньги¹⁶. В ответ Марков разразился угрозами, и с этого

¹⁴ С. И. Шидловский. Воспоминания, ч. I, стр. 198.

¹⁵ В. Н. Коковцов. Указ. соч., т. II, стр. 8.

¹⁶ Там же, стр. 112—113.

времени появление Коковцова в IV Думе стало сопровождаться резкими нападками в его адрес со стороны правых и националистов.

Но главным камнем преткновения для Коковцова, как и для ряда других министров, стал Распутин. Распутинщина в 1912—1914 гг. уже расцвела пышным цветом. Влияние «старца» при дворе было огромным. Падение Макарова целиком было обусловлено его тактическим промахом в отношении Распутина. Распутин сделался «центральным вопросом», свидетельствует Коковцов¹⁷. Распутин и его похождениями были заняты двор, Совет министров, Дума, пресса. Одна сенсация сменялась другой. Газеты смаковали драку с Распутиным его недавних друзей — епископа Гермогена и монаха Иллиодора. По требованию царя оба еще недавно всесильные черносотенцы-обскуранты подверглись суровому наказанию Синода. Царь требовал от Коковцова, чтобы тот заставил печать молчать о Распутине, что было невозможно. Со своей стороны Коковцов настаивал, во имя спасения престижа царской власти, на отъезде Распутина в Тюмень. В результате Коковцов полностью утратил расположение царской четы и вопрос о его отставке стал только делом времени.

Уже в период избирательной кампании в IV Думу министры А. В. Кривошеин, И. Г. Щегловитов, С. В. Рухлов, В. А. Сухомлинов и др. — все ставленники камарильи и крайние черносотенцы — повели тайную и явную борьбу против премьер-министра. Когда собралась IV Дума, они заключили с этой целью союз с главарями крайних правых и националистов. Первый удар от них Коковцов получил, явившись в Думу с правительственной декларацией. Оценивая декларацию, Пуришкевич говорил: «Нам надоела, нам претит... эта шаткость правительственной власти...» «Программа, с которой выступил здесь перед нами председатель Совета Министров, это не путеводная звезда..., а... туманность»¹⁸. На Коковцова обрушились также националисты, выражая при этом сочувствие сидевшим тут же в министерской ложе Рухлову, Щегловитову, Кривошеину и Макакову¹⁹.

Следующий удар Коковцову был нанесен в мае 1913 г. во время бюджетных прений. Адресуясь непосредственно

¹⁷ В. Н. Коковцов. Указ. соч., т. II, стр. 21, 44.

¹⁸ Ст. от., с. I, ч. 1, стб. 290, 292.

¹⁹ В. Н. Коковцов. Указ. соч., т. II, стр. 134.

к министру финансов, Марков 2-й произнес: «красть нельзя»²⁰. Это было рассчитанное оскорбление, в ответ на которое министры перестали посещать Думу. «Министерская забастовка» длилась до осени. Инцидент был улажен Щегловитовым, заявившим председателю Думы Родзянко, что конфликт исчерпал себя, так как ему точно известно, что дни Коковцова сочтены и он скоро будет уволен в отставку²¹.

В сентябре 1913 г. князь В. П. Мещерский, имевший большое влияние на царя, в своем журнале «Гражданин» резко напал на Коковцова за то, что он якобы хотел ввести в России «парламентаризм» и узурпировать в пользу Совета министров прерогативы короны. Сверх того, Коковцов обвинялся в личной вражде к «молодому и талантливому министру внутренних дел» Маклакову, которому он будто бы мешал выполнить волю царя — осуществить «прекрасный» план обуздания печати²². В такой резкой форме обвинения не предъявлялись даже Столыпину.

Еще более нелепым был предлог, избранный для отставки Коковцова, которая последовала 29 января 1914 г. Царь выразил Коковцову недовольство в связи с тем, что его финансовая политика строилась главным образом на спаивании народа. Соответственно этому его преемнику на посту министра финансов П. Л. Барку предлагалось принять меры к сокращению потребления водки. Это была грубая, примитивная демагогия, не имевшая под собой никакого желания покончить с «пьяным бюджетом». Увольнению Коковцова предшествовала кампания «Гражданина» и думских правых, обвинявших его в спаивании народа, и это лишний раз подтверждает, что его отставка явилась результатом совместных действий камарилы и правых.

На посту председателя Совета министров Коковцова заменил И. Л. Горемыкин, крайний реакционер, старый, ленивый, равнодушный ко всему и вся сановник. Уже самый этот факт говорил о том, что отныне всякой самостоятельности официального правительства пришел конец и оно становится безвольной игрушкой в руках «темных

²⁰ Ст. от., с. I, ч. 3, стб. 66; В. Н. Коковцов. Указ. соч., т. II, стр. 163—164.

²¹ В. Н. Коковцов. Указ. соч., т. II, стр. 235.

²² Там же, стр. 199.

сил». Вот что писал об этом сам Коковцов в своих воспоминаниях: «В ближайшем кругу государя понятие правительства, его значение, как-то стушевывалось, и все резче и рельефнее выступал личный характер управления государем...» Авторитет «главы правительства... совершенно поблек», и стали господствовать «упрощенные взгляды», что «государь может сделать все один», а власть министров и Думы должна быть ограничиваема «возможно меньшими пределами», так как они умаляют престиж царя²³.

При невозможности осуществить «реформы», обеспечивавшие переход царизма на рельсы буржуазной монархии, такой итог был совершенно неизбежен.

Начало распада третьеиюньской системы. Следствием хронического кризиса «верхов» и Думы был распад третьеиюньской системы. Окончательно он наступил уже в годы войны и выразился, с одной стороны, в крушении системы правого и либерального большинства и переходе Думы как целого, за исключением крайних правых и части националистов, в оппозицию к режиму, а с другой — в открытой войне против Думы царизма, не решавшегося, однако, разогнать ее. Оба момента были тесно связаны между собой, так как основа их была одна и та же — политический кризис в стране, который к кануну войны достиг уже крайней степени остроты. Революционная ситуация заставляла «леветь» не только кадетов, но и октябристов и даже часть правых. Она же вынуждала насквозь прогнившее самодержавие поворачивать все более вправо.

Сильнее других, естественно, «полевела» партия, именовавшая себя партией «народной свободы». На кадетских конференциях, заседаниях ЦК и фракции борьба «реальных политиков» с правым крылом руководства партии неизменно заканчивалась в пользу Милюкова и др., требовавших строить тактику партии с учетом изменившейся обстановки в стране.

На заседании ЦК 28 октября 1912 г. Милюков, предложив поставить в Думе на первую очередь законопроект о всеобщем избирательном праве, указывал, что «в этот первый законопроект кадетами должны быть внесены боевые политические ноты». Милюкова поддержало большинство ЦК²⁴.

²³ В. Н. Коковцов. Указ. соч., т. II, стр. 155—156.

²⁴ Е. Д. Черменский. Указ. соч., стр. 147.

На кадетской конференции 31 января — 2 февраля 1913 г. Милюков выступил еще более решительно, заявив, что кадеты должны находиться в «непримиримой оппозиции к власти» до тех пор, пока не будет осуществлена «демократизация государственного строя, что возможно при всеобщем избирательном праве, равноправии народностей и ответственности министров». Возражения Маклакова, Челнокова, Гредескула и др. о том, что боевая тактика сыграет на руку только левым и оттолкнет от кадетов стоящие правее «прогрессивные элементы Думы», успеха не имели. Представители с мест и «левые» кадеты, в частности представитель Москвы, доказывали, что «надо идти не к умеренным элементам, а к рабочим массам, приказчикам и т. п.». Представитель Риги, указывая на усиление социал-демократии в обеих столицах, на то, что «города понемногу переходят к социал-демократам», предлагал «подумать над тем, как сохранить и привлечь массового избирателя»²⁵.

Еще более радикальные призывы раздались на кадетской конференции в марте 1914 г. С докладом о тактике, сделанным до этого на заседании ЦК, выступил один из наиболее левых кадетских лидеров, Н. В. Некрасов. Он считал «маловероятным естественный, мирный исход из создавшегося тупика» и, наоборот, «вероятными резкие конфликты», из чего вытекает, что партия «должна быть настороже, чтобы не быть захваченной событиями врасплох». Для этого Некрасов предлагал центр тяжести работы партии перенести на внедумскую деятельность, перестроив тактику в соответствии с господствующими в стране настроениями. «Можно не верить, — говорил докладчик, — в „мускулистый кулак“ пролетария, но нельзя игнорировать, что рабочее в высшей степени активная сила». Одновременно он настаивал на необходимости для кадетов «сохранять свое лицо» и еще «более выпукло», чем в 1905 г., «отмежеваться от утопического социализма» и «сохранять дружественный нейтралитет» по отношению к октябристам²⁶.

Позиция Некрасова показалась слишком левой не только правым кадетам, но и милюковской группе «реальных политиков». Ему возражали как Изгоев, так и Родичев

²⁵ Е. Д. Черменский. Указ. соч., стр. 177, 178.

²⁶ Там же, стр. 229—231.

и Шингарев. Смысл всех их возражений сводился к тому, что у кадетов нет никаких шансов повести за собой рабочий класс и крестьянство. Заигрывание с левыми, в частности с социал-демократией, приведет к повторению ошибок 1905 г., к тому, что в «момент политических переворотов» кадеты будут «сжаты как буфера между левыми октябристами и большевиками», которых разделяет «громадная пропасть»²⁷.

Тем не менее принятая тактическая линия проходила довольно близко от линии, предлагавшейся Некрасовым. Формулируя позицию большинства, Милюков заявил, что деятельность партии должна строиться на учете общего полевления страны. «Совет Родичева — смирно держаться оборонительной тактики — совершенно неприемлем. Именно теперь-то и надо держаться ярче и непримиримее, и это есть то правильное, что заключается в докладе Н. В. Некрасова». Конкретно Милюков предлагал не останавливаться перед отвержением смет реакционных ведомств — министерств внутренних дел, юстиции и народного просвещения, требовать ответственности министров перед Думой, а при попытках проведения реакционных законопроектов применять обструкцию²⁸.

Рост оппозиционных настроений прогрессистов также был довольно заметным. Уже на своем учредительном съезде они пришли к выводу, что «нет надобности беречь Думу IV созыва» и что «могут наступить такие обстоятельства, когда надо будет сознательно идти на роспуск и даже ускорять его...» В борьбе с правительством они предусматривали такое радикальное, с точки зрения либералов, средство, как отказ в кредитах²⁹. Как правило, в Думе прогрессисты выступали совместно с кадетами.

В августе 1913 г., во время посещения Коковцовым Нижегородской ярмарки, председатель ярмарочного комитета А. С. Салазкин от имени всероссийского купечества потребовал «осуществления обещанных реформ на началах, с высоты престола возвещенных 17 октября»³⁰. Выступление Салазкина нашло сочувственный отклик в кругах торгово-промышленной буржуазии.

²⁷ Е. Д. Черменский. Указ. соч., стр. 233.

²⁸ Там же, стр. 234—235.

²⁹ «Съезд прогрессистов 11, 12 и 13 ноября 1912 г.», СПб., 1913, стр. 6—7.

³⁰ Е. Д. Черменский. Указ. соч., стр. 206.

Оппозиционные ноты явственно прозвучали и на VIII Всероссийском съезде представителей промышленности и торговли в мае 1914 г. Капиталисты жаловались на то, что Министерство внутренних дел, применяя только полицейские меры, лишь обостряет и усиливает рабочее движение. Постоянные политические забастовки, указывали они, создают тревогу и неуверенность на бирже, подрывают международный финансовый кредит страны и затрудняют прилив иностранных капиталов. Съезд в специальной резолюции призвал правительство отказаться от крайностей черносотенно-националистической политики и встать на путь постепенных реформ³¹.

Переломным моментом для октябристов явился их съезд в ноябре 1913 г., на котором с докладом об общем политическом положении страны и тактике Союза 17 октября выступил Гучков. Основная идея его доклада состояла в том, что попытка октябристов добиться «примирения власти с обществом» потерпела неудачу, правительство не выполнило своего обещания, договор им нарушен и единственная остающаяся для октябристов возможность предотвратить надвигающуюся «катастрофу», т. е. революцию, — это перейти в резкую оппозицию к правительству. Обвиняя во всем камарилью, Совет объединённого дворянства и правое крыло Государственного совета, погубившего такого «исполина», как Столыпин, и дело обновления страны по октябристско-столыпинскому рецепту, Гучков заявил, что отныне договор разорван. Победа реакции вызвала «глубокий паралич» власти, «государственный корабль потерял... всякий курс... Никогда авторитет правительственной власти не падал так низко». «Развал центральной власти отразился, естественно, и полной дезорганизацией администрации на местах». Куда все это ведет, ставит Гучков роковой вопрос и отвечает: «к неизбежной тяжелой катастрофе». Единственный выход для октябристов — это борьба с правительством за реформы, в которой «должны быть использованы все легальные средства парламентской борьбы: свобода парламентского слова, авторитет думской трибуны, право запросов, право отклонять законопроекты, и прежде всего бюджетные права, право отклонять кредиты». «Перед грядущей катастро-

³¹ Е. Д. Черменский. Указ. соч., стр. 236—238.

фой,— объяснял смысл и назначение предлагаемой им новой тактики лидер октябристов,— именно мы должны сделать эту последнюю попытку образумить власть, открыть ей глаза, вселить в нее ту тревогу, которою мы полны...»³².

Резолюция, принятая съездом, была выдержана в духе доклада и предложений Гучкова. Однако большинство думской фракции октябристов отказалось считать ее директивной. Она, вопреки протестам «левых» октябристов, была принята лишь к сведению, а не к руководству. Кончилось дело тем, что после нескольких бурных заседаний ЦК и фракции последняя в декабре 1913 г. распалась на три фракции: земцев-октябристов (65 человек), «левых» октябристов (22 человека) и беспартийных, т. е. нефракционных октябристов (15 человек), которые представляли собой наиболее правую часть фракции. ЦК октябристов, обсудив создавшееся положение, принял решение «считать принадлежащими к Союзу 17 октября всех членов бывшей парламентской фракции его, безотносительно к тому, в которую из трех образовавшихся групп фракции они зачислились...»³³.

Отражая кризис «верхов», борьбу внутри правительственного лагеря, стала дробиться и фракция националистов. Процесс этот начался еще в III Думе. От националистов-балашовцев откололась большая часть во главе с Крупенским, назвавшая себя фракцией «центра». По мере углубления политического кризиса в стране и усиления оппозиционных настроений в Думе эта группа также переходила в оппозицию.

Наиболее резкие оппозиционные выступления в Думе, как и раньше, имели место во время бюджетных прений, особенно при обсуждении сметы Министерства внутренних дел, и при запросах о тех или иных незакономерных действиях правительства и администрации. На этих «боевых» вопросах и объединялись все чаще октябристы и кадеты.

Первым таким совместным выступлением было избрание Родзянко председателем Думы октябристско-кадетским большинством, в отличие от его предшествующего

³² «Отчет Центрального комитета Союза 17 октября о его деятельности с 1 октября 1913 г. по 1 сентября 1914 г.». М., 1914, стр. 168—169, 172—175, 177—179.

³³ Там же, стр. 14.

избрания, совершенного с помощью правого большинства. Также вместе выступали кадеты и октябристы при обсуждении запроса, обвинявшего правительство в выборных махинациях и беззакониях во время избирательной кампании в IV Думу.

Довольно острая дискуссия разгорелась при обсуждении декларации Коковцова. Милюков выдвинул три основных лозунга: изменение избирательного закона, реформа Государственного совета, ответственность правительства перед Думой³⁴. В том же духе была составлена и кадетская формула перехода. Для октябристов она была слишком радикальной, поэтому они голосовали за формулу прогрессистов, предлагавшую правительству вступить на путь осуществления начал манифеста 17 октября и водворения законности. К ней присоединились и кадеты, и она была принята октябристско-кадетским большинством.

Тема всех оппозиционных выступлений была в сущности одна: правительство, отказываясь встать на путь реформ, делает тем самым неизбежной новую революцию, ускоряя ее приход. Правительство, жаловался Шингарев в своем выступлении в мае 1913 г., «разрушает надежду на мирный, законный исход». Административный произвол, вторил ему октябрист Шидловский, «не усиляет власть, а расслабляет ее совершенно». Если правительство не изменит своего губительного курса, предупреждал Маклаков, оно окажется в одиночестве, а когда, наконец, «явятся умные люди» и «раздадутся умные слова», уже будет поздно — «в это время будут верить не им, не нам», а «будут слушать одних демагогов» (т. е. революционеров), и тогда Дума уже ничего не сможет «предотвратить»³⁵.

По смете Министерства внутренних дел на 1913 г. Дума приняла добавление к формуле перехода, внесенное октябристами, осуждавшее министерство за то, что оно «препятствует водворению в России правового порядка и убивает в народе уважение к закону и власти и тем усиливает в стране оппозиционное настроение»³⁶.

Весной 1914 г. прогрессисты и октябристы, не говоря уже о кадетях, поставили вопрос о борьбе с правительством посредством использования бюджетных прав Думы.

³⁴ Ст. от., с. I, ч. 1, стб. 601—602.

³⁵ Там же, ч. 2, стб. 1013, 1523; ч. 3, стб. 125.

³⁶ Там же, ч. 2, стб. 1941.

На совещании прогрессистов 8 апреля было решено объявить правительству бюджетную войну, не останавливаясь даже перед роспуском Думы. Земцы-октябристы вместе с «левыми» октябристами высказались за отклонение смет министерств внутренних дел, народного просвещения, юстиции, а также Синода ³⁷.

Объясняя смысл всех подобных выступлений, В. И. Ленин писал: «Несомненно, учащение оппозиционных решений в IV Думе, принимаемых октябристско-кадетским большинством, доказывает нарастание политического кризиса в России,— доказывает, что третьейюнская система зашла в тупик, не удовлетворив даже буржуазии, готовой жертвовать на благо этой системы, на укрепление контрреволюции,— и деньги, и честь, и совесть» ³⁸.

Бессилие либеральной оппозиции заключалось в том, что она по-прежнему пыталась договориться с царизмом. Кадеты, прогрессисты и октябристы призывали правительство «образумиться», найти пути «примирения» со страной, т. е. с буржуазией. Пусть власть «заключает мир» и окончательно признает «новый строй», призывал Маклаков. «...Оппозиция хорошо понимает,— говорил он, обращаясь к правительству,— что сразу все не делается. И малейший шаг в хорошем направлении не встретит в оппозиции палок в колеса» ³⁹. Родичев продолжал надеяться на «чудо просветления», которое должно снизойти на власть, и т. д.

Вред либеральной оппозиции состоял в стремлении посеять конституционные иллюзии, удержать народ от революционной борьбы. Учитывая полевание октябристов, кадеты «принялись систематически защищать IV Думу и требовать для нее „народной и общественной поддержки“» ⁴⁰, и это делалось тогда, когда сами кадетские лидеры уже открыто признавали, что ставка на реформы полностью провалилась. «Мостик к мирному переходу совсем разрушен»,— констатировал в мае 1913 г. на заседании ЦК Миллюков ⁴¹.

Но ответом царизма на оппозицию буржуазии были поиски путей для разгона Думы и совершения нового

³⁷ Е. Д. Черменский. Указ. соч., стр. 239.

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 311.

³⁹ Ст. от., с. I, ч. 1, стб. 342, 340.

⁴⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 227.

⁴¹ Е. Д. Черменский. Указ. соч., стр. 180.

государственного переворота. Выражая настроения верхов, Мещерский в своем «Гражданине» выступил с планом разгона Думы и изменения избирательного закона в целях превращения Думы из законодательной в законосовещательную. По сведениям Милюкова, во главе возникшего в 1913 г. антидумского заговора встал великий князь Николай Николаевич, который намеревался привлечь к заговору дворцового коменданта В. А. Дедюлина и графа А. А. Бобринского⁴².

Накануне открытия второй сессии Н. А. Маклаков в письме к царю испрашивал разрешения на роспуск Думы, если она не умерит своего оппозиционного тона. Царь не только согласился с ним, но и предложил обсудить в правительстве свою «давнишнюю мысль» о превращении Думы в законосовещательный орган⁴³. Получив санкцию царя, Маклаков внес свой план на рассмотрение Совета министров. Но последний, вынужденный учитывать как внутреннюю, так и внешнюю обстановку, отнесся к этому плану отрицательно. В частности, такое отношение было связано с неудачей, постигшей Коковцова в Париже, где он вел переговоры о заключении железнодорожного займа и где ему заявили, что предлагаемые тяжелые условия займа вызваны шаткостью положения Думы, процессом Бейлиса, «министерской забастовкой» и т. п.⁴⁴

В июне 1914 г. Николай II на заседании Совета министров лично поставил вопрос об изменении Положения о Государственной думе в том смысле, чтобы отвергнутые ею законопроекты могли односторонне приниматься Государственным советом. Однако даже Щегловитов выступил против этого предложения, считая его осуществление опасным для режима⁴⁵.

Убеждаясь снова и снова в невозможности разгона Думы и нового государственного переворота, царизм встал на путь систематической войны с Думой. Именно такую политику повел Горемыкин сразу после того, как он сменил Коковцова. В частности, Горемыкин заявил в марте 1914 г., что председатель Совета министров по закону не обязан отвечать на обращенные к нему запросы Думы: такая обя-

⁴² Е. Д. Черменский. Указ. соч., стр. 246—247.

⁴³ «Падение царского режима», т. V, стр. 194—196.

⁴⁴ Е. Д. Черменский. Указ. соч., стр. 220.

⁴⁵ «Падение царского режима», т. II, стр. 437—438.

занность вменена лишь министрам и главноуправляющим. До этого товарищ министра внутренних дел утверждал с думской трибуны, что Дума не имеет права разрабатывать законопроекты, выработку которых правительство взяло на себя. Правительство также сделало попытку ликвидировать неприкосновенность депутатского слова и т. д. Дума отвечала на это усилением оппозиционного тона.

Третьеиюньская система исчерпала себя. Характеризуя в мае 1914 г. политическое положение в стране в связи с принятием Думой октябристской формулы, осуждающей политику Министерства внутренних дел, В. И. Ленин писал:

«Распад, колебания, взаимное недоверие и недовольство внутри системы 3-его июня, внутри помещиков и реакционной буржуазии. „Они“ обвиняют друг друга — Пуришкевичи либералов, либералы Пуришкевичей — в поощрении и ускорении новой революции.

Таково положение»⁴⁶.

Начавшаяся мировая война лишь ненадолго изменила это положение. В 1915 г. в Думе возник «Прогрессивный блок», объединивший в оппозиции правительству не только кадетов и октябристов, но и часть националистов. Третьеиюньская система с двумя большинствами перестала существовать. Резко усилился кризис «верхов». Разложение царизма достигло крайнего предела. Вызревал исключительной силы революционный кризис. Страна неудержимо шла к новой революции.

⁴⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 149—150.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая.</i> РЕАКЦИЯ	3
<i>Глава вторая.</i> ТРЕТЬЕЙЮНЬСКИЙ БЛОК	16
<i>Глава третья.</i> «МИНИСТЕРСКИЙ» КРИЗИС	29
<i>Глава четвертая.</i> АГРАРНЫЙ ВОПРОС	57
<i>Глава пятая.</i> НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС	81
<i>Глава шестая.</i> РАБОЧИЙ ВОПРОС	114
<i>Глава седьмая.</i> ВТОРОЙ «МИНИСТЕРСКИЙ» КРИЗИС	137
<i>Глава восьмая.</i> НАЧАЛО РАСПАДА ТРЕТЬЕЙЮНЬСКОЙ СИСТЕМЫ	161

А В Р Е Х А. Я.

Царизм и третьенюньская система

Утверждено к печати

Институтом истории АН СССР

Редактор издательства *Шаров Е. А.*

Художник *Н. Н. Румянцев*

Технический редактор *Н. П. Кузнецова*

Сдано в набор 20/V 1966 г. Подписано к печати 19/VIII 1966 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5,75. Усл. печ. л. 9,66

Уч.-изд. л. 9,4 Тираж 3800. Изд. № 1216

Тип. зак. 866 Т-12412

Цена 66 коп.

Издательство «Наука»

Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»

Москва, Г-99, Шубинский пер., 10